

ТАЙННЫЙ
ВРАГ

Дед Скрипун

Annotation

Что было на земле 40000 лет назад? Об этом можно спросить нашего героя Федора, который уже как год живет в том мире, став за это время воином и обзаведясь тройкой неразлучных, верных друзей. Продолжение книги "40000 Лет назад" Новые похождения названных братьев.

Глава 1 Приключения продолжаются

Странный костер потрескивал жутковатыми черными искрами мрака, уносясь в сиреневое небо протуберанцами иномирного зеленого огня вспыхивая синими языками едкого пламени.

Расплывшееся по небу горбатое, кривое на один бок желтое солнце, вместо положенного ему природой и богами слепящего жара, заливало поляну жутким полярным, проникающим в самую душу холодом. Трава под ногами хрустела искрящимся антрацитом, обламываясь, осыпаясь сверкающей пылью на сапоги.

— Что? Необычно? — Вместо приветствия обратился к Федограну могучий седой старик, сжимая в руках раздвоенную от середины полыхающую электрическими разрядами молнию, вместо посоха. Тяжело шагнув на встречу, он взял парня за плечо и дружелюбно сжав в мощной ладони, развернул к костру, у которого сидела черная женщина, в черном облаке кресла, опустив голову.

— Добро пожаловать в Правь, мой мальчик. Жалко, что ты видишь все простыми человеческими глазами, искажающими суть, и не можешь насладиться всем великолепием окружающего тебя мира. Увы, но это не дано смертному. Как ты наверно уже понял, я Перун, а вон та потрясающей красоты дама, сидящая в кресле у костра — это Морена. Она специально поднялась сюда из мрака Нави, чтобы поговорить с тобой.

Черные глаза богини смерти оторвались от созерцания огня и взглянули из-под длинных черных ресниц прямо в душу Федора. Черные как смоль, вьющиеся, распущенные волосы до пояса, оттеняющие неестественно-белое лицо, и: черные губы, черные брови, черные длинные, ухоженные ногти на пальцах, черное, воздушное, свободное, клубящееся мраком на легком солнечном ветре платье, и черный кулон на шее с каплями кровавых рубинов в глазницах черепа на черной цепочке.

Она была действительно невероятно красива. Красива той пугающей божественной суровостью, которую невозможно описать простыми человеческими словами, это все равно, что описывать вдохновение поэта или художника, попробовать можно, конечно, но лучше не стоит, все равно не получится.

— Присаживайся мальчик. — Ее рука порхнула, указывая на выросший в то же мгновение из антрацитовый травы круглый черный табурет, с тремя кровавыми витыми ножками и облачком белого тумана вместо сиденья. — Нам надо поговорить.

— Здравствуй богиня и тебе здравия, Перун? — Федор с почтением склонил голову и сел, не испытывая при этом ни страха, ни трепета. Он смотрел на все происходящее как статист. Ведь это был всего лишь сон. Он твердо знал это. Богатырь, уже не единожды, несмотря на свои семнадцать лет, смотрел в лицо смерти и побеждал. Сколько раз, за прошедший год, с того самого момента, как он попал в далекое прошлое, проходил он по самому жалу острого лезвия судьбы, где с каждой стороны пропасть. Так чего же ему бояться простых ночных видений.

— Молодец. — Похвалил Перун, опускаясь рядом на такой же табурет. — Не тушуешься. Но это не совсем сон, как ты думаешь. Ты действительно сейчас в Прави. Там, где еще ни разу не был ни один смертный. Ты исключения из правил, которые нам с Мореной пришлось нарушить. Мы на время выдернули твою бессмертную сущность из смертного, на данный момент отдыхающего в кровати тела и перенесли сюда.

— То есть вы снова решили поменять мою судьбу, как год назад? И снова не поинтересовавшись моим мнением. — Спросил Федор, с суждением и твердо посмотрев в переливающиеся молниями глаза богу.

— Не дерзи! Думай с кем говоришь! — Вспылил тот вскочив и засверкав искрами гнева в белоснежной одежде.

— Сядь, Перун. — Улыбнулась богиня. — Твоя вспыльчивость сейчас не уместна, и мальчик по-своему прав. — Она перевела взгляд, на Федора. — Тебя призвали в мир богов, лишь только для разговора, после этого ты вновь окажешься в своем смертном теле.

— От тебя сейчас зависит будущее этого мира. — Успокоившийся Перун снова сел рядом. — Я ни буду тебя ни о чем просить, и ничего требовать. Я не имею на это права. Я просто расскажу, что происходит сейчас и что будет в будущем, если ничего не поменять. Решения же ты примешь сам, и не сейчас, а потом, когда придет время и ты на что-то решишься:

Наша вселенная, созданная высшим богом-Родом, изменилась. Родилась новая, незапланированная при создании этого мироздания, реальность. Раньше было только три сущности высшей божественной воли: Навь — загробный мир, Явь — Мир людей, и Праве — мир богов. Теперь же появилось что-то новое — неизвестное, то, что рушит старый миропорядок.

Задумано это так Родом или происходит помимо его воли мы не знаем, но это убивает наш привычный мир, и мы не можем остаться в стороне, простыми наблюдателями. Но у нас очень мало для этого сил.

Появился новый бог. Он называет себя: «Богом истинных воинов», обещает вечную жизнь погибшим ради его славы. Обещает им после смерти, вечный, непрекращающийся пир за столом изобилия, в окружении прекрасных дев. Обещает вечное наслаждение. Он поощряет любую подлость ради служения ему и достижения цели. Он смеется над словом: «Честь», называя его атавизмом.

Такое понятие как: «Слава», подменилось на: «Целесообразность». Нет, название у него все то же красивое: «Слава», вот только суть другая, она теперь не говорит о совести, жертвенности и чести, а подразумевает под собой: эгоизм, подлость, и обогащение любой ценой. Все перевернуто с ног на голову. Мирозданье рушится.

У этого бога все больше и больше адептов. Люди слабы. Личное, сиюминутное желание, для них важнее, чем какое-то там эфемерное понятие единства, и обвинять их в этом нельзя. Они созданы такими, а мы боги, слишком уверовали в свою исключительность, и забыли, что созданы для заботы о них, получая взамен, наполняющие нас жизненной силой молитвы. Чем меньше Веры в Бога, тем он слабее. Вот и уходят люди под крыло лжи и лести, предавая веру своих отцов.

Все больше их верят в Чернобога — этого подлого, рогатого выскочку. Все меньше молятся нам, истинным детям высшего бога, создателя этого мира — Рода. Мы умираем, и с нами умирают духи, населяющие Явь, связанные с нами невидимыми нитями судеб. Умирает старый мир. Конечно, мы сами виноваты в этом. Но не на столько, чтобы погибнуть. Еще можно все исправить.

Мы нашли причину, по которой появился новый бог, и по которой так быстро набирает силу. Причина этого — перекрытый подлостью доступ к скрижали Завета Рода, на священной горе Аргоран. Выход божественной воли заблокирован двумя предателями Горыном и Кацикином, это и позволило появиться из небытия Чернобогу в нашей

вселенной.

Тебя вырвали из привычного мира освободить божественный артефакт. Убить предателей, или прогнать, это не важно. Важно вновь впустить в мир силу Рода. Для этого тебя призвали, и для этого все светлые боги помогают тебе.

Перун замолчал, опустив седую голову.

— Но мы не в праве тебе приказывать, мы можем только просить. Таковы условия. Даже к твоему появлению в этом времени мы имеем самое минимальное отношение, мы скорее не помогали, а не мешали Чашуну с Ягирой в их планах.

— Думай. — Заговорила молчавшая до этого Морена. — Мы примем любое решение и не будем торопить. Время у тебя есть. Такие процессы не происходят быстро.

Но если ты всё-таки решишься выступить на нашей стороне, то для борьбы тебе понадобятся доспехи и оружие, с силой богов внутри. Ты должен будешь их собрать. Мы будем подсказывать, где их найти, но помогать тебе сможем лишь незначительно и то не своим личным присутствием.

И еще. Чернобог знает о тебе и твоих возможностях и наверняка попытается убить. Он, так же как мы, не может непосредственно этого сделать сам и пошлет или человека, или нежить. Будь осторожен, не верь никому, подлость и ложь уже гуляют по земле в образе невидимых духов, и они будут верными помощниками убийцы.

Вот, пожалуй, и все. — Она встала, окутавшись тающим мраком. — Думай богатырь.

Темнота окружила в ту же секунду Федора, и он провалился в глубокий сон без сновидений.

— Ты там живой или как?! — Сквозь отступающую дрему Федогран услышал голос смеющегося шишка. — Хватит дрыхнуть! Князь на завтрак зовет, там уже все собрались и накачиваются медом, гася пожар похмелья. Вставай тунеядец, пока я не полил тебя сверху водичкой как растение на грядке.

— Отстань мелкий, дай поспать. Не хочу я есть. — Парень попытался лягнуть Ильку ногой, но промахнулся и больно ударился об спинку кровати. — Морена тебя заberi. — Зашипел он, потирая ушиб. — Прибью тебя когда-нибудь, зараза, за твои выходки.

— Убьешь своего брата?! — Шишок в неестественном испуге округлил глаза. — Совести у тебя нет. — Сделал он обиженное лицо, но потом стал серьезен. — Ладно, насчет завтрака и: «опохмелится» я пошутил. Но князь действительно к себе зовет. Дело какое-то у него важное к нам. Там гонец прискакал с приграничья. Беда у них. Только не спрашивай какая, все равно не знаю. Меня к тебе отправили, потому я не в курсе происходящего. Да вставай ты наконец, а то за ухо укушу.

— Трепло ты, шишок. — Федор давно уже встал и натягивал рубаху. — Прыгай на плече и пощи. Только умоюсь. Князь ждать не любит.

Третий день подряд, после изгнания Всельня, друзья жили в выделенных им в тереме покоях. Третий день нескончаемого пира и веселья всего города, празднующего возвращение князя в реальную жизнь из замутненного сознания и изгнания мрака из столицы. Чашун исчез сразу после произошедших событий. Никто не видел, как он ушел. Словно растворился не попрощавшись. Но он всегда был странным — этот Дух Жизни, то вскипающий гневным вулканом, то становясь ласковым нежным дедушкой. Всегда сам по себе, всегда один, даже в компании. Такова его суть.

Войдя в покои князя, Федор уткнулся в направленный в него, обеспокоенный взгляд

хозяйина.

— Проходи, богатырь присаживайся. — Кивнул ему Сослав.

Парень склонил голову, здороваясь с ним и присутствующими тут воинами, прошел в светелку и устроился рядом с друзьями: Вулом и Бером, на лавке, поставленной вдоль стены.

— Что случилось? — Задал он шепотом вопрос, сразу обоим нахмуренным братьям.

— Война. — Ответил угрюмый Вул. — Англуссы идут. Гонец говорит тьма их. Уже первый город на меч взяли. Что творят, словами не опишешь. Нелюди. Хоть я и сам не человек, а оборотень, но другого определения им не нахожу. Детей новорожденных об угол дома... Я в ярости брат. От куда в них столько злобы? — Сверкнул глазами Вул и отвернулся.

— Зубами рвать буду. — Прошипел, смотря в пол Бер. — Пока все не сдохнут или меня не упокоят, не остановлюсь. — Он поднял влажные глаза. — Это же дети... — И его кулак врезал в бревенчатую стену брызнув щепками и кровью. — Убью! — Выдохнул он сквозь зубы и опустил голову.

— Решение за тобой. — Прозвучал внезапно тихий голос Морены в голове. — Думай.

— Собрал я вас здесь, други не для того, чтобы принимать какие-то решения. — Заговорил глухо князь. — Тут и так все ясно. Собрал я вас как гонцов, которые сейчас отправятся по городам и селам, поднимать народ и собирать в столицу все воеводские дружины. Будем войско готовить. Дадим напавшей на наше княжество погани отпор. Сделать это надо быстро, пока супостат еще бед не натворил.

Каждому я поставлю задачу отдельно. Каждому будет дана лошадь из моей личной конюшни, чтобы не задерживаться и идти двуконно, меняя одну на другую для отдыха, заводная лошадь очень вам поможет побыстрее справиться с задачей.

Сейчас прошу всех удалиться, буду вызывать по очереди и ставить задачу. Остаться прошу пока четверку Федограна.

Вот так вот, с чьей-то легкой руки, теперь стали называть наших героических друзей. Кто так первым их назвал, никто уже не помнит. Но теперь их величали никак не иначе, как: «Федогранова четверка», или «Братья неразлучники». Где увидишь одного, непременно и обнаружишь остальных.

Один раз, как-то, заезжий, незнакомый с последними событиями воин, считавший себя непревзойденным бойцом на «кулачках», и непобедимым поденщиком в дуэльной сече, решил в харчевне задрасть с Федограном, посчитав того сопливым мальчишкой. Повеселится хотел, да перед подавальщицей кушаний, красавицей Феклой, покрасоваться. Подошел к троице молодых ребят, обедающих без хмельного, за соседним столом, и говорит с ехидной улыбкой сидящему к нему спиной парню:

— Ты чего так на меня подозрительно щенок смотришь?

Федор даже сначала не понял, что тот к нему обращаются. Вздрогнул от неожиданности и повернул голову, удивленно посмотрев на стоящего за спиной воина.

— Это ты мне!

— А кому же еще. — Засмеялся тот, и с превосходством посмотрел вокруг себя, словно ища подходящего соперника, для поединка.

— Ты бы шел отсюда, дядя. — Проглотив кусок мяса, которое только, что жевал, пробурчал незлобно Вул. — Видишь мы кушаем. Пойди на улицу, да приставай там, пока тебе морду не набьют или стражники не повяжут. Раз ты буйный такой.

— А то, что...? — Задира, сощурил глаза и наклонившись над столом, плюнул в тарелку

с только что принесенным супом. Ну дурак, что с него возьмешь.

Последнее, что он смог вспомнить, в избе лечившего ему сломанную челюсть знахаря, это боль от впившегося ему в ухо зубов шишка, и кулак Бера, выключившего сознание. Воин этот, кстати, потом еще и гордился этим происшествием, но это уже после того, как весь город перестал над ним смеяться.

Но я увлекся описанием случая, не имеющего к нашему рассказу никакого в общем-то отношения.

Угрюмый князь дождался, когда все, кроме четверки покинут помещение, встал с кресла и подошел к, поднявшимся со своих мест и вставшим в один ряд друзьям, ожидающих приказа и пояснений. Посмотрел каждому внимательно в глаза, кивнул, соглашаясь со своими невысказанными вслух мыслями и вернувшись медленно на место, сел.

— Вы первые из всех отправитесь в путь. Поедите в отличие от остальных все сразу. Не смогу объяснить вам такое свое решение. Вроде бы простое задание: «Передать приказ и вернуться». Справился бы любой из вас одиночку. Но... — Он снова задумался. — Но интуиция подсказывает мне, что вас нельзя разлучать, а я ей привык доверять.

Сейчас пойдете на конюшню и выберите себе заводных коней, получите харчи на три дня и выдвигайтесь незамедлительно. Жду дружину и ополчение из Новгора не позже, чем через десять дней. Пусть Митрох поторопится. Если вопросов нет, то я вас больше не задерживаю. Перун вам в помощь. — Махнул он рукой.

Федогран выбрал себе великолепную, высокую, белоснежную кобылу, с заплетенной в мелкую косичку гривой, и сильными длинными ногами, на что тут же выслушал ехидные высказывания шишка:

— Теперь точно не доедем. — Вздохнул горько Илька, всем видом изобразив вселенскую скорбь.

— Это почему. — Захлопал глазами, удивленный Бер.

— А ты посмотри на Чепрака, как он злобно косится на своего хозяина, а потом на влюбленно смотрящего на свою заводную кобылу Федограна... Ну... — Он сделал паузу ожидая ответ. — Неужели еще не понял?

— Нет. Что тут можно понять? — Пожал плечами медведь.

— Не умеешь ты работать головой. — Вновь вздохнул шишок.

— Почему это я не умею. Доску дубовую в два пальца толщиной легко ломаю. — Пробасил тот в ответ, улыбаясь и самодовольно оглядываясь, ища поддержки у друзей.

— Дурак ты медведь. — Констатировал шишок. — А недоедаем мы, потому что Чепрак убьет хозяина по дороге.

— Глупость какая. Я и в правду подумал, что ты серьезное что-то скажешь, засмеялся Вул. — А ты просто трепло. С чего ему Федограна-то убивать.

— Не с чего, а из-за чего. — Поучительно поднял палец вверх Илька. И произнес торжественно и громко. — Из-за ревности.

Из ворот столицы четверка друзей выезжала, держась за животы от хохота.

— Я принимаю вашу сторону. — Подумал Федогран. — Этот мир должен остаться таким какой он есть.

— Мы верили в тебя. — Прозвучали в голове голоса двух богов сразу.

Новые приключения богатыря Федограна начались.

Глава 2 Ягира

«Опять скрипит потертое седло. И ветер холодит...». Федогран сплюнул. Вот же прицепилось, и чего вдруг вспомнил? Видел-то этот старый фильм всего один раз и то урывками. Это тогда, когда приставал к деду переключить телевизор на юмористическую передачу, а он сажал рядом, настойчиво предлагая посмотреть: «Какие были тогда люди...». — Вот песня д'Артаньяна, из древнего кино и прилипла к языку.

Бывает же такое. Некоторые вещи вколачиваются в мозг ежедневными многочасовыми, нескончаемо назойливыми, повторяющимися рекламными роликами, звучащими даже из сливающегося бочка унитаза, а такое вот: «Один раз, и навсегда». И помнишь-то из всего что услышал только первые две строчки. Но вот вцепилось, как клещ, прилипло, проросло корнями в душу, и не оторвать. Он улыбнулся и посмотрел на усталые лица скачущих рядом друзей: «Почти мушкетеры, только без шляп и с мечами вместо шпаги». — Он рассмеялся.

— Ты чего? — Красные от недосыпа глаза Бера выражали скорее желание упасть и уснуть, нежели вопрос.

— Так. Вспомнилось, брат Портос. — Захотел Федор.

— Что за Поротол? — Не расслышал медведь ответ из-за топота копыт лошадей. — Ладно, потом расскажешь. — Махнул он рукой. — Все равно сейчас голова ничего не соображает. Спать хочется сил нет. — Он отвернулся, снова уставившись в пролетающую под копытами коня дорогу.

— У тебя она никогда и ничего не соображает. — Хрюкнул сарказмом сонный Илька, приподняв голову и зевнув.

— А вы, Арамис, будите сегодня дежурить у костра, так, как соизволили дрыхнуть всю дорогу. — Не унимался Федор, повернув голову к потягивающемуся на плече шишку, и смехом прогоняя наваливающийся на ресницы пудовыми гирями сон.

— А кто такой Арахмис? И почему такое ко мне обращение на: «Вы», как к врагу. Чем это я тебя разозлил? Если тем, что спал на плече, то обещаю отслужить, оберегая покой нашей четверки, «бодрственным» дежурством, всю ночь у костра...

— Ну все. Затарахтел. Заткнись, помело... — Пробурчал недовольно Вул, и тоже зевнул. — Сил уже нет слушать твой бред.

Они ехали уже второй день, оставляя за собой километры дорог, и не отвлекаясь ни на что. Даже спали всего три коротких часа, пролетевших как единый миг.

Плюнули, тогда, на все предосторожности с охраной лагеря и дежурствами. Положились на чутье своих лошадей, и Вула, которого дочь Перуна, Девана, ну и конечно же сама волчья сущность, наградили непревзойденным слухом, и осторожностью, и завалились прямо во влажную от росы траву спать. Конечно же они не выспались, и встали, казалось еще более усталыми, чем легли, и потому ехали злыми и раздраженными. Попеременно огрызаясь друг на друга.

Но надо терпеть, солнце еще только перевалило за полдень, а впереди еще полтора суток изнурительной дороги. Надо спешить. Каждый час несет новые смерти и разорения их народу от жадных лап захватчика. И потому они гнали своих лошадей вперед, и вперед по дороге в Новгор. Несмотря ни на что.

Все произошло неожиданно. Береза, прямиком на их пути, рухнула поперек тропы с жутким треском ломаемых сучьев, взметнув в небо облако пыли и листьев. Это наверно и

спасло наших героев от неминуемой, мгновенной смерти, закрыв обзор засевающим в засаде в лесу лучникам, для прицельной стрельбы. Хотя и сноровку наших друзей, а также их удивительное везение, даримое светлым, но капризным богом — Авось, сбрасывать со счета было бы неправильно.

Только опытный всадник смог бы вот так ловко успокоить и не дать сорваться в неуправляемый галоп, развернув в обратную сторону, практически на месте, вздыбившуюся напуганную неожиданно, лошадь. Только счастливая случайность, которую невозможно назвать ни как иначе как: «Везение», могла положить все стрелы именно туда, где должна была оказаться, спустя мгновение, после падения дерева компания Федограна, но куда не попала, благодаря природной ловкости и великолепной выучке.

С другой стороны тропы рухнул еще один ствол, окончательно затянув все пространство пылью, отрезав возможность отступления, и не оставляя друзьям другого выбора, кроме как драться.

— Интуиция у него. — Пробурчал Вул, вспоминая слова князя, и выхватывая меч. — Выманиваем их на дороге, связываем боем, а Федогран, в это время идет, на прорыв и уходит в лес. Сейчас они стрелять не будут, своих побоятся зацепить.

Из леса, вылетела с ревом толпа бородатых мужиков на тощих лошадях, в холщевых бело-серых косоворотках и с вилами, выставленными вперед, на манер копий, а с другой стороны тропы, несколько воинов в добротных кольчугах, и при хорошем оружии, на боевых — холеных конях, размахивающих мечами и подбадривающих себя боевыми выкриками.

— Почему я? — Вспылил Федор, пытаясь не согласиться с оборотнем, и не желая бежать, оставляя друзей практически на смерть.

— Потому, что самый молодой и легкий, и потому, что у тебя самый сильный конь. Потому что ты сможешь. Не спорь. Задание князя нужно исполнять, а все вместе мы не уйдем. Кто-то должен до Новгора добраться, послание передать. — Выдохнул слова оборотень, срубая черенок летящих в его грудь вил, вместе с держащей его рукой, и покрываясь каплями первой крови. — Кругом встаем, прикрываем спины. Приготовься брат. Как только они все в драку ввяжутся, уходи, мы поможем и прикроем.

— Ну вот что за день такой? — Бер крутил клинком в руках так быстро, что образовалось сверкающее колесо. — И откуда их столько набежало? Портки мне порвали и заляпали всего. Кто стирать и зашивать будет? — Выдохнул он в лицо, с выпученными от страха глазами, одного и нападавших, попытавшегося достать медведя мечем в бедро. Медведь, схватив того, и притянув за «грудки» к себе, швырнул орущее тело в наседающую толпу. — Совести у вас нет... Отцепись! — Пнул он другого нападающего, во всклокоченную бороду, пытающегося схватить стремя. — Вот же пристал, неугомонный. Иди отсюда.

Федогран уворачиваясь от летящего в голову меча, склонил голову, и пропуская над плечом лезвие клинка, услышал истошный вопль и посыпавшуюся тут же гневную скороговорку шишка:

— Гад! Ты мне ухо отрубил!!! Убью!!! — Илька подпрыгнул на манер белки и врезался в толпу нападающих, тут же исчезнув в куче суетящихся тел. — Убью!!! — Пищал его голос откуда-то изнутри, в унисон с истерическим визгом кого-то — того, до кого добрались его острые зубы.

— Куда же тебя понесло, дурилка! — Обеспокоенный крик Федора слился в едином реве с приказом Вула:

— Давай брат на прорыв! Пошел! Уходи сразу через лес, и там на дорогу. Храни тебя Перун. Не поминай лихом. Плечом к плечу! — На оборотне висело трое вражеских воинов, пытающихся стянуть его с коня, тогда как с третьим он сражался торчащей в районе локтя стрелой, закрываясь им как живым щитом от целящегося лучника.

— Плечом к плечу. — Захохотал медведь бешеным оскалом, отрубая чью-то лохматую голову, а второй рукой метая кинжал. Жуткий, покрытый с ног до головы кровью медведь, вселял ужас пылая веселой, «безбашенной» яростью, и полным отсутствием страха.

— Плечом к плечу. — Крикнул, и сглотнул выступившие слезы Федогран, посылая Чепрака в галоп.

Посланный вперед конь, разметал нападающего врага ударами передних копыт, и прокусив чью-то руку, прорвался сквозь неровный строй, оставляя за собой, своеобразный кильватерный след из копошащихся, обескураженных таким напором тел.

— Да поможет вам Перун, прохрипел сдавленным спазмой голосом парень. — Я отомщу.

Умереть самому, было бы легче, чем вот так вот оставить братьев за спиной, прикрывать свой побег. Но такова судьба воина. Она состоит из множества таких вот, вроде неправильных поступков. Ведь главное у богатыря не столько уметь виртуозно владеть оружием, сколько суметь переступить через себя. Через свои желания, боль и гордость, и даже саму жизнь, ради победы, перешагнуть через все, кроме совести. Добиться этой самой победы, но не своей личной, не меркантильной славы для себя любимого, а победы, славы и чести для тех, с кем стоишь плечом к плечу, и кто доверил тебе свою спину. Ради победы того, что называешь: «Друзьями и Родиной»

— Плечом к плечу. — Прошептали его мокрые от слез глаза.

Он почти уже скрылся в лесу, когда спину прошила дикая боль, на мгновение выключив сознание. Стрела вошла под лопатку, пробив кольчугу и тело насквозь, и высунув кровавый язык хищного жала, напротив плеча, раскрывшись кровавым бутоном жуткой раны.

— Плевать. — Проскрежетал он зубами. — Все потом. Обработаю потом, перевяжусь потом, сейчас главное уйти. Выполнить приказ князя, ради которого умирают друзья. Он сделает это. Обязан. Давай Чепрак, выноси, на тебя вся надежда дружище. Не подведи.

Взмыленный конь летел вперед, ломая могучей грудью попадающие на пути сучья, перепрыгивал через встречавшиеся мелкие овражки и петлял между деревьев иногда цепляя их разгоряченным боком, срывая кору, и оставляя окровавленные обрывки шкуры и мяса, на обиженно осыпающихся листвой стволах. «Только бы не потерять сознание». Левая рука повисла бесчувственной плетью, а правая вцепилась в повод мертвой хваткой. «Надо выдержать и не вылететь из седла» — Колени сдавили бока Чепрака, а ступни натянули стремяна. «Как же больно».

Он выскочил наконец из леса, с обратной стороны поваленной березы и рванул, что есть мочи по тропе, в сторону Новгоро. Сзади застучали копыта вылетевшей следом погони, и вдогонку полетели стрелы.

Вперед, только вперед, лишь бы не потерять сознание. Боль он переживет. Стиснет зубы до судорог в скулах, и будет терпеть. «Не оборачиваться». Он склонился над гривой лошади, и привстал на стремянах, как учил когда-то давно Яробуд. «Спасибо старику». Федор пришпорил коня, и тот полетел еще быстрее, хотя, казалось бы, и так не касался копытами травы, перебирая в сливающимися в серое марево, покрытыми узлами могучих мышц стройными ногами, в бешеном галопе.

Стрела просвистела, оцарапав ухо, другая воткнулась сзади в луку седла. Но погоня отстает. «Только бы выдержать! Только бы сохранить сознание» Стук копыт сзади затихает. Улыбка, более похожая на оскал хищника расплзается на залитом потом и слезами лице нашего героя: «Ушел», но тут же сменяется гримасой мгновенно охватившего отчаяния.

Прямо посередине тропы, рядом со своим ослом стоит Ягира, и вытягивается вверх, сжимая в руке посох плеть, покрываясь язвами мрака из заплаток платья. Она уже готова к бою и заносит руку для удара. Это конец. С ней Федору не справиться и здоровым, а теперь и подавно, обессиленным и со стрелой в спине шансов нет. «Я не смог» — Давит изнутри противный голос, наваливающийся паники. Но сдаться без боя, и сдохнуть просто так? Нет, такого не будет, Он пойдет до конца. Правая рука отпускает повод и выхватывает меч, вскидывая его над головой. Глаза высыхают от предательских слез, и улыбка расплзается по лицу:

— Гойда!!! — Вырывается из пересушенного, потрескавшегося горла крик, и привстав на стремянах, Федогран бросился в последнюю в своей жизни атаку.

Бабка загадочно улыбнулась и взмахнула черной тростью-змеей. Взвившись, словно лассо ковбоя, плеть пролетела над головой Федограна, слегка коснувшись шлема, но не причинив ни малейшего вреда.

Раздался противный хруст костей преследователей за спиной и их предсмертные крики. Чепрак, уткнулся грудью в незримую преграду, резко остановившись, и наш герой вылетел из седла, и покатился по тропе к ногам Ягиры безвольной куклой. Сделал последнюю попытку встать, скрипя зубами и морщась от боли, опираясь на сохраненный в руке меч, но рухнул, лицом в траву, потеряв наконец сознание. Мрак и заботливое лицо склоненной, обеспокоенной мамы в видениях пылающего разума.

— Ну что, милоч, очухался? — Запах уксуса и нашатыря резанул ножом обоняние, и заставил прийти в себя, открыв прослезившиеся моментально затуманенные глаза. — Неча на бабу с железяками кидаться. Не люблю я этого. Погрозила она ему кривым пальцем с обкусанным грязным ногтем. — Палку эту я тебе из плеча вынула, рану перевязала, не помрешь. Теперича садись на лошадь свою и поезжай вперед, а я пока твоим братишкам помогу, нетто помрут, неровен час, а ваша компания еще ой как надобна. Планы у меня на вас. И не только у меня. — Федор хотел что-то сказать, но она махнула на него грязной, зажатой в руке тряпкой, от которой и исходил тот запах, который привел его в сознание. — Езжай ужо, неча болтать попусту, нагоним тебя с братцами твоими, тогда и поговорим.

Она вскочила на осла, уселась сгорбившись у того на спине, сжав приоткрывшимися из-под платья синюшными, острыми коленями бока, и схватив за длинные уши, на манер повода, пришпорила грязными костяшками пяток. Странное животное сорвалось в галоп с такой скоростью, которая не снилась ни одному коню, и через мгновение скрылось в лесу, оставив за собой шлейф из осыпающихся листьев.

Федор с трудом поднялся на трясущиеся ноги. Перевязанное грязной тряпкой плече, простреливало тупой болью, но кровь уже не сочилась. Верный Чепрак опустился перед ним на колени, позволив вползти в седло и выпрямился. Парень его тихонечко пришпорил, потрепал здоровой рукой гриву и уткнулся туда лицом.

— Поживем еще. Старик. — Прозвучал глухой голос.

Конь всхрапнул, словно соглашаясь и медленно и плавно пошел, по тропе, вперед. Неся на себе полубморочного всадника, борющегося с желанием, отключится в блаженном ничто.

Довольная собой процессия друзей, догнала его ближе к вечеру вместе с возглавлявшей ее, верхом на осле, брюзжащей что-то, Ягирой.

Подъехавшая бабка, лихо спрыгнула со своего скакуна, и внимательно посмотрела спешившемуся при ее приближении парню в глаза, развернулась к друзьям, и велела останавливаться на привал. Никто не посмел ей возразить. Федора положили рядом с вспыхнувшим от прикосновения костлявой руки старухи, наспех собранным их ближайших веток, костром, на опушке леса, недалеко от дороги.

Жесткие, сильные пальцы — пассатижи, грубо сорвали повязку, не заботясь о прострелившей тело нестерпимой резкой боли и сдавили рану выдавив сукровицу вместе с хриплым стоном.

— Терпи касатик. Я не знахарь добренький, а Дух Смерти. Причинять страдания, это моя естественная сущность, такая же как твое желание кушать. Я и так не своим делом занимаюсь, ставя тебя на ноги. Мне ведь, по должности, тебя добить полагается. — Она рассмеялась, показав желтый клык в уголке рта. — На ка, вот, хлебни. Полегчает, да и сил придаст. — В лицо Федора уткнулся кожаный, булькающий бурдюк. — Что глазами лупаешь? Не веришь? Думаешь отравить хочу? Дурак. Тебя убить особых усилий не надо. Достаточно оставить, тебя тут без ухода должного, от заражения крови сам через неделю подохнешь. Но ты мне живой нужен.

— Зачем? — Федор сделал глоток тягучей горькой жижи. Действительно стало легче. Жажда ушла и появились силы, волной прокатившиеся по телу. Он сделал еще один глоток. — Зачем ты нам помогаешь?

Ответа не последовало. Ягира отобрала у него бурдюк, и он как-то незаметно пропал в складках ее платья, а в руках оказалась синяя пузатая, стеклянная бутылка. Бабка выдернула деревянную пробку, ухватившись за нее бледными губами, и выплюнула, но та не упала в траву, а повисла в воздухе недалеко от глаз старухи, а из открытого горлышка за клубился салатовый белесый туман.

— Терпи богатырь, сейчас будет немного больно. — Засмеялась она каркающим голосом.

Из склоненного горлышка потекла зеленая, пузырящаяся жидкость, а в воздухе запахло болотом, и заквакали лягушки. Попав на рану, она прошла сквозь нее прожигая раскаленной лавой, и скользнув сквозь тело нестерпимой болью, вышла кровавым стустком из спины. Федогран не выдержал этого издевательства и снова потерял сознание, под хохот черных, безумных глаз старухи.

Очнулся он когда уже наступила глубокая ночь. Трещал дровами и плевался искрами яркий костер, разрывая темноту и освещая дремлющих рядом друзей. Ягиры не было видно.

— Странная старуха. — Подумал Федогран. — То пытается убить, то помогает. Как же все запутанно в этом мире. — Он закрыл слипающиеся глаза и уснул.

Глава 3 Разговоры

Ягира не казалось уже такой жуткой ведьмой, как раньше, а виделась скорее усталой, избитой жизнью неухоженной бабушкой, неуклюже пытающейся помочь банде шалопаев — внуков, успокоить и залечить синяки и раны после уличной потасовкой с соседскими пацанами за звание самого «безбашенного» района в городе, стенка на стенку.

Она приехала на своем осле под утро. Материализовалась из предрассветного тумана черной кляксой мрака. Подъехала, по-старчески охая слезла со спины животного, оглядела валяющихся у костра друзей, покачала головой, то ли осуждая, то ли сочувствуя, прошла по кругу, плеснув на каждого холодной водой из непонятно каким образом появившегося ковша, чем вызвала всеобщее недовольство, и села рядом с Федором положив ему руку на лоб.

— Для вашего здоровья стараюсь. — Прокряхтела в сторону раздраженных братьев, и повернулась к нашему герою. — Очухался, соколик. — Прокаркала она, убирая руку, и вытирая ее об полу платья, как некоторые хозяйки это делают об фартук, на кухне, намочив ладони моя посуду в раковине. — Давай, спрашивай. Вижу по глазам, что вопросы есть ко мне. На что смогу отвечу.

— Почему? — Неопределенный вопрос несколько не смутил старуху. Она села по напротив, скрестив ноги, почесала задумчиво нос-клюв, подняла ветку, покрутила ее перед глазами, словно выискивая скрытый в ней изъян, отбросила в костер, где та вспыхнула, осветив ярким пламенем задумчивое, покрытое морщинами лицо, и посмотрела прямо в глаза юноши, словно прожгла насквозь.

— Ты имеешь в виду: «Почему я вам помогла?». — Хмыкнула она, вновь почесав нос. — Все очень просто. В наш мир пришел хаос. — Она замолчала, отвернувшись к костру, словно сомневаясь, рассказывать этому сопливному пацану, все что она знает или нет. Потом тяжело вздохнула и вновь повернула голову, голос ее зазвучал глухо и трагично. — Как бы я не относилась к светлым духам, какая бы вражда, между нами, не существовала, но мы понятны друг другу, и никогда не позволим себе покуситься на божественное начало.

Мир Прави — неприкасаем. Наши боги, какие бы они небыли, всегда следовали правилу, что сила Рода является общим достоянием, и кто-то один не должен владеть скрижалю высшего. Теперь закон нарушен. Мир за кромкой Яви тает, истончается и умирает. Виной тому — Чернобог, новый бог, родившийся от желаний подлого сорта людей, образовавшихся после великой войны, мечтающих возвыситься над другими любой ценой. И предавших Рода духов, возомнивших себя богами, и наплевавшим на вековые устои. Новый бог захватил потоки силы, с помощью Кацикина и примкнувшего к нему Горына, переключив благодать на себя. Теперь он растет и крепчает, а остальные, высшие создания Рода, иссыхают и умирают. Если дальше так пойдет, то власть над миром достанется одному, и баланс будет нарушен.

Правью не может управлять один хозяин. Это противоречит замыслам создателя. Каждое живое существо на земле, имеет право поклоняться своему божеству, которое намолило в своих мечтаниях и желаниях.

Ты выбран для очень сложного, практически невыполнимого дела — Освободить потоки силы Рода. Вернуть жизнь в умирающее «Трехмирье», поэтому все, кто поддерживает старые устои, будут тебе помогать, а кто идет за новым, эгоистичным

началом, будут пытаться тебе навредить, а при случае и убить. Я может быть и не идеал совершенства, но точно не хочу менять мир, в котором живу. Я не хочу диктата, рожденного от жадности и подлости бога. Поэтому с тобой, и буду помогать во всем что будет надо.

— На сколько я помню, ты сама хотела меня убить, и это было совсем недавно? Или ты уже не помнишь последнего на земле волота, Крома, погибшего из-за твоей подлости? — Федор зло выплюнул слова старухи прямо в лицо, с ненавистью посмотрев ей в глаза. — Великан умер из-за тебя, ведьма.

— Дурак ты. Пацан еще, а не богатырь. Волот умер потому, что давно потерял смысл в жизни, а сам себя убить не мог, вот он и нашел наконец того, кому отдал свою силу. — Кривой палец старухи уперся в грудь парня. — Тебя недоумка. Я всего лишь выполнила его не озвученную просьбу, а заодно и Чашуну за хамство отомстила и тебя проверила на стойкость. Надо было мне знать, как ты воспримешь смерть того, кто тебе дорог. А то, что выглядело это все, прямо скажем подленько, так я на то и Дух Смерти. — Она рассмеялась жутким оскалом желтых клыков. — Мне по-другому не интересно.

— Гадкая ты. — Пробурчал на плече у Федора, внимательно слушающий разговор шишок. — Гнилая насквозь старуха, и воняет от тебя болотом.

— Да. — Легко согласилась та. — А ты от меня чего ожидал? Я Дух Смерти. Я и не обязана быть красавицей и пахнуть розами. Ты что же думал, я с вами «сюсюкаться» буду, как с дитятами великовозрастными? Что же из вас тогда за воины получатся? Или вы белошвейками, в светелке жизнь прожить хотите?

— Прибить бы тебя за такое воспитание. — Поднялся и навис над бабкой Вул.

— Остынь оборотень. — Она так и продолжала задорно смеяться. — Тебе ли не знать, кромочнику, истину в основе жизни, смерть — это не тот конец, которого надо бояться. И ты угомонись медведь. Нечего на меня зенками зыркать. Чай я не девка красная, чтобы меня разглядывать. Иль приглянулась...? — Она игриво подмигнула. Беру, и вдруг резко сменив тон и выражение лица на злобное рявкнула. — А ну сидеть я сказала. Нашлись тут правдоискатели совестливые. Что вы знаете об истине? Что стоит ваша правда без лжи? Что будет рассеивать свет если не будет мрака...? То-то. Я в своем праве и законов не нарушала. То сам Перун подтвердил — Она подняла в верх указательный палец, с превосходством окинув друзей суровым взглядом. — Думать научитесь, а потом претензии предъявляйте. Чистоплюи.

От злобных выкриков колдуньи, даже птицы перестали щебетать, и наступившую тишину нарушало только потрескивание костра. И вдруг где-то в глубине леса прокуковала кукушка. Это прозвучало так мрачно, что мурашки пробежали по спинам названных братьев, холодком укусив нервы.

— Ку-ку, ку-ку. — Всего два раза, словно набат колокола, разрезал тишину голос птицы.

— Числобог, нашелся. — усмехнулась горько старуха. — Я уж думала он совсем истаял, ан нет, жив еще Бог — владыка времени. Только вот, что-то недобрые у него предсказания. Кликуша его больно мало годков нам отсчитала. Видимо совсем он захандрил. Ну да ничего. Мы еще поборемся. Кукушка часто ошибается. Не переживайте.

Вновь тишина и угрюмые взгляды в костер.

— И еще, я не просто так здесь. — Вновь заговорила Ягира тихим голосом, больше похожим на треск костра. — Весть я от Марены Федограну принесла. Передам дословно, как она и велела. То, что послание это значит ты догадаешься сам, когда нужные события уже произойдут. Это поможет сделать правильный выбор, найти то, что тебе необходимо, что

обещано было богиней: «То, что нужно, что ради победы обещано. Найдешь, спасая врага тайного, но близкого. Забери, но не верь». Торжественно произнесла ведьма, словно зачитала грамоту с листа.

— И что это значит? — Федор вопросительно посмотрел в глаза колдуньи.

— От куда же мне знать? — Она пожала плечами, сделавшись сразу какой-то маленькой, беззащитной бабушкой. — Одно знаю. Боги всегда дают возможность взять, то, что они обещали, главное тут понять, что именно обещано, и как это распознать. Пора мне. — Она встала, опершись на посох. — Далее всю вашу дорогу я от татей почистила, и препятствий не будет. Раны ваши залечила, на ноги поставила, все, что от меня требовалось выполнить, пора честь знать. Выполняйте княжеское повеление, а там посмотрим, что будет. И вот что скажу напоследок. Помните, что мир меняется, и тот, кто раньше был другом, может оказаться лютым врагом.

Она ловко вскочила на осла, пришпорила его острыми, грязными пятками, и не оборачиваясь быстро поскакала назад по дороге, поднимая клубы пыли.

— Берегитесь самых близких... — Затих ее голос, и старуха скрылась за поворотом, словно растворилась в березовой роще сгустком мрака.

— Чего это она тут такое наговорила? — Закрутил округлившимися в глазах знаками вопроса Бер. — Я ничего не понял.

— Ты никогда ничего не понимаешь. — Пробурчал шишок. — Хотя я и сам наверно такой же тугодум раз тоже ничего не понял. Может объяснишь? — Он посмотрел на Федограна сощурившись, хитрой рожицей.

— По дороге в Новгород. — Кивнул тот в ответ. — Расскажу, что знаю. Вместе попробуем разобраться. — Федор запрыгнул в седло. — Поехали, много времени потеряли. У нас приказ.

Извращенно-садистское лечение колдуньи подействовало самым чудодейственным образом. От раны остались только белесые шрамы. Словно с момента ранения прошло два года, не меньше. Теперь не было ни боли, ни усталости, ни слабости от потерянной крови. Отдохнувшие и бодрые друзья отправились в дальнейший путь, резво погоняя таких же отдохнувших коней. Даже солнце светило в спины, словно не желая слепить путешественников, доставляя им неудобства.

По дороге Федор рассказал о своем странном сне. О Перуне и Морене. Об увиденных им, удивительных своей нереальностью, пейзажах мира Прави, в котором еще не бывал до него ни один смертный человек. О странном разговоре с богами. О пришедшем из неоткуда Чернобоге, пытающимся захватывать мир и уничтожить старых богов, лишив их доступа к силе Рода. Названные братья слушали, открыв рты, и не перебивая, и потом долго молчали, осмысливая полученную информацию. Долго совещались, перебивая друг друга, и выдвигая разные гипотезы, но так и не поняли, что же хотела им сказать Богиня Смерти, в своем послании.

— Может и вы расскажите, что у вас там произошло? — Федор вопросительно окинул взглядом друзей. Ему действительно было интересно знать, что случилось, когда он их оставил прикрывать свой отход. Какую роль сыграла в спасении названных братьев Ягира.

— С жизнью мы уже попрощались, вот что. — Засмеялся Бер. — Я уже представлял каков он на самом деле, Калинов Мост, похож, на то, как его в сказках описывают, или другой совсем. Близко смертишка к нам подкралась.

Смотрю, Вула с коня сбили, и он в волка перекинувшись, глотки татям рвать принялся.

Весь в кровищи, не понять, толи своей, толиво вражьей, рычит страшно — страшно, аж меня жуть пробирает. Засмотрелся я на него, да пропустил удар по голове. Хорошо приложили. Душевно. Даже в глазах потемнело.

Очнулся. На мне человек пять копошится, руки ноги связать пытаются. Ну я встал, одного из них за голову взял, и использовал как оглоблю. А что делать-то было, меч потерялся, а ничего другого не было. Помахал им я значит слегка, смотрю, какой-то гад нашего Ильку схватил и в мешок засунуть пытается, ну я и швырнул в него тело, которое держал. Хорошо попал, тот с ног свалился, и шишка из рук выпустил, а мне в этот момент, опять по голове прилетело.

В себя пришел, а надо мной Ягира склонилась. Ну все думаю, вот теперь точно конец. И откуда только старая карга появилась?

— Она вовремя очень появилась. — Продолжил Оборотень. — Меня уже практически веревками скрутили. Видимо им мы нужны живыми были. Я видел, как Ильку нашего вновь поймали, и в мешок суют, а мне уже не помочь никак, самому на морду петлю накинуд и лапы вяжут. Медведя свалили, и он там затих под грудой навалившихся тел. И тут как свиснет что-то. Тати надо мной полопались кровавыми пузырями, точно говорю, как пузыри мыльные.

Я веревки скинул, прыгнул, на лапы встал. Смотрю, старуха стоит ухмыляться. Говорит, что помочь нам решила. Я поначалу не поверил, но она с Бера вражин своей плеткой скинула, те тоже полопались, склонилась, шишка из мешка себе на руку вытряхнула, к медведю подошла, тот как раз в чувства пришел. Увидел ее кулаками махать начал, в драку кинулся, а она стоит ухмыляться, его за шкуру взяла, подняла над землей, и говорит:

— Человеческая неблагодарность, это то, что я всегда получаю в награду за добрые дела. Или вы сейчас успокоитесь, или я вас успокою. Если вы не заметили, то я вообще-то вас спасла.

Ну я и подумал, что ведь действительно. Не было бы ее нас уже веревками бы опутали. Сказал медведю, чтобы тот успокоился. Он еще немного по трепыхался да затих. Но тут Илька очнулся, и ничего более разумного не придумал, чем укусить бабку за палец, да так сильно, что насквозь прокусил, за что получил от нее щелбан, и затих с выпученными глазами. По месиву из тел зыркает, ничего понять не может.

— Еще раз укусишь, голову оторву. — Конечно старуха сильно разозлилась. А как тут не прийти в ярость, если ты стараешься, помогаешь, от смерти можно сказать спасаешь, а на тебя, в благодарность с кулаками кидаются, да еще палец до крови прокусывают. Но все обошлось. Успокоились все. Бабка кое-как объяснила, что ты ранен, и тебе помощь нужна, мы быстренько на коней попрыгали и к тебе поспешили, остальное все знаешь.

— Успокоилось у него все. — Шишок не мог промолчать, в силу своего несносного характера, и врожденной словоохотливости. — У меня башка до сих пор трещит.

— Не ври. Бабка всех вылечила. — Бер с сомнением посмотрел на кривляющегося коротышку.

— А меня из вредности нет. — Буркнул тот.

— Кому ты медведь поверил. — Засмеялся Федор. — Он врет и не краснеет.

Здоровяк угрюмо посмотрел на морщащегося шишка, потом на улыбающегося Федора, потом неторопливо повернул голову к сдерживающему смех Вулу.

— Убью паршивца. — Его рука метнулась к плечу нашего героя, но пальцы поймали пустоту. Маленький насмешник перепрыгнул на другую сторону, и лихо перескочил на

голову Чепрака, и усевшись там между ушей, соорудил самую доброжелательную рожицу, и плаксивым голосом выдал очередную чушь:

— Прости дяденька. Я больше так не буду. — И заревел, залившись потоком слез.

— Тьфу, скоморох. На такого даже обидеться невозможно. — Сплюнул медведь и рассмеялся.

Наверно молодость этим и прекрасна, что жизнь в это счастливое время воспринимается как игра. Мы, погрузившись в испытания, выпавшие на долю наших героев, забыли, что они в принципе еще совсем молодые парни, по семнадцати лет от роду. Даже Вул, несмотря на почтенный возраст, почти в сто пятьдесят лет, биологически является ровесником Федограна, так уж устроены волколаки. Только шишок никому не раскрывал своего истинного возраста. Но с него какой спрос. Он и создан был богом Стрибогом, тому для потехи, вроде шута мелкого — проказливого, потому серьезно и относится ни к чему не мог.

Так вот перешучиваясь, подтрунивая друг над другом, они и доехали через полтора суток, не останавливаясь на ночевку до Новгоро. Уже вечерело и ворота были закрыты. Насторожившийся было стражник, узнал прославленных героев и махнул приветливо рукой, приглашая заезжать. Створки заскрипели, впуская четверку богатырей внутрь одного из следующего приключений, как из Рога Изобилия сыплющихся на их головы.

Взволнованный Митрох, предупрежденный об их приезде, стоял на крыльце терема.

— У Елея жена сегодня пропала. Вышла по ягоды и не вернулась. Бабка Авдотья говорит, что ящера она видела, когда от кумы с выселок шла, но ей верить трудно. Слепая она на один глаз, видит плохо.

— А Дана как. — Вул взволнованно схватил воеводу за руку.

— А что дана. — Пожал тот плечами. — Сидит дома да ревет. А вот Перл дурак в лес ночью глядя кинулся. Не остановить было.

— Разворачивай коней. — Рывкнул Федогран. — На поиски едем. Поднимай воевода дружину и выдвигайся следом.

Так у него это лихо получилось, что глава города не посмел послушаться, и только кивнул соглашаясь, и друзья вылетели в сгущающуюся ночь, на поиски будущей свекрови оборотня.

Глава 4 Ящер

Ветки хрустели нервной дрожью под копытами. Темные силуэты трех всадников, приподнимая и отодвигая нависающие лапы деревьев двигались сквозь чащу, на встречу с новым злом, поселившимся в окрестностях Новгора.

В лунном свете черные стволы деревьев протягивали в немой мольбе уродливые-щупальца ветки, пытаясь ухватить и не пустить, остановить напряженных как струна путешественников к их смертельно-опасной цели. Ночные птицы кричали таинственными, заставляющими вздрагивать голосами, предупреждая об ожидающей впереди опасности. «Вернитесь!». — Вздыхали они таинственными, пробегающим эхом ужаса голосами, по ночному лесу.

Но богатыри шли и шли вперед. Там, туда, где в мраке ночи их друг попал в беду, и где ему нужна помощь. Кто, как не они придут на выручку, напевав на все глупые условности, а уж тем более, на какую-то там усталость, и страх.

Перла они нашли на опушке. Он сидел под стволом березы с обломленной верхушкой, прислонившись спиной, опустив голову, и не поднял ее даже при приближении к нему четверки названных братьев. Вул спрыгнул с лошади, и упав перед будущим тестем на колени, затряс, схватив за плечи, пытаясь заговорить, и узнать, что произошло. Но кузнец не отреагировал. Он продолжал сидеть в той же позе, беззвучно шевеля губами, ни обращая ни на что, никакого внимания, полностью погруженный в себя. Было страшно видеть сильного мужчину, в таком состоянии.

Федогран спешился, погладил неторопливо по крупу коня, и сел рядом, скрестив ноги. Нужно было как-то расшевелить этого отчаявшегося человека. Привести его в чувства, заставить взять себя в руки, и только потом принимать решения, и начинать действовать.

— Перл. — Он положил руку на безвольно опущенное, подрагивающее, могучее плечо, но тот не отреагировал. — Перл, дружище. — Толкнул его парень и приобнял. — Возьми себя в руки. Ты нам нужен. Очнись. Сидя тут чуркой, ты жену не спасешь. — Бесполезно. Отчаяние проникло в душу этого человека настолько сильно, что он перестал вообще на все обращать внимание.

— Они там. — Прохрипел он наконец в землю, не поднимая лица, безвольным, сухим голосом. Слеза упала на сложенные на подогнутых коленях огромные ладони, скатилась по покрытым шрамами, почерневшему от угольной пыли, грубому пальцу и потерялась в траве, оставив мокрую дорожку, мерцающую в лунном свете.

— Кто они. — Федор вновь толкнул в безвольное плечо, и вновь в ответ тишина, и тогда наш герой сделал то, на что наверно никогда бы не решился при других обстоятельствах:

— А ну-ка встать сволочь. Ньюни распустил. — Внезапно вскочил он на ноги, сверкнув яростью в глазах, и нависнув над кузнецом клокочущей тучей гнева. — Ты мужик или дерьмо. — Слова слетали с губ и кувалдой били в голову, сидящего напротив, заставляя того вздрагивать. — Ты перед богами и женой ответственность взял, а теперь предал и ее и клятву высшим силам. Какой ты после этого мужчина. Вставай урод...

— Щенок!!! — Кузнец внезапно очнулся, подпрыгнул, и набросился, сверкая бешеными, налитыми кровью глазами, на Федора. Огромный кулак просвистел около уха, увернувшегося парня, чуть не сдув ветром сидящего у него на плече, вжавшего голову в плечи, ошарашенного таким резким поворотом событий, шишка. — Что ты вообще

понимаешь, молокосос! Убью гаденьша!!!

— Ты зачем дядьку Перла обидел. — Бер надул губы и кинулся разнимать драку, недовольный таким неожиданным поворотом событий. Он схватил, заламывая руки, бьющегося в объятьях, успевшего среагировать, и удержать кинувшегося в бой кузнеца, загадочно улыбающегося оборотня. — А ты что лыбишься? — Буркнул он непонятно чем довольному Вулу.

— Успокойся! — Засмеялся оборотень, с трудом сдерживая вырывающегося и стремящегося кинуться в атаку Перла, крича ему в ухо. — Он же специально тебя разозлил, чтобы ты в себя пришел. Ты же не реагировал ни на что. Как полено был. Не со зла он так поступил. Для дела. Надо же такое придумать, ты молодец брат. — Кивнул оборотень Федору, и зло посмотрев на медведя, рывкнул. — А ты не лезь, раз ничего не понимаешь.

— Еще раз такое скажешь! Убью! — Произнес наконец кузнец, разминая кисти рук, за которые его пытался схватить Бер. Он пришел в себя и его отпустили, под обещание прекратить драку.

— Если у тебя опять глаза стеклянными станут, и ты снова плакаться начнешь, то я еще и подзатыльник дам, ты меня знаешь. За мной не заржавеет. — Огрызнулся Федор. — Не стыдно. Здоровый мужик, а ведешь себя... — Он махнул рукой недоговорив, словно поставив точку. — У тебя жена в беде, а ты сел себя несчастного жалеть. Рассказывай, что произошло? Мы сюда не тебя успокаивать приехали.

— Так ты дядьку Перла не хотел обидеть? — коснулся плеча Федора медведь и как-то по-детски посмотрел ему в глаза, и выглядело это так, словно ребенок задал вопрос мудрому отцу, пытаясь узнать: «За что его наказали?».

— Тьфу. Дурак. — Сплюнул шишок. — В чувства он его привел...

— Заткнись. Не хватало тут еще твои шутки выслушивать. Нашел время. — Оборвал начинающийся, нескончаемый монолог Федогран. — Рассказывай Перл, все, что знаешь, мы ждем.

Кузнец окончательно успокоился, сел, опустив голову и тихо заговорил, подбирая слова.

— Нашел я Любавушку свою. Ящер, с татями своими, ее в полон взял. Сейчас они, убивцы, стоят лагерем у сухого ручья, костры жгут. Они и не скрываются вовсе. Да и что им бояться, коли его даже княжеская дружина старается стороной обходить. Ватага они отчаянная. Воины все как на подбор, лихие. Такие, что смерти в лицо плюнут и не побоятся. Каждый муху двумя пальцами поймает, каждый быка на плечах унесет. Попробуй с такими ратиться. Себе дороже выйдет.

Женка моя у Ящера, в шатре, связанная. Ее вроде не обижают, но и мне не отдали. — Он горько вздохнул и замолчал.

— Говори толком. Что это за зверь такой — этот Ящер? Что сказал? Почему тебя отпустил? Что хочет? Не томи кузнец. Время идет. — Федор сел рядом.

— Изверг он (выгнанный за преступление, из деревни или города человек). Давно по лесам разбоем промышляет. Кровушки на нем столько, что озеро налить можно. Поединщик непревзойденный, говорят равных ему нет. Новому богу какому-то поклоняется, а старых не чтит. Ватагу свою сколотил, из лучших воинов, которых на поединок вызывал, но не убивал сразу, а нож к горлу приставлял, и предлагал выбор: ему служить или умереть, те, что соглашались, с ним теперь лютуют, а те, что отказали, давно в земле сгнили.

— Так он, что — человек...? — Перебил монолог кузнеца парень.

— Конечно человек. Кто-ж еще-то? — Тот недоуменно посмотрел в удивленные глаза

Федограна.

— Я-то думал это зверь такой. — Присвистнул тот. — Ну дела. Так что же эта ящерица от тебя хочет? Ведь не просто так она Любаву выкрала?

— Не знаю я как тебе такое сказать. — Отвел кузнец глаза. — Легче с кулаками кинуться сразу на всю его ватагу и помереть, чем просить такое. Только вот Любаву свою этим не спасу. Сгинет моя голубка. Лютой смертью казнят, за мое упрямство и несговорчивость.

— Да что-же ты за человек такой, Перл. — Не выдержал, молчавший до этого оборотень. — Все из тебя клещами вытягивать надо, говори не томи.

— Они ему утexas непотребные предложили вот он и стесняется. — Засмеялся ехидный шишок, но подавился своей улыбкой и закашлялся, получив неожиданно подзатыльник от медведя.

— Угомонись, скоморох. Не время зубы скалить. Шутки у тебя глупые. Говори дядька, Перл. Не томи.

— Если бы не Любава... — Вздохнул тот, и дальше все выпалил скороговоркой, словно стараясь быстрее очистить рот от гадости. — На поединок он Федограна кличет. С условием, что если победит он, то после смерти Ящера Любава свободу обретет, и ватага распустится, а если наоборот, то парень ему до смерти служить будет. Если же ты откажется приехать, то моя жена умрет. Не верю я ему, но и другого выхода нет. — Он замолчал, опустив голову, не смея ее поднять. — Прости друг. — Вновь зазвучал его тихий голос. — Я не смею тебя просить о таком, но и по-другому мне голубку мою не освободить. Можно, конечно, княжескую дружину кликнуть. Сослав, не откажет. Но этот тать времени дал только до сегодняшнего вечера. Не успеть мне никак.

— Так это что же? Только Федограну можно с ним в поединке сойтись, или я тоже сгожусь? — Почесал затылок медведь, и с обидой посмотрел на Перла, словно тот был виновником свалившегося несчастья.

— Только с ним. — Вздохнул кузнец.

— Нечего мне тут замену искать. — Огрызнулся наш герой. — Поехали, посмотрим на эту рептилию. В любом случае, как бы драка с ним не закончилась, Любава свободна станет. Я такие условия поставлю, что не откажется он. Ведь не просто так именно меня вызвали на поединок. Это Чернобога работа, тот во мне угрозу чувствует. Да и помирать я просто так не собираюсь, поживу еще, бог даст. — Он трижды сплюнул через левое плечо. — Поехали.

Лагерь Ящера стоял в лесу, на поляне, рядом с оврагом, оставшемся от пробежавшего тут когда-то ручья. Их никто не остановил, и это несмотря на замеченные опытным взглядом воина, дозоры, тщательно, со знанием дела, замаскированные на подходах. Никто даже не окликнул. Сама стоянка ватаги не выглядела, как место сборища бандитов-разгильдяев. Все было на своих местах. Стреноженные лошади отдельно. По центру костер с огромным котлом, в котором булькало какое-то варево на завтрак, чуть дальше пирамида с копьями и разложенные щиты. Все чисто и аккуратно.

Друзья доехали почти до середины стоянки татей, когда им дорогу перегородил высокий, широкоплечий, худой воин, с перетянутыми бечевой, «в хвост», русыми волосами. Выставив вперед ладони, явный знак остановиться, он велел ждать, и вновь отошел к котлу, где занялся отрешенно той работой, от которой его оторвал приезд гостей: продолжил мешать пищу здоровенным черпаком.

Единственный на поляне шатер, из темной ткани, очень похожей на шелк, с эмблемой

черепа, на развивающемся на вершине, флаге, дрогнул, открывающимся пологом, и вышел сам хозяин.

Он действительно был похож на ящерицу.

Первое, что сразу бросилось в глаза, неестественно вытянутое, приплюснутое лицо, изъеденное следами оспы, словно покрытое чешуей, с длинным рваным шрамом от правой мохнатой брови до середины подбородка, и разорванной верхней губой, обнажающей белоснежные, крупные зубы.

Гибкое тело хищного зверя, с широкими плечами, узким бедрами, длинными руками и короткими, кривыми «колесом» ногами, признаком бывалого, опытного наездника. Движения быстрые, но плавные, и даже поднятая в приветствии рука, выдавала в нем великолепного воина.

— Федогранова четверка! — Рассмеялся он грудным приятным баритоном. — Все сюда приехали. Молодец, кузнец, сделал даже больше, чем я просил.

— Ничего я не делал... — Попытался было возразить угрюмый Перл, но бал остановлен грубым окриком:

— Молчи червяк. Твое место в угольной яме. Здесь воины судьбу решать будут. Не влезай, ничтожество, в разговор мужей.

— Как-то это неправильно все. — Пробубнил Бер.

— Все правильно медведь. — Перевел на парня взгляд голубых глаз Ящер. — Люди, они или волки, или корм. — Правильно я говорю, оборотень? — Его глаза ткнулись в побледневшего Вула. — Как ты думаешь?

— Нет. — Еле сдерживая ярость ответил тот. — Взбесившегося зверя убивает стая. Ему не место в мире Яви.

— Может у тебя другое мнение? — Главарь ватаги посмотрел пристально в глаза Федограна. — Ты ведь не из этого мира? Я прав? — Подмигнул он. — У тебя не может быть местных заблуждений в интерпретации истины. Подумай. Я предложу только один раз. Переходи под знамя Чернобога, и у тебя будет все: слава, богатство, лучшие девушки согреют твою постель. Откажись от светлых богов, и до конца жизни не пожалеешь об этом.

— Ты очень много знаешь, для простого бандита. — Федогран ответил таким же пристальным взглядом. — Может быть там, в другой жизни, я бы и принял твоё предложение, но тут у меня будет только один ответ, и ты его знаешь.

— Дурак. — Засмеялся атаман. — Ты умрешь, и я буду убивать тебя медленно, потом вызову на поединок твоих друзей и так же их убью, потом дойдет очередь до кузнеца, он будет молить о смерти своих убогих богов, а потом и до его жены, с которой для начала позабавятся мои воины. Это ничего, что она старая, у них давно не было женщины, и они будут довольны. Но все это ты можешь предотвратить одним только словом.

Он словно не замечал забившегося в руках медведя, брызжущего яростью, кузнеца, бросившегося на него в драку, так же схватившегося за меч Вула, скрежетавшего зубами.

— Решайся. И пойдем в шатер как друзья, пить хмельной мед, и закусывать белорыбицей. Я угощаю. — Он вновь рассмеялся, но глаза оставались жесткими, словно стальные клинки, упирающиеся в самую душу, и что-то в них было не так, что-то неестественное.

«А ведь он боится меня» — Догадался в чем тут дело, и усмехнулся по себя Федор. «Вот откуда эта напускная бравада. Он пытается вывести меня из себя. Нет дружок. Не на того напал».

— Много слов, ящерица. Это недостойно воина. Так много говорят только женщины споря у колодца: «Кто из них краше».

— Я услышал твой ответ. — Усмехнулся атаман в ответ.

— Нет. Ты еще не все услышал. Твои условия поединка меня не устраивают. Ты в любом случае, при любом исходе нашего боя, отпустишь всех, невредимыми. Или я не буду драться.

— Откажешься драться? — Он удивленно посмотрел на богатыря. — Тогда я просто перережу вас как баранов. — И захохотал, но в голосе прозвучала неуверенность, и Федор ее почувствовал.

— И нарушишь собственное слово. Как же это похоже на такое ничтожество как ты.

— Я не давал никаких слов. — Нервно оглянулся Ящер, словно ища поддержки у внимательно слушающих воинов своей банды, собравшейся рядом.

— Как же. А кто вызвал меня на честный поединок? Я повторяю: «Честный». При твоём отказе от моих условий, я не достану меч из ножен, и тебе придется убить безоружного. Вот и не состоится, то, что ты обещал.

— Хитер. Будь, по-твоему. Я отпущу после твоей смерти всех, кто у меня в плену и гостях.

— Вот это другое дело. А то слюной брызжешь, а драться боишься. — Рассмеялся Федогран.

— Я боюсь. — Ящер вытер губы и посмотрел на сухую ладонь, проверив слова парня на счет слюны. — Я убью тебя. Щенок! — Он выхватил из ножен полыхнувший мраком меч.

— Оружие с силой бога. — Выдохнул замороженно сзади Бер. — Это не честно. Так не проводят поединки. — Но его уже никто не слушал.

Соперники, выставив вперед клинки, медленно пошли по кругу, напротив друг друга, как два кота, мягко переступая полусогнутыми ногами, готовые в любой момент бросится в атаку, или отразить удар противника. Глаза в глаза. Схватка нервов. Кто сделает ошибку, тот и останется на этой поляне навсегда.

Первый звон металла, резанул по натянутым нервам. Мрак, сорвавшийся с меча Ящера, окутал на мгновение клинок Федора. Он быстро впитался в сталь, оставив после себя, быстро распространяющиеся пятна ржавчины. На губах соперника появилась торжествующая улыбка и тут же сменилась довольной и ехидной.

Меч быстро начал менять цвет на буро-рыжий, и медленно посыпался на землю, темной, впитывающийся в почву струей пыли. Пройдет совсем немного времени, и богатырь останется безоружным. Тогда конец. Решение, как всегда, пришло мгновенно.

Мощный широкий замах, сверху нацеленный в голову врага. Торжествующие глаза противника напротив, решившего, что его соперник совершил наконец ошибку, открыв для удара грудь, резкое падение на одно колено, с одновременно сильным толчком ногами вперед.

Рука с обескураженным, вытянутом в изумлении лицом и занесенным для последнего удара мечем Ящера проплывает, как в замедленной съемке, сверху, едва не касаясь лезвием волос, раскрытый рот атамана, что-то орет, а Федогран, уже прыгает, с разворотом, оказываясь за спиной, и всаживает почти осыпавшийся клинок, в незащищённого врага.

Непобедимый до этого никем соперник падает на колени, посмотрев на вылезшее из груди окровавленное жало. Медленно поднимает удивленные глаза: «Как же так», и падает с противным чавканьем, навзничь, в лужу собственной крови.

Полная, неоспоримая победа. Тишина, выпученные глаза и открытые в удивлении рты,

выстроившийся недалеко ватаги убитого атамана. Меч в груди поверженного противника окончательно рассыпается, и на спину трупа падает одинокая рукоять.

— Условия поединка выполнены. — Торжественно произнес Федор и сложив руки на груди, гордо поднял подбородок. — Или еще кто-то хочет оспорить его результаты? — Он мрачным, суровым взглядом обвел застывших воинов.

Глава 5 Меч с силой бога

Воины медленно, со зловещим лязгом, вынули мечи из ножен и сделали шаг вперед. Их угрюмые, суровые лица, сжатые в нитку губы, и гуляющие желваки скул, выражали полную решимость идти вперед и убивать, наплевав на последствия. В глазах застыла сама смерть.

«Это конец», — промелькнуло в голове у Федора. Выстоять против этих тридцати трех головорезов, даже с оружием невозможно, а без оружия это вообще становится не реально. Но не сдаваться же без боя. Как-то это неправильно. Он попытался поднять валяющиеся у ног, меч поверженного Ящера. Но тот внезапно ударил, протянувшуюся руку приступом нестерпимой, пробившей разрядом тока от пальцев до плеча, обжегшей холодом, боли. Сила чужого бога не желала подчиняться своему врагу. Она не признавала чуждую ей силу богатыря.

— Плечом к плечу. — Справа встал угрюмый, осознающий приближающийся конец жизни, Вул, небрежно отбрасывая в сторону ножны и поднимая клинок на уровень груди.

— Плечом к плечу. — Слева улыбнулся довольный предстоящей очередной дракой медведь. Он подмигнул вставшим напротив воинам, тряхнул густой шевелюрой, размяв плечи, и поманил тех указательным пальцем. — Не стесняйтесь. Я буду убивать не больно.

— Плечом к плечу. — Пискнул взволнованно, взлетевший по руке на плечо шишок, и закрутил головой, словно выискивая кого-то конкретного из противников. Внезапно его взгляд остановился на самом здоровом из них, и сощурился, а рука вытянулась в направлении выбранного воина. — Этот мой!!! — Зловещий хохот Ильки прокатился по полюне.

— Плечом к плечу. — Кивнул друзьям Федогран и сжал кулаки.

Но стоящие напротив воины внезапно воткнули в землю мечи и встали на одно колено, сняв шлемы и опустив головы.

— Вы великие воины. — Хрипло заговорил один из них, не поднимая глаз. — Никто из нас не посмеет сойтись с вами в смертельной схватке. Но это не потому, что мы боимся. Нет. Причина совсем в другом. Мы ценим доблесть, и уважаем вашу четверку богатырей, никогда не посрамившей ни чести, ни славы.

Прими клятву «падших» в верности тебе, Федогран. Может быть, тогда светлые боги простят нас за совершенные грехи. Если мы будем служить тебе, их богатырю, может тогда снизойдет на нас их милость. Наши головы покрыты позором предательства, но наши души стремиться очистится. Помоги нам искупить недостойные поступки прошлого.

Такой поворот развития событий обескуражил нашего героя, и он не знал, что ответить. Он смотрел на склоненные головы банды Ящера, и мысли не складывались в одно целое. Это было слишком неожиданно. Только что он был готов умереть под мечами этих людей, и вот они уже просят стать его их вождем. Он не готов к этому. Да и не стремился никогда к лидерству, ни в той, ни в этой жизни.

В чем их вина? В том, что всего один раз в жизни струсил, и выбрали вместо легкой смерти — жизнь? Но бояться все. И жизнь хотят сохранить все. Это нормально для любого человека. Нет, их вина не в этом. Их вина в предательстве. Они предали не только своих богов, но они предали и своих предков, свой род. Продали свою честь за жизнь, которая стала с того самого момента невыносимой. Жизнь в добровольно надетых кандалах воли подлого хозяина, человека у которого нет совести — Ящера. Федогран не готов был принять

их клятву, но вот дать им шанс вернуть себе честь, он мог.

— Я не могу принять вашу службу.

Глубокий вздох разочарования, скорбной лавиной прокатился по поляне. Слова Федора, горькой плетью хлестнули по вздрогнувшим плечам, но никто из них не встал и не поднял головы. Совесть опускала безжалостной рукой глаза этих людей в землю, вдавливала в траву, не давая подняться. Горечью осознания собственной, бесчестно прожитой жизни, жгла огнем души.

— Но я знаю, как вы можете поступить. — Вновь вздрогнувшие, но уже надеждой плечи. — Там! — Федогран вытянул руку, словно указав путь к спасению. Такие же, как вы, предавшие своих богов и память предков, ведомые жаждой поживы, глушащие свою совесть в крови ни в чем не повинных стариков, баб и детей, идут грабить и убивать. И ведет их, вот такой же вот подонок. — Палец парня ткнул в труп Ящера, и плечи стоящих на коленях воинов еще раз вздрогнули. — Лживостью, подлостью и страхом, поставивший под свое черное знамя целое полчище озверевших от безнаказанности нелюдей. Их много — очень много. И у них на пути стоит только один князь Сослав.

Вот идите, и ему падайте в ноги, приносите клятву, и помогите разгромить орду, тогда боги возможно и вернут вам свое расположение. Победить, или с честью умереть, и у вас нет другого пути к прощению. Я же простой воин, и не имею права распоряжаться вашими судьбами. Одно знаю точно: «Любой свой поступок можно исправить». Идите, и докажите, что в вас еще остались честь и совесть.

Молча, не поднимая склоненных голов, не смея смотреть в глаза. Тридцать три воина, поднялись, и спустя пару минут скрылись в лесу, угрюмой вереницей, от которой веяло надеждой, ведя под уздцы коней.

— Мы кровью искупим свой грех. — Обернулся последний из них, подняв бледное лицо, и сверкнув решительностью во взгляде. Резко поклонился и растворился вслед за другими в чаще.

Федогран оглянулся. Рядом стояли молчаливые друзья. Невдалеке, у костра, кузнец обнимал, рыдающую у него на груди жену, и гладил ее по голове, что-то тихо шепча на ухо. Под ногами лежал черный меч чужого бога, и вздрагивал в бессильной злобе, черным, мечущимся по лезвию мраком.

— Его нельзя здесь оставлять. — Присел на корточки возле оружия Вул. — От него пахнет предательством и смертью. — Он поморщился и встал, отойдя в сторону.

Федор кивнул в ответ, соглашаясь.

— Уничтожим его! — Воскликнул Бер и схватился за рукоять, но тут же отдернул руку. — Он меня ударил. — Пробасил он обиженно, потирая ладонь и морщась от боли. — Как теперь быть? — Федор пожал плечами. — Но должен же быть способ? — Медведь посмотрел с вопросом отчаяния в глазах.

— Должен. — Согласился наш герой. — Но это оружие с мощью бога внутри, и только высшим силам под силу решить его судьбу. — Он поднял голову.

— Вы же слышите меня Перун и Морена! — Крикнул он в небо. — И ты, Ярило! Это оружие вашего врага. Мы простые смертные не имеем над ним власти. Решать вам. — Он опустил голову. — Мы слишком слабы для этого.

— Теперь этот меч твой. Ты в силах взять его, ты можешь это сделать, богатырь. — Зазвучал громовой голос, словно заговорила сама вселенная, и небо начало медленно затягиваться грозowymi тучами. — Ты сможешь подчинить себе его черную душу! В тебе

есть огромная воля! Мы поможем в этом. Все светлые боги сейчас смотрят на тебя, и готовы влить частички своей силы в твою стойкость и помочь. Возьми его в руку и терпи, что бы ни случилось не выпускай из рук. Это будет твоя первая, настоящая победа. Овладев этим мечом у тебя, появится шанс. Ты сможешь бить «подобное-подобным». Сделать то, что недоступно простым смертным. Мы верим в тебя. — Голос зловеще рассмеялся. — Боги верят в смертного! Это войдет в легенды! Давай богатырь. Не подведи. Все жители Прави смотрят на тебя.

Задул сильный, пронизывающий ледяным холодом, до костей, ветер:

— Я тут! — Просвистел Стрибог (бог ветра). Взлетевшими в воздух сухими прошлогодними листьями.

Пошел мелкий как пыль дождь и сверкнула громом кривая молния.

— Я готов! — Прозвучал набатом Перун и выпустил в почерневшее небо еще одну вспышку.

Желтый диск солнца показался прямо сквозь монолитные тучи:

— Я жду. Улыбнулся Ярило лучом теплого света в лицо.

Зашевелилась под ногами трава, и покрылась мелкими цветами:

— Мокошь, богиня плодородия, поддержит тебя, воин! — Прошелестел ветвями посветлевший на мгновение нежностью лес.

Сухой ручей покрылся клубами черного ворочающегося внутри неизвестностью тумана:

— Я помогу! — Прозвучал могильный голос оттуда голос смерти, голос самой Морены.

Тепло пробежало по телу, и взъерошило волосы ловкой, невидимой рукой:

— Прорвемся! — Зазвучал в пространстве веселый смех бога Авось. — Надейся на меня, но и сам не плошай.

И тут же, в след за разудалым хохотом бога удачи, улыбкой поцелуя на губах, проворковал другой, нежный голос:

— Богиня любви Лада верит в тебя. Мальчик! Моя нежность согреет твою душу. Все будет хорошо.

— Сварог (бог неба), поможет одолеть боль! — Польшнуло заревом по небосклону. Я покажу путь в мгле. Ты главное верь.

Наступила полная тишина. Ветер стих, дождь застыл в воздухе туманом, солнечный луч подсветил оружие лживого бога. Федогран нагнулся и взял в руку, словно гадюку за шею, меч.

Тьма и боль одновременно сковали тело, черной стрелой пронзили сердце, и растеклись мраком холода по душе. Жуткая как пропасть безнадежность заполнила в один миг затуманенный страхом разум.

— Терпи. — Пробился еле слышно, глухим шепотом, сквозь пелену контузии, голос Перуна.

— Мы совсем рядом, только не бросай меч. — Прошелестел голос Морены могильным холодом.

Боль, одна только боль, в скованном отчаянием теле нашего героя, и ничего кроме парализующей боли. И только желтый, едва мерцающий лучик света впереди, пробивается слабой надеждой. Как далекая искра маяка в бескрайнем ночном море.

— Иди вперед, ты должен видеть мой свет. — Звучит едва слышный, строгий голос Ярило. — Не смей останавливаться, любое промедление это смерть.

— Я буду рассеивать мрак, на твоем пути. С каждым шагом будет светлее. —

Подбадривает Сварог. — Только не бросай меч, иди вперед, и терпи.

Как же больно! Ужас заполняет разум, сковывает движения спазмами опутывая ватные ноги. Федор, скрипя зубами, делает первый, самый трудный шаг.

— Я люблю тебя! — Целует душу голос Лады. От этого сердце парня наполняется теплом, а боль медленно сползает по телу к ногам и падает на землю, оставляя цепляющимися когтями пульсирующие, зудящие раны. Следующий шаг дается немного легче, и прорываясь сквозь густой кисель мрака, тело вываливается в посеревшее пространство.

— Авось вынесет тебя из этой гадости. Доверься мне. Просто терпи, и держи меч, я с тобой до конца. Плечом к плечу. — Смеется вечно счастливый бог.

— Плечом к плечу, повторяет девиз Федогран сухими губами, и делает еще один шаг.

— Эх, опоздала, как всегда. — Звучит женский незнакомый голос. — Но все же я помогу. Тебе не хватает безрассудства, и я тебе его дам. — Хохочет Параскева- Пятница, богиня разгула, и вливает в душу тоненький ручеек лихого блаженства, прогоняя сопротивляющийся страх, который взлетает черной вороной в светлеющее небо.

Еще один шаг. Белые голуби, из розового, освещенного сюрреалистическим дымным солнцем облака, накидывают радужную, сплетенную из божественного света, мелкую сеть, на создание тьмы. Черное копье Морены, вырывается из разверзшихся, взрывом смерти, комьев взлетевшей в воздух земли, и сливаясь с грохочущей молнией Перуна в единое целое, бьет в рвущуюся из пут птицу.

Кровавым хлопком и разлетающимися перьями, ворона вспыхивает, освещаемая нестерпимым белым материальным как покрывало светом, в протянувшейся руке бога Ярило, и мир заливают божественным сиянием Прави.

Одно из перьев, плавно опускается на сжатый в дрожащей от напряжения руке меч, и растворяется в нем. Только черная нитка, посередине клинка, от эфеса до хищного острия, как царапина на душе, остается на память он враждебного бога лжи, играя мраком на зеркально отполированной стали.

— Ты сделал первый шаг, на пути к цели. Главное оружие — меч, добыто тобой в неравном бою. Но это только начало. Надо собрать всю амуницию с силой бога. Тебе предстоит трудный путь, но мы, жители Прави верим в тебя и поможем на этом пути. — Прозвучал голос Перуна, и на последних словах растаял, улетев в тишину безвременья.

Он смог, он выдержал, но не осознавал еще этого. Силы медленно возвращались в тело, покалывая иголками нервов, начиная со ступней и поднимаясь все выше и выше по бесчувственному воину, наполняя его жизнью. Первое что он почувствовал, это запах табачного дыма, а первое, что увидел, это заросшее седыми волосами, с капелькой слезы на бороде, лицо Чашуна.

— Жив — Выдохнул струю дыма дед. — Посмотри мне в глаза. Узнаешь? — Федогран моргнул, подтверждая, сил на другое не было. — Цел разум. Слава Роду. Молодец, выстоял. — Он окутался клубами табачного тумана, выпустив его из улыбающейся бороды. — Сейчас я помогу. — Он засуетился, запутавшись в складках рубахи трясущимися от нетерпения руками, и вытащил, уже знакомую Федору кожаную фляжку. — На, пей, в сухие губы ткнулось горлышко. — Побольше глоток сделай. Тебе надо. Можно даже слегка переусердствовать. Сегодня тут будем ночевать. Неча в ночь выдвигаться. Отдых тебе после всего что пережил нужен.

— Как ты тут оказался? — Наконец смог заговорить Федогран, когда хмельной мед

смочил иссушенное горло.

— Тебя дурака спасать приехал, да вот опоздал. Ты уже и без меня справился. — Усмехнулся тот. — Шустер больно ты у меня внучек. — И Дух Жизни залился громким смехом, пуская клубы дыма. — Ох и шустер! И умеешь удивлять. Как я рад, что не ошибся тогда, и не оставил тебя умирать.

— Скажи богам спасибо, тупой медлительный дурень. — Над плечом деда появилось озабоченное лицо Ягиры, и втянуло воздух крючковатым носом, а потом пожевало губами, словно пробуя его на вкус. — Помогли парню. Тебя ждать не стали. Чуть не сгубил воина, старый пентюх.

— Дура баба. — Как я ему на кромке смог бы помочь? Я спешил бой с Ящером не допустить, а не вмешиваться в сражение богов.

— А я про что говорю... -

Ведьму грубо прервал Федогран, его сейчас мало заботили склоки старых духов, его волновал другой вопрос:

— Где мои братья?

— Да что им сделается. За дровами для костра, в лес отправили, чтобы они под ногами не крутились. Сейчас вернуться уже. Ты лежи, не поднимайся. Сейчас зелье доварится, я тебя быстро на ноги подниму. Не сомневайся. Вмиг у меня засияешь как солнышко.

— Уже Вечер? — Федор посмотрел, не мигая в сереющее небо. Сил ни на что другое не оставалось. Даже губы шевелились с трудом.

— Да милоч, уже. Ты целый день в горячке метался. Едва тебя с Ягирой из-за кромки выдержали. Оно так, с богами воевать-то. Не дело это для смертного. Но у тебя путь таков, что не избежать и в дальнейшем этого. — Выдохнул дым Чашун.

— Давай сынок я тебя покормлю. — К Федору подошла Любава с деревянной миской в руках. — Супчик вот тут куриный, на потрошках сварила, от татей много продуктов осталось, вот я и расстаралась. Отведай соколик.

— Уйди. — Оттолкнул ее Чашун. — Ягира сначала зельем напоит, оно посытнее твоей похлебки будет. Иди, я сказал. — Буркнул он упрямой, не желающей слушаться женщине, махнув на нее рукой. — Не лезь куда ни следует.

— Зачем ты так? — Укоризненно прошептал Федор, она же не виновата, что ее похитили. Она помочь хочет. Любой мог оказаться на ее месте.

— Любой, любой. — Пробурчал дед. — Может и любой, но только не нравится мне она. Слишком уж какая-то ласковая, аж до тошноты. Не бывает так.

— Ты преувеличиваешь. Она действительно очень добрый человек.

— Может и так. — Пожал то плечами. — Но я привык доверять своим чувствам, и тебе советую поступать также. Ладно, закончим на этом. Вон Ягира, свое отвратное варево несет. Вот же гадость. — Чашун передернул плечами. — Но выпить его надо. Старая ведьма свое дело знает. Быстро на ноги поставит.

Костер тихо потрескивал лопающимися сучьями, вернувшиеся друзья сидели рядом, весело переругиваясь друг с другом, и под их тихий разговор, шептавший голосом засыпающего в сумерках леса, уснул и наш герой, сжимая рукоять меча, которую так и не выпустил из рук.

Глава 6 Планы

Они сидели, втроем у потрескивающего искрами костра. Федогран, сопящая и чихающая Ягира и укрытый облаком табачного дыма Чашун.

Старый колдун отправил всех остальных участников последних сбытый в Новгор. Он жестко пресек любую попытку остаться, мотивируя это тем, что ему надо поговорить с богатырем «с глазу на глаз», и что чужие уши, даже пусть и названных братьев, он своими тайнами радовать не будет. Не для них они предназначены. На обоснованный вопрос обиженного Бера:

— Почему тогда бабка Ягира остается?

Чашун ответил, что эту старую, упрямую Каргу, все равно не выгнать, а если и получится, то она все равно подслушает спрятавшись, где-нибудь под кустиком, изображая из себя грязную гусеницу-переростка. Да и нужна она ему, для задуманного дела. На что колдунья совсем не обиделась, а улыбнулась ехидными губами, и довольным тоном ответила:

— Вот такая я загадочная бабушка-красавица. — А потом посмотрела так по-доброму, и погладила с такой нежностью посох, что всем сразу захотелось оказаться, где-нибудь подальше от нее, да и вообще от этой поляны с бандитским лагерем и костром.

Оставшись втроем, и проводив друзей загадочным взглядом, колдун долго не начинал разговор, ковыряясь кривой палкой в огне, и пуская клубы табачного дыма. Ягира тоже молчала, погружившись в собственные мысли, и лишь изредка чесала длинный нос и морщилась, собираясь чихнуть, что у ни никак это не получалась, и потому она злилась, бормоча что-то неразборчивое.

Федор не мешал, и ни о чем не спрашивал, он тихо сидел и рассматривал двух старых духов, затащивших его, своими стараниями в этот древний мир.

Вспоминал, как едва не умер тогда от страха, когда первый раз увидел их, вот также сидящих у костра, таких разных, и таких одновременно одинаково нагоняющих ужас на изнеженного, городского мальчика, уснувшего в своей городской квартире, а проснувшегося в лесу у костра.

Он улыбнулся, прищурившись на огонь.

Теперь все по-другому. Теперь он далеко не тот умирающий от ужаса ребенок. Теперь он взрослый, тертый жизнью мужик, несмотря на свои семнадцать лет, уже не раз смотревший в глаза смерти. Да что там говорить, он ее хороший знакомый, той самой костлявой старухи, которую принято рисовать в сказках древней горбатой уродиной, а на самом деле прекрасной женщины — Богини Морены.

Он опять улыбнулся, подумав на сколько сильно развита у людей фантазия, и как она извращенно рисует то, чего человек не знает, да еще и боится вдобавок к этому.

— Послушай меня внучек. — Прервал наконец раздумья, и прокашляв дымом, Чашун заговорил глухим голосом, не поворачиваясь к собеседнику. Он, все также, не останавливаясь продолжал ковырять костер палкой, внимательно наблюдая за разлетающимися, обиженными искрами. — Кто-то очень сильно желает тебя убить... Выслушай сначала. — Поднял он руку, прерывая на полуслове попытавшегося что-то ответить Федора. — Кто-то в Новгоре, подкуплен и служит Чернобогу. Причем это очень сильный колдун-человек, или, что еще хуже дух. Я только недавно это понял, за что и виню

себя, за такую вот глупость и упущенное из-за этого время.

Помнишь тот самый первый раз, когда тебя усыпили и обокрали в харчевне? — Он повернул голову, и внимательно посмотрел в глаза парня, выпустив неторопливо и задумчиво длинную струю дыма. Федор кивнул утвердительно в ответ. Старик снова отвернулся к костру и продолжил. — Сначала я думал, что это Ягира подстроила.

— Всегда я у тебя, старого нытика, во всем виновата. — Пробурчала колдунья в ответ, и наконец сделала то, что у нее никак не получалось, громко чихнула. — До чего же противные эти комары, ладно в нос залез, я его давно уже выковыряла, так он еще укусил, гаденьш. Чешется внутри, мочи нет.

— Ты можешь помолчать. — Рывкнул Чащун и со злостью швырнув палку в костер, который от этого взметнул в верх сноп искр, словно обидевшись, но дед быстро успокоился, у него всегда перепады настроений происходили мгновенно, и продолжил.

— Не Ягиры это была работа. Другой кто-то тебя обокрал. И самое противное, что я не знаю кто.

Потом пещерный медведь, который никаким образом не должен был оказаться там, где стояли лагерем вы. Но пришел именно в то место. Кто-то же его направил?

Дальше на вас напали упыри. Простое, казалось бы, задание воеводы: «Отвезти подати князю», по безопасной, много раз хоженной дороге, едва не стоили вам жизни. Не верю я в такую случайность, подстроено это чьей-то извращенной фантазией.

То, что вас посадили в порубь в столице и чуть не казнили, то же не просто так, ведь не сам лешак пришел вас тогда оклеветать, его послали, сделали все грамотно, если бы не шишок, не выбраться бы вам было оттуда.

То, что орда тогда, во время нашествия, пошла в обход, и именно туда, где стояли вы, а не туда, куда должна была идти, и где ее ждала дружина, тоже не совпадение.

Наводит на вас все эти беды кто-то из близких, знающих ваши планы. Я голову сломал, но не смог понять, кто в Новгоре служит Чернобогу.

— Ага. — Чихнула колдунья. — Я поначалу не поняла. Чего этот старый сморчок на меня накинулся с кулаками. Выяснить принялся, зачем я письмо к воеводе у тебя стащила. Чуток опять не подрались. Но разобрались опосля, что к чему. С тех пор тоже сна лишилась, все подсыла вычисляю. Вроде всех в городе перебрала, а никак догадаться не могу. — Она почесала нос и снова чихнула. — Ума не приложу, как этого гаденьша выискивать.

— Для того я вас тут и оставил, одних, без всех друзей, чтобы втроем покумекать. Может что-то дельное придумаем. — Он замолчал, окутавшись дымом, и на поляну опустилась тишина.

Слышно было как ветер гуляет по вершинам деревьев и шелестит задумчивой листвой. Потрескивал костер и фыркала носом Ягира. Чащун окутал себя облаком дыма, и молча кивал головой, словно соглашаясь с тем, что беззвучно бормотали его губы.

Федор смотрел на двух стариков, и пытался разобраться во всем том, что только, что они ему рассказали. Как-то так прошел год его попаданчества, что времени задуматься над происходящим у него не было. Сплошная череда смертельно опасных приключений, сыпалась на несчастную голову парня, с регулярным постоянством, не давая времени на размышления, и вот только сейчас он начал раскладывать все события по полочкам.

Теперь предупреждения Морены заиграли другими красками. Чернобог попытается от него избавиться, и сделает это чужими руками, человека или духа, причем из довольно близкого окружения, того, на кого не подумаешь. Вот почему богиня советовала не верить

никому. Но как так жить? Если подозревать всех, то можно сойти с ума. Надо срочно вычислить предателя. Но как это сделать? Нужно заставить его спешить, и совершить в суете ошибку.

— Надо заставить его волноваться. — Задумчиво произнес Федогран.

— Кого? — Не поняли ни Чашун ни Ягира, и подняли головы, внимательно посмотрев в глаза.

Но парень продолжил говорить так, словно не расслышал их вопроса:

— Нужно распространить слух о наших планах, но не истинных, а придуманных. Допустим я ехать на охоту собрался. Подождать немного, пока недоброжелатель, донесет это известие хозяину, и выехать совсем в другую сторону.

— И что это нам даст? — Задала вопрос, пожав плечами Ягира, но вот Чашун отреагировал по-другому:

— Ты гений мой мальчик! — Подпрыгнул он и забегал взад-вперед около костра, забыв даже выпустить струю дыма. — Отличный план.

— Не понимаю. Чего ты засуетился, словно тебе скипидару под хвост налили. — Колдунья в удивлении округлила глаза и чихнула. — Сядь наконец и объясни.

— Панику. Необдуманные действия. — Чашун резко сел и окутался табачным дымом. — Той вражине, что строит гадости нашему богатырю, придется быстро менять планы. А мы с тобой, Карга старая, будем рядышком, и понаблюдаем. Он обязательно совершит ошибку, и мы его... — Он резко прервался, насторожившись, словно кот, нацелившийся на ловлю мыши. Рука, как резиновый жгут рогатки выстрелила куда-то вниз и из кротовой норы выхватила за шкуру, трепыхающегося шишка. — Вот вам и подсыл вражеский...

— Отпусти! Какой я тебе подсыл. — Заорал тот перебирая в воздухе ногами, словно пытаясь таким образом убежать. — Я друг!!!

— Что же ты друг. — Не отпускал Чашун, бешено вращающего в страхе глазами Ильку. — Прячешься как тать, и разговоры секретные подслушиваешь? Так себя друзья не ведут.

— Отпусти его. — Чихнула беззаботно ведьма. — Нет в нем ни подлости, ни измены. Любопытство да дурости безрассудной полно, а вот гадости нет. Он скорее сдохнет, чем предаст. Такова их натура шишковая, тем более они с Федограном друг друга братьями считают, а это вообще высшая форма доверия. Тем более он нам пригодится.

— Это чем же нам этот крысеныш пригодится может? — Чашун поднес притихшего гостя к лицу, и принялся его разглядывать, словно ища на нем место, где можно укусить, поворачивая то одной стороной, то другой.

— Когда Федогран уедет из Новгора, нам с тобой, старый, туда лучше не соваться, нам лучше снаружи покараулить, а вот в городе, останется шишок. Будет там нашими глазами и ушами. Уж чего, чего, а это у него прекрасно получится.

— Думаешь? — Дед все еще недоверчиво рассматривал незваного гостя. — А ты как внучек мыслишь? Стоит этому подсылу доверять.

— Скажи ты ему брат, что не враг я. — Заверещал шишок, вновь забившись в истерику. — Пусть отпустит. Что он меня как грушу крутит и разглядывает.

Это выглядело со стороны на столько комично. Что наш герой не выдержал и рассмеялся:

— Отпусти. Он дурак, а не враг.

— Сами вы... — Не договорил шишок и махнул от обиды рукой, когда его поставили на землю.

— В следующий раз думай, когда что-то делаешь. — Захрюкала смехом в попеременно с чиханием ведьма, и ее поддержал басовитый хохот Чащуна. Илька посмотрел на всех, подумал о чем-то о своем, улыбнулся и рассмеялся сам.

Долго они в четверым не могли остановиться, тыкая в друг-друга пальцами, и от этого еще больше заливаясь хохотом. Наверно так выходила все накопленная за последнее время напряженность. К психотерапевту тут не сходишь, чтобы он помог, не изобрели еще таких. Нервы лечатся исключительно друзьями, их поддержкой, заботой, и добрым беззлобным смехом.

— Ладно, слушайте меня внимательно. — Заговорил Чащун, когда наконец смолк последний смешок. — План будет такой...

— Как же так? — Воевода удивлено посмотрел на стоящего слева, от нашего героя, Бера, словно ища у того поддержки, скользнул взглядом по невозмутимому лицу Федограна и остановился на оборотне.

— Он сам толком ничего не может объяснить. Говорит только, что надо. — Пожал плечами Вул.

— Я правда не знаю ничего, кроме того, что Чащун с Ягирой попросили меня помочь им в Синих Скалах. Они даже толком не объяснили на кого будем охотиться. Какой-то то ли тигр, то ли свихнувшийся медведь, не знаю. Сказали только, что оборотень, и поймать его надо непременно, пока бед не натворил. Вон, даже шишка с собой забрали, подготовить что-то там надо. Какие-то то ли путы, то ли сети. Не пытай меня, Митрох, сам ничего не понимаю.

— Он и нас собой не берет. — Пробурчал Бер обиженно.

— Ну хватит уже, медведь. Ты мне уже всю душу своим нытьем вынул. Вы с Вулом с дружиной пойдете, ваша помощь там сейчас нужнее. Я догоню потом. Чащун обещал, что мы быстро управимся.

Воевода вздохнул и развернулся, махнув рукой.

— Делай как знаешь. Если надо, то надо. Постарайся только вернуться вовремя. Твой меч в сече нужен будет. Сила идет огромная, и у нас каждый воин на счету. Вон, всех мужиков в строй ставим. Город беззащитным оставляем. Только на бога-Авось и надеемся. — Он снова вздохнул — Верим, что за это время супостат никакой не заявится, и смертушку тут не учинит. — Добавил он, с горечью выдохнув слова и, рассматривая площадь перед теремом.

Угрюмые мужики, плачущие жены и суetyающиеся под ногами, неугомонные дети. Все перемешалось в гудящей, взволнованной толпе перед воеводским крыльцом. Пришла беда в их землю. Кто как не они, встанут на защиту. Дружина — это конечно хорошо, но недостаточно, чтобы одолеть супостата. Все поднялись. Даже бабы за вилы схватились. Сейчас любая помощь мужикам нужна. За своих деток, за свои дома, они костыми лягут, но не допустят разора. Кругом угрюмые, сосредоточенные лица, идущих на смерть людей.

Вон седой как лунь дед Гостомысл, костылем на десятника замахивается, кричит, с собой взять требует, орет беззубым ртом, что он еще крепок, и готов в строю постоять с сынами своими. Пусть только орясина эта — десятник посмеет его с собой не взять, он об него этот самый костыль и ломает.

Ван бабка Фекла, знаменитая на весь город стряпуха, у которой самые вкусные пироги на всю округу, тряся пышными телесами тычет пухлым кулачком в арбузное пузо хозяина харчевни, пытающегося надеть на себя кольчугу, которая никак не хочет натягиваться на рыхлое тело. С собой взять требует. Доказывает, что никакая она не обуза, и что кашу варить будет, пока он ворога на поле брани изничтожать будет. Народ кормить надо вкусно и в походе.

А вон и кузнец наш знакомый, дочку свою любимую, невесту оборотня, Дану, ремнем домой гонит. Тоже воевать девка наострилась. Сейчас еще и сам Вул подключится, мозги суженой своей на место вставит.

И красавица Алина, тут же, рядом с отцом стоит, слезы по щекам размазывает. Елей ей что-то тихо объясняет. Видно, что отговаривает. Не бабье — это дело война. За нее есть кому копье в руках держать, отец на сечу идет, а он воин знатный. «Цыц, ешо мне!», гремит его рассерженный голос, прорываясь сквозь общий гомон и плачь.

У своей избы Щербатый на лавке сидит, и подслеповато шурясь какие-то травы перебирает. Рядом девчушка стоит в сиреневом сарафане, длинную русую косу за поясок-веревочку на талии засунула, чтобы не мешалась, да в глаза не лезла. Помогает волхву, травки, что тот сортирует, в мешочки холщевые пакует, да в рюкзак заплечный укладывает. К походу лекаря готовит.

Только детворе все нипочём. Этим «оторви-головам» все в новинку, все весело. Вон там в углу у конюшни собрались, шушукуются, заговорщически на воеводу поглядывают, тоже по-тихому сорваться из города на войну хотят. Сейчас им мамки на задницах свое одобрение нарисуют, а отцы резолюцию наложат, неодобрительную.

— Может с тобой все же? Вместе-то оно сподручнее. — На плечо Федора легла огромная ладонь медведя.

— Нельзя брат. Чащун велел мне одному явиться. — Богатырь говорил нарочито громким голосом, чтобы его услышало как можно больше народа. — Это не на долго я, догоню вас скоро. Поймаем ту зверюгу и догоню. Даже соскучиться не успеете.

Вот так вот целый день, с утра, как только он вернулся в город, так и отбивается от друзей, отказываясь их брать с собой. Делает это громко. Выбирает самые людные места. Тайный враг должен увидеть, что он будет один, без поддержки, будет наиболее уязвим без друзей. Что его можно перехватить и убить, по дороге, пока он еще не встретился с Чащуном и Ягирой. Приспешник Чернобога уже должен начать действовать, и послать своему хозяину весть. Теперь же его будет ждать неприятный сюрприз. Федор не поедет на охоту, а отправится с дружиной. Враг просто обязан засуетится и выдать в спешке себя.

Шишок будет приглядывать, он уже должен быть где-то тут. Этот проныра соскочил с плеча, еще не доезжая до ворот и нырнул в какую-то нору. Пока все идет по плану. Все как договаривались. Как только дружина в поход отправится, так и он, о своем решении с ней идти объявит. Пусть Чернобоговский шпион засуетится, заволнуется, ошибку сделает. У них все готово.

Глава 7 Не знаю кто

Туман стелился тонким рваным покрывалом белых хаотично разбросанных перьев по зеленому лугу. Он клубился по земле словно по застывшей, в ожидании предстоящих кровавых событий, неровной, изъеденной кротовыми норами, как оспинами на лице, поверхностью судьбы.

Огромное оранжевое солнце выкатывалось из-за багрового горизонта, пылающей горой разгоняя ночь и наваливаясь на пространство знойным кровавым утром, медленно разгоняя белесый туман, и готовясь записывать новую, кровавую, главу в древние легенды этого мира.

Тихие, еле слышимые разговоры ратников, сливались в тягучий гул затаившегося в ожидании улья. Всхрапы лошадей. Короткие звучные команды воевод и десятников, как щелчки плети, изредка тревожащие слух. Ожидание смерти страшнее чем сама смерть. Нервы напряжены как перетянутые струны, и скоро лопнут взрывным криком: «Гойда», срывая воинов в яростную атаку, сливаясь с хриплыми стонами умирающих бойцов. Осталось совсем недолго ждать.

Впереди река Смородина. Когда-то полноводная, воспетая в былинах, названная так из-за кровавой сечи, произошедшей на ее берегах в далеком — забытом прошлом, в честь своей тезки — сестры из мира Нави, которая преграждает путь умершему в царство Морены. Теперь этот почти полностью высохший ручеек, ничтожный остаток былого могущества, чахлая ниточка умирающей воды, в поросшем травой овраге, вновь заживет бурной жизнью. Совсем скоро, он наполнится кровью до самых краев, напоит болью свое пересохшее горло, и станет похож наконец на свою старшую родственницу из-за кромки, полноводную реку смерти.

Справа и сзади, темный еловый лес, черной полу-подковой охватывает поле, на котором замерла княжеская дружина. Слева тот самый овраг Смородины, а прямо, на сколько хватает глаз, ровный, укрытый пуховым одеялом колышущейся морскими волнами, искрящейся изумрудными искрами восходящего солнца травы, луг.

Тягучая. Гнетущая тишина ожидания, даже птицы смолкли, проникнувшись мрачным настроением всего окружающего пространства. Кузнечики, и те, попрятались в страхе в траве, перестав стрекотать зелеными крыльшками.

Они выплывали, колыхаясь размытыми силуэтами в мареве восхода, из-за горизонта, постепенно заполняя чернотой, как разлитыми на столе чернилами, утреннее пространство. Много, очень много, темных, дымящихся злобой, фигур, гремящих железом и пахнущих потом, медленно, но неукротимо приближались, к застывшим в ожидании ратникам. Стая ворон закрывала, наползающей грозовой тучей, солнце, принося в мир сумрак.

Воины Чернобога подошли на расстояние полета стрелы и остановились, лязгнув последний раз оружием, словно поставив точку. Молчаливая, угрюмая стена, готовая убивать застыла напротив княжеской дружины.

На вороном, жеребце, красующимся лоснящейся чистотой и заплетенной в косу гривой, струящейся по ухоженной шкуре, от строя противника отделился воин. Неторопливо подняв копьё, с повязанным на стальном наконечнике, белым шарфом, символом мира. Он неторопливо двинулся в сторону стоящего напротив него войска.

Черные, полированные доспехи покрывали панцирем огромное сильное, тело, с плеч спадала на заднюю луку седла белоснежная, пятнистая шкура снежного барса, а из-под

приподнятого забрала шлема сверкали уверенные в себе, жесткие, ухмыляющиеся глаза. Он остановился напротив, и провел взглядом, по затихшему в ожидании строю.

— В ваших, и в наших традициях, есть обычай. — Заговорил он глухим голосом с каркающим иноземным акцентом. — Перед боем, богатыри противников сходятся в поединке. — Он вновь провел пронзительным взглядом, словно заглянув каждому стоящему напротив воину в душу. — Я, Рогнир, лучший из нашего войска поединщик, вызываю на бой вашего богатыря. Есть ли среди вас достойный мне соперник? — Он замолчал, и снял с головы шлем. Белые, длинные волосы рассыпались по плечам, обрамив хищное скуластое улыбающееся лицо, с жесткими голубыми глазами. — Слышал я, что кто-то у вас хвастался, что победил самого Баш Челика. Хотелось бы посмотреть на этого вруна. — Он рассмеялся, повернувшись к своим воинам, и там его поддержали дружным ехидным смехом, сопровождаемым обидными замечаниями. — Покажись герой. Не прячься за спины. Или боишься?

Сквозь строй, мимо расступающихся, возмущенно-недовольных такими дерзкими словами воинов княжеской дружины, выехал на Чепраке Федогран. Теперь его не узнал бы и собственный отец. Это уже не тот сутулый, хлипкий юноша, которым он был раньше.

Широкоплечий, гордо и уверенно сидящий в седле боевого коня, воин, держащий на изгибе руки остроконечный шлем, со стекающей по локтю плетеной кольчужной бармицей. Голубые, с блеском нескгибаемой воли глаза, смотрели, словно два стальных клинка в лицо врага, с какой-то, совсем не отвечающей юному возрасту старческой, мудрой грустью.

Черные как смоль волосы, перетянутые на лбу бечевой, с седой прядью, вестницей пережитой боли, на покрытом бронзовым загаром лице, с еще юношеской, но уже вполне сформировавшейся бородой и усами.

Кольца стальной кольчуги, подчеркивали воинственный вид молодого мужчины, спадая по бокам коня и соединяясь с укрытыми поножами ногами в черных сапогах с металлическими пластинами защиты. В руке, в полированном наручи, длинное копье с черным древком и стеклянным наконечником, в котором хищно поблескивает красными глазами, когда-то поклявшийся вернуть долг Коломрак, черный дух — служитель смерти. Красный щит словно застывшая капля крови висит за спиной, и грозно предупреждает девизом: «Пойду до конца»

Но я наверно слишком поторопился, дорогой мой читатель, и пропустил в своем повествовании, одно из не менее важных событий, чем предстоящий поединок. Поэтому ненадолго вернусь назад, в город Новгор. В то время, когда собранная, воеводская дружина выходила из ворот крепости.

— Подожди! — Воскликнул Федогран, и пришпорив Чепрака, галопом приблизился к Митроху, ловко осадив жеребца напротив главы города. — Я с вами.

— А как же охота? — Удивленно вскинул тот глаза. — Чашун разозлится, за такое отношение. Старый колдун не любит, когда его указы не исполняют.

— А. — Махнул рукой беззаботно наш герой, и оглянулся, внимательно пробежав взглядом по собравшейся толпе провожающих дружину людей, и не найдя ничего необычного, с легкой, едва заметной досадой в голосе продолжил. — Подождет эта неведомая зверюшка моего возвращения. Не растает. Может вообще случиться так, что ее злым нравом будет уже заниматься наш враг, а мы дружно к Калиновому мосту в это

время пойдём. Сейчас важнее будет мое присутствие с вами в предстоящей сече. Колдун поймет. Он не дурак.

— Ну как знаешь. — Пожал плечами воевода. — Я такому решению только рад, мне каждый меч дорог, а уж такой как ты, тем более.

— А уж как я рад. — В плече Федора врезался кулак Бера. — Мы потом, вместе, на охоту поедём. Плечом к плечу. — Улыбнулся тот счастливой улыбкой.

— Негоже так-то было. — Недовольно пробурчал подъехавший Вул. — Не по-братски. Неразлучны мы должны быть. Так богами угодно.

— Ты, Федогран, в терем мой вернись. — Обернулся Митрох, отвлекшись от руководства, гомонящей толпой, выходящей за ворота. — Там в покоях, на стене, щит висит, красный такой. Увидишь. Попробуй взять его себе. Он мне от предков достался. По легенде, там заточен тот, кого нет. В сказке говорится, что: «Помощник незаменимый он будет тому, кто его буйный дух укротить сможет». Только вот до тех пор, пока это не произошло, он в руки не даётся никому. Ни я ни мои предки, не смогли его обуздать, да и, честно говоря, побаиваюсь я с таким связываться. С людьми, или духами — это запросто. А с тем, кого нет, тут уж увольте. Может у тебя получится, ты богами отмечен. Попробуй удачу.

В покоях воеводы было непривычно тихо и пусто. Федогран неторопливо прошёл вдоль стен, рассматривая развешенное оружие и остановился у искомого щита, довольно большого, миндалевидной формы, называемой в народе: «Капелька». Удобного, как и для конного, так и пешего боя.

Мореный дуб, обтянутый жесткой, дубленой кожей ярко красного цвета, окованный по кромке черной, с синим отливом, бронзовой полосой, шириной в ладонь, посередине острый костяной шип, торчащий из пасти золотой, скрученной для броска, эмблемы-змеи. Сверху, фосфатирующий синими отблеском, вдавленный в поверхность, глубокий, выведенный замысловатой вязью, девиз: «Иду до конца».

Федор протянул руку и попытался его снять со стены. Щит даже не шелохнулся.

— Прибит что ли. — Пробормотал озадаченно, себе под нос, наш герой. — Надо чем-то его подцепить. — Он оглянулся в поисках подходящего предмета, пробежав глазами по развешенному оружию.

— Вот дурачок. — Прозвучал смешком, непонятно от куда, тоненький писклявый голос. Федор вновь оглядел все вокруг, но никого не обнаружил.

— Ты где прячешься? Покажись. — Доброжелательно произнес он. — Обещаю не трону.

— Точно дурачок. Как же я тебе покажусь, если я никто? — Вновь зазвучало из неоткуда.

— Это ты, что ли со мной разговариваешь? — Догадался парень и посмотрел на щит.

— Нет, дурачок, оружие не умеет говорить. — Ответил ехидный смех.

— Понятно. — Улыбнулся Федогран и отодвинув от стены со скрипом лавку, сел напротив. — Значит говоришь: «Никто».

— Ага. — Засмеялось пространство.

— А в руки никому не даешься из вредности? — Сощурился парень.

— Ага. — Ответил ехидный голос.

— И не скучно вот так тут висеть?

— Нууу... — Задумался голос. — Немного скучно, конечно. Солнышко увидеть хочется. — Мечтательно продолжил он. — Небо, травку. — Но внезапно осекся, и зло

выпалил. — Зубы мне не заговаривай. Все равно в руки не дамся.

— Из вредности?

— При чем тут вредность? Со мной дружить только тот сможет, кто задание исполнит. А без дружбы я служить не согласен, да и боги мне такое условие поставили.

— Что же это у тебя за задание такое, что его никто выполнить не может? — Усмехнулся Федогран.

— Невыполнимое. — Торжественно, с ноткой превосходства и налета грусти произнес голос, и замолчал, а потом, словно опомнившись с надеждой выпалил скороговоркой. — Может возьмёшься...? А?

— Надо подумать. — Парень изобразил сомнение, подумал, нахмутив лоб, и хитро сощурившись, махнул рукой соглашаясь. — Ладно... Что с тобой делать. Говори.

— Пойди туда, не зная куда. Найди того не зная кого. — Выпалил радостной скороговоркой щит, а потом сменил настроение, и грустно спросил. — Справишься?

— Сложно. — Задумался наш герой, изобразив на лице сомнение. Если бы случилось чудо, и его в этот момент его увидел Станиславский, то знаменитая фраза: «Не верю», прозвучала бы на сорок тысяч лет раньше положенного срока.

— Попробуй. — Взмолился голос, и всхлипнул несуществующими слезами.

— Что? Надоело тут висеть?

— А ты попробуй. — Зло каркнул тот с обидой. — Пару сотен лет поизображай из себя вредного недотрогу, медленно покрываясь пылью, тогда и поговорим.

— Нууу... — Протянул наш герой. — Одну часть задания я уже выполнил.

— Это какую? — Удивился голос.

— Вот ответь мне на такой вопрос. — Федор с улыбкой посмотрел на щит. — Ты кто?

Сразу ответа не последовало, видимо где-то там в глубине задумались.

— Не знаю, не разу себя не видел. А причем тут это.

— Вот я и нашел того, не знаю кого. — Рассмеялся Федор и ткнул в щит пальцем. — Тебя!

Ответом ему был взрыв радостного писклявого хохота, последовавшего сразу за недолгой молчаливой задумчивостью:

— Столько веков не могли до такого догадаться. Лбы морщили, мудрецов звали, а этот паренек пришел и все решил, даже затылок для важности не почесал. И ведь все так просто, прямо на поверхности лежит... — Он внезапно прервался и грустно добавил. — Жалко с тобой расставаться.

— Это почему расставаться? — Не понял Федор, округлив удивленные глаза, я никуда без тебя не собираюсь уходить.

— Тебе придется до конца жизни идти туда, не зная куда. — Вздохнул собеседник. — Задача невыполнимая, из-за своей абсурдности.

— Вот мне больше делать нечего, чем шляться, где не попадя. — Усмехнулся Федор и встал.

— Ты решил отказаться? — Вздохнул огорченным голосом щит, и в его интонации было больше ноток утверждения чем вопроса.

— Зачем. Я уже пришел. — Хмыкнул парень.

— Как так? — Буркнул удивленно тот.

— Я из другого мира. — Пожал плечами Федогран. — Занесен сюда силой двух сумасшедших колдунов, и до сих пор не знаю, где нахожусь. То ли это далекое прошлое моей

родины, то ли параллельная реальность, то ли вообще другая вселенная. То есть я попал туда, не знаю куда, и как раз туда, куда надо. Так что все условия твоего задания выполнены. Можешь слезать со стены.

После его слов, прямо в помещении, поднялся ветер. Закрутившись легким вьюном по полу, и прокатился до кресла, в котором обычно сидел воевода, завертелся там протуберанцем, и сгустился, образовав сидящего полупрозрачного паренька.

— Что, не узнаешь? — Зашуршал тот перекатывающимся листьями по асфальтированной дорожке в городском саду, и его длинные, бесцветные волосы развились от несуществующего порыва ветра, а умные, насмешливые, прозрачные глаза, посмотрели внимательно на Федора. — Я Стрибог — бог воздушной стихии, хозяин духа заключенного в этом предмете воинской славы. — Воздушный палец, дуновением тумана, указал на щит.

— Ты исполнил все условия такого задания, которое никто даже не брался выполнять до тебя. Ты достоин награды. — Продолжил голос запахом весеннего, цветущего луга. — Он отныне, и до конца жизни, твой. Он будет помощником в бою, не позволяя вражескому железу ранить тело своего нового хозяина. Владей и помни веселого бога стихии.

Вновь закружился каруселью ветер, втянув в себя полупрозрачную фигуру юноши, и понесся по полу в сторону двери, но внезапно остановился напротив, и невидимая рука хлопнула по плечу. — Молодец, прозвучал воздух и засмеявшись выскочил вон из терема.

Вот таким вот образом и появился у нашего героя, дорогой мой читатель, этот волшебный, красный щит, выглядывающий у него из-за плеча.

Дальше был поход до столицы княжества. Общий сбор дружины, и нудный, долгий путь к реке Смородине, выбранной для главного сражения. Но это все рутинная, обыденность каждого воинского похода, и вряд ли будет интересна. Лучше сразу перенесемся на поле боя, в самое начало будущего кровавого действия.

Итак:

— Ты говоришь, словно ребенок выпрашивающий сладкий леденец у мамки. И не стоит оглядываться на воинов, стоящих у тебя за спиной. Они не помогут избежать схватки. Лучше обговорим условия и приступим. — Федор говорил неторопливо, четко выговаривая каждое слово, словно вбивая их в уши врага.

— Условия одно, щенок. Бой без правил до смерти. Твоей смерти. — Стоящий напротив воин злобно сплюнул и надел шлем, гулко захлопнув забрало. — Помолись своему Перуну, напоследок. — Донесся его глухой голос, и он отъехал назад, развернув всхрапывающего в нетерпении коня, для разгона и копейной сшибки.

— Ну вот и поговорили. — Улыбнулся Федогран и надел свой шлем, закрывший голову и переносицу полированной сталью. Он так же, как противник отъехал немного назад, и погладив Чепрака между ушей кольчужной перчаткой, перекинул, полыхнувший кровью в восходящем солнце щит, себе на грудь.

— Перун с тобой, богатырь. Вся дружина смотрит на тебя. — Прозвучал голос князя за спиной, поддержанный дружным ревом всей армии.

— Гойда! — Воскликнул хор грубых голос и смолк, в одночасье в звенящей тишине.

Потекли самые тяжелые минуты, пробегая по нервам мелкой дрожью нетерпения. Это потом будет бесшабашная удаля, подкормленная плещущимся адреналином разудалого боя, а пока битва взглядов. Глаза в глаза. Ненависть в ненависть. Никто не отступит.

Негромкое похрапывание лошадей, медленно опускающиеся жала копий. Приподнятые

на уровень подбородка щиты и замершие в стременах ноги, готовые вот-вот пришпорить бока вздрагивающих нервами боевых товарищей. Не хватает последней капли, чтобы два богатыря бросились друг на друга и сошлись в смертельном поединке.

Чей-то нервный кашель, прозвучал словно выстрел в тишине. И два черных урагана, ринулись навстречу друг другу, пригнувшись к крупам лошадей, привстав в стременах и выставив перед собой тяжелые копья. Бой начался, с первого грохота удара сталь в сталь.

Глава 8 На реке Смородине

Грохота было много, а результата никакого. Копье противника, скользнув по щиту прошло над плечом, даже не оцарапав, и собственный наконечник, также ушел в пустоту, высоко над головой, отраженный защитой, не причинив никакого урона. Хрипящие кони пролетели, скользнув потными боками друг друга, и попытались укусить противника, но все так же безрезультатно. Нервный вздох двух, стоящих, шеренг противоборствующих армий, вспыхнул криками нервов и стих, растворившись в пространстве.

Равные по силе противники сошлись в смертельной схватке посреди ратного поля, теперь победит тот, кто выдержит, кто не дрогнет, кто не сделает в спешке даже малейшей ошибки. Они разъехались в разные стороны, развернули хрипящих от нетерпения коней, подняв оружие.

— А ты хорош! — Глухо прозвучали из-под забрала, со стороны врага, одобрительные слова. — Это будет славная драка. Мне будет очень интересно тебя убить.

— И ты достойный соперник. Очень жаль, что такой славный воин выбрал сторону Бога Лжи. — Ответил хмурый Федогран.

— Много слов. Лучше продолжим поединок. — Древяно опустилось и нацелилось в грудь нашего героя, блеснув на солнце хищным жалом.

— У него «Щит обмана». — Произнес обеспокоенно стеклянный наконечник копья Федограна, сверкнув красными, злобными глазами, засевшего там Коломрака. И увидев, что его не поняли, пояснил. — Я прохожу сквозь щит словно сквозь кусок топленого масла, это легко, но он искажает удар. Ты целишься в голову, и я бью туда же, но на выходе, заблудившись в тумане лжи, пролетаю на много выше. Попробуй направить меня вниз, под самый срез защиты. Так должно получится попасть в голову. Только постарайся попасть поточнее, точно по центру.

— У меня тоже проблемы. — Пробурчал недовольным голосом Никто. — Его копьё нематериально, ни сталь, ни дерево, а уж тем более кожа, для него не преграда. Оружие бьет в самую сущность, прямо в душу, ни касаясь физического тела. Погибнуть от такого — это страшнее, чем просто умереть, это значит полностью развоплотиться. Я, сейчас, оттолкнул наконечник в сторону, но это было очень трудно сделать. Будь осторожен в следующий раз, могу и пропустить удар.

Федогран кивнул соглашаясь. Сейчас необходимо особенно сильно сконцентрироваться. Любой просчет приведет к неминуемой гибели. Он, раздал указания своим помощникам, строго — на строго определив кому, что и когда делать, погладил голову коня, успокаивая его неумный пыл и стремление немедленно сорваться в атаку, прикрыл тело, сместив щит немного вправо, намеренно оставив левую сторону более незащищённой, и опустив копьё дал шпоры, пригнувшись к крупу лошади и привстав на стременах.

На встречу ему уже летел, на хрипящей черной смерти, закованный в сталь, противник. Сквозь щель забрала были видны его улыбающиеся глаза. Еще бы: «Этот возомнивший себя воином юнец, сделал самую распространенную ошибку новичка: прикрыл себя со стороны противника, и не позаботился о противоположной. Он будет жестоко наказан за это. Главное не спешить. До конца целить ему в грудь, и в только в самый последний момент, за мгновение до столкновения, перевести копьё туда, куда надо. Потом стоять над этим корчащимся на земле от боли щенком, и смеяться. Что может быть прекраснее чем

предсмертные муки врага? За себя можно не переживать. Щит, дар Чернобога, сделает свое дело, уведёт, как всегда, оружие в сторону. Воин нового бога непобедим. Он выбрал правильную сторону. Он всегда побеждает».

Федогран сосредоточился. Он нацелил наконечник копья в голову противника, летел на встречу, пришпоривая четвероного друга, и шепча одними губами:

— Только не подведите ребяташки, мы должны все сделать одновременно. Он до последнего мгновения не должен догадаться о наших планах. Как только я выкрикну: «Раз!», действуйте. Вся надежда на ваши умения и скорость.

Все как в замедленной съемке. Медленно, словно прорывая сгустившийся кисель воздуха, взлетают копыта, покрытого пеной, хрипящего красной пастью коня соперника. Его черное копьё неторопливо начинает отклоняться в левую сторону, а из-под забрала раздаётся победоносный, словно из придержанной пальцами шутника, виниловой пластинки, заторможенный хохот.

— Раз!

Полыхнули красным гневом, в стеклянном наконечнике, глаза Коломрака, и в то же мгновение мир взорвался бешеной скоростью. Федогран, отклонился слегка влево, а невидимые руки Никто ткнули устремленное в незащищенный бок копьё противника, отбросив его в сторону и заставив черного рыцаря развернуться вправо, Оружие парня нырнуло вниз, под самый срез вражеского щита, и вышло, исказившись, точно напротив забрала. Дух смерти не оплошал, и выплеснул весь свой гнев, прорывая металл насквозь, вместе с черепом.

Грохот метала и предсмертный крик падающего на землю соперника сообщил о победе. Чепрак пролетел дальше, в полной тишине, мимо застывших друг напротив друга, в шоке от увиденного войск, неся в седле поднимающего окровавленное копьё Федограна.

Развернувшийся, управляемый одними ногами, взмыленный Чепрак, подъехал к мертвому телу, и остановившись, нависнув над ним черной горой, заржал, радуясь победе. Федор ловко спрыгнул, и привязав к ноге рыцаря длинную веревку, вновь взлетел в седло, не коснувшись стремян.

Всадник галопом пронесся вдоль княжеского войска, волоча за собой непобедимого до этого момента рыцаря, болтающегося на привязи, под победные крики дружины, и рев отчаяния со стороны строя противника. Это была безоговорочная победа, но впереди еще основное сражение, и оно не будет легким. Река смородина надолго запомнит эту битву.

Федогран, с друзьями занял место, в конном строю, с левого фланга, сзади тройной шеренги пеших воинов и нахмурился, недовольный столь простым, незамысловатым построением княжеского войска. Все на виду, никаких сюрпризов не предусмотрено. Может Сослав и, хороший руководитель, и воин, но как полководец, оставляет желать лучшего. Нельзя так откровенно выставлять все на показ. Не хватает ему хитринки. Враг коварен и добром это не закончится. Нельзя полагаться только на силу, тем более что и ее недостаточно.

Рядом, оглядываясь, и улыбался счастливой улыбкой «до ушей», Бер. Медведю за счастье любая драка, вот уж у кого чувство страха напрочь отсутствует. Наверно отец ему его вожжами выбил, еще в раннем детстве, но вот чего не получилось у него выколотить из сына, так это веселый нрав, и бесшабашную удаль.

Вул, в отличие от того, угрюмо всматривается в даль. Для него любое сражение это, в

первую очередь, привычная работа. Оборотень провел, за свои без малого сто пятьдесят лет существования, на этом свете, в боях больше, чем прожил наш с вами герой. Он знал, что это такое: «Хоронить друзей», и потому не любил войну, в любом ее виде, но он был воином, и стоять в стороне, тем более, когда дерутся друзья не мог.

На плече взлетел, суетливый шишок. От куда он тут появился, кода должен быть в данный момент в Новгоре, непонятно, но в данный момент это выяснять было некогда. Этот, бесшабашный кромочник воспринимал, все происходящее как некую игру, в которую попал из обыденной, надоевшей до скуки жизни, наконец изменившийся, после встречи с этой неугомонной тройкой, вечно влезающей в смертельные неприятности. Он был доволен и нетерпелив, как всегда.

Нестройные шеренги неприятеля молча двинулись вперед, подняв облако пыли. Не было каких-то сложных построений, типа «фаланги», или «черепахи», они просто шли темной грохочущей железом полосой. Приближались медленно, но неумолимо. Вот уже отчетливо видны их искаженные яростью лица. Вот уже запах пота и кожаных доспехов наполнили воздух. Не доходя пяти шагов строй встал на месте, сверля ненавидящими глазами противника. Хриплое дыхание разгоряченных нервов, и бурлящей лавы наполненной адреналином крови, застывших друг против друга воинов наполнило пространство. Такое невозможно описать, такое можно только осязать, это чувствуется кожей, и только в такие вот мгновения.

Команда: «Бей!» и ответное: «Гойда!», прозвучали практически одновременно, как хлесткий выстрел разорвав пространство, наполнив его грохотом скрестившейся стали и запахом первой пролитой крови. Битва началась, сразу, и одновременно по всей черте, разделяющей противоборствующие стороны.

Противник давил по всей линии, но войска князя не отступали. Ни та ни другая сторона не задействовала резервов, выжидая подходящий момент. Неожиданно, середина вражеского строя словно провалилась, резко отступив назад. Воодушевлённые этим обстоятельством дружественные бойцы бросились в еще более яростную атаку, даже не подозревая, что попались в ловушку. С флангов ударила с двух сторон конница, и моментально смяв атакующих, прорвалась сквозь хлипкий заслон за спины основному строю.

В образовавшуюся брешь вломились пешие порядки вражеского войска, расширяя прорыв и сея панику и смуту в стройные ряды защитников. Еще немного и войско князя побежит.

— Гойда! — Взревел Ермох, командовавший сотней, в которой состояли наши названные братья и повел конную лаву, в самоубийственную атаку, на сильно превосходящие по численности силы врага.

Пусть не разбить, так хотя бы остановить, или на худой конец задержать, дать время князю на перестроение и подтягивание резерва. Грохот врезающегося во фланг врага конного строя. Треск ломающихся копий и человеческих костей под копытами тяжелых боевых коней. Сливающийся в какофонии дикий хор победных криков, предсмертных воплей и ржания лошадей. Взлетающие в верх, искрящиеся на солнце рубинами смерти, фонтаны брызг крови, вперемишку с потом и внутренностями. Страшная картина рукопашного боя. К такому привыкнуть невозможно.

Федогран первым врезался во врага, смяв сразу троих пеших воинов, и оставив копьё, с жадным до чужой смерти Коломраком мечущимся в наконечнике, в труп четвертого. Дорогу ему преградил разворачивающийся всадник.

Уклонившись от летящего в голову с разворота, топора, пригнувшись к крупу лошади, наш герой ткнул мечом в открывшуюся подмышку противника, и тут же услышал над ухом лязг железа. Это Бер подстраховал брата, приняв на свой меч клинок уже другого соперника, опускающего смертельную сталь на шею нашего парня.

Илька тут же прыгнул вверх, перебежав по руке, и вцепился зубами в нос этого же воина. Он уперся в щеки руками и ногами, и принялся оттягивать, пытаясь оторвать нос от лица, из-за чего, орущий от боли воин потерял концентрацию, а уже подоспевший на выручку Вул добил его легким движением вспоров сталью шею в районе незащищенного затылка.

Обрызганный вражеской кровью, недовольный то ли тем, что у него отобрали добычу, то ли тем, что залили кровью шкурку, шишок, погрозил оборотню кулаком и прыгнул куда-то в самую гущу орущей, махающей оружием и кулаками толпу, в самую гущу сражения.

В щит Федограна воткнулось копьё, но с характерным звуком плевка вылетело обратно, а изнутри раздался довольный смех Никто.

— Вот она настоящая жизнь! Как я по всему этому соскучился. Вперед славный воин. Напои вражеской кровью свой меч, ему это надо. Славься Стрибог. Славься Перун. — и запел грозным, хриплым, торжественным басом, боевой гимн подбадривая в кровавой сече воинов:

— Перуне, Отче наш! Гремят во Сварге Синею твой Меч и Щит. Мы, верные дети Твои слышим Силу Твою несказанную, Силу Праведную, Родом данную, в Коле Жизни Ты лад оберегаешь, род Родичей и нас православных всегда защищаешь. Защити души наши Святыми Перуницами, а тела наши — Огненными Громницами, пусть они нас не трогают, а врагов отгоняют. Горит в душах наших Огонь Сварожий, Огонь Веры Праведной, Святой Божий. Посему с Тобой мы всегда едины, в Триглаве Великом объединены, прибудь к нам на призыв наш! Слава Перуну!

В этот момент, с другого фланга, в нестройные ряды прорвавшихся воинов Чернобога, врезала другая конная сотня, под руководством самого князя. Сминая и кроша противника, она словно каток прошла по врагу, оставляя за собой трупы. Вот она вроде уже победа, не за горами, уже виден ее светлый край. Но чем ближе ее вкус, тем страшнее разочарование.

Увлечшись боем, Перуново войско не заметило выкатившуюся из леса, с правого фланга, черную конницу, уже набравшую разгон для кровавой сшибки. Открытый, незащищенный правый край дружины дрогнул, не выдержав двойного удара. Впереди на него давил пеший враг, а с боку врезался конный.

Тоненьким, трусливым ручейком потек за спину, в сторону спасительного леса, прочь от княжеского войска тот, кто не выдержал, у кого сдали нервы, не столько мешая своим отступлением сражающимся, сколько сея панику. Но не все поддались, и спраздновали труса, остальные встали насмерть — стеной.

Успех всего сражения повис на волоске. Скованная боем княжеская конница не могла прийти на помощь правому флангу, который под напором врага смешался в кровавой сече, в шевелящуюся орущую и стонущую массу.

Сверкающее оружием и брызгающее кровью месиво сражающихся тел, все более и более сдвигалось к центру, оставляя за собой жуткий след из трупов, отсеченных конечностей, голов и кишок, рискуя окончательно обрушить фронт. Резервов больше нет. Подмоги ждать неоткуда.

— Парни! — Послышался крик сквозь гвалт сражения. Князь, вытирая текущую по лицу

кровь из рваной раны на лбу и махая мечем Федограну, привлек внимание. — Выручайте, у вас кони целые. Сбейте вражин с фланга, не удержаться там без сторонней помощи. Берите еще десяток с собой у кого лошади поцелее и атакуйте.

Федор кивнул в ответ и вывалился из боя, увлекая за собой названных братьев и еще семерых, примкнувших к нему всадников. Он успел по пути выхватить точащее в труп врага копьё, и теперь был полностью вооружен. Даже шишок, каким-то только ему понятным образом увидевший, что его друзья собрались в новую драку, выскочил весь окровавленный из-под горы трупов и заскочил на привычное ему правое плечо, где уселся довольный собой, свесив ноги.

Десяток Федора начал медленный разбег на взмыленных, и уже уставших лошадях, обходя полукругом, место схватки и заходя в правый фланг напирающего противника. Их мало, очень мало, для задуманного. Одна надежда на внезапность, и вложенную в последний, смертельный рывок, отчаянную ярость. Сил нет, стекающая из многочисленных ран кровь высасывает ее медленно, но беспощадно. Но надо. Необходимо собрать волю в кулак, и ударить так, чтобы это на долго запомнилось, чтоб бы даже упоминая о них в рассказах враг боялся, вздрагивая при каждом упоминании о славных воинах княжества Ураслав.

После сшибки, выбившей последние силы и дух из обессиленного тела, Федор очнулся под ногами, топчущихся по нему, сражающихся воинов. Он не помнил, как упал. Верный конь лежал рядом, и дико ржал, пытаясь копытом вытащить застрявшее в груди копьё, бешено вращая красными от боли глазами.

«Терпи брат. Я не смогу тебе сейчас помочь». — Подумал парень, поднимаясь на трясущихся ногах, опираясь на воткнутый в землю меч, каким-то чудом не выпавший из рук при потере сознания. «Терпи, осталось совсем чуть-чуть, и твой скотий бог Велес, примет тебя в свои чертоги. Может быть, мы даже встретимся с тобой, там за кромкой, и еще проскачем по утреннему лугу, сбивая с травы росу». Он улыбнулся и поднял меч.

— Гойда! — Разнесся его боевой клич над полем брани, и он кинулся в самую гущу битвы.

— Гойда! — Ответил ему хриплый голос Вула, откуда-то из середины сверкающих в драке мечей.

— Гойда парни! — Послышался яростный смех Бера, молотящего по головам врагов рукоятью обломка меча. — Плечом плечу! — Воскликнул он в последний раз, и упал пораженный в спину.

— Плечом к плечу брат. Мы скоро встретимся. — Прохрипел Вул втыкая клинок прямо в рот кричащего что-то противника.

— Плечом к плечу. — Федор взмахнул мечом, прорубая себе дорогу на помощь друзьям. — Мы навсегда вместе братья! Все для победы. Гойда!

Глава 9 Чернобог

Что чувствует человек, когда смерть нависает над ним, щурясь в лицо кровавым оскалом? Наверно каждый свое, и зависит это от обстоятельств? От того, что, или кто, окружает его в данный момент? Она может быть спокойной, и ласковой, провожающей уход в мир иной, в мягкой постели, с неперменным присутствием безутешных, рыдающих детей и родственников. Может прихватить на больничной койке, в суете мечущихся от осознания собственного бессилия врачей, разряжающих в уже мертвое тело дефибриллятор. Может скоропостижной, под колесами несущегося из-за поворота по встречной полосе, грузовика. А может быть и так, как у нашего с вами героя, посреди кровавой битвы. С улыбкой на губах. Когда нет больше никаких чувств, в шатающемся от ран и усталости теле, ничего кроме долга и ярости.

Бросившись в последнюю атаку, без всякой надежды избежать путешествия к Калиновому мосту, он хотел лишь двух вещей: убить как можно больше, и умереть рядом с братьями. Все остальные желания отсутствовали, дальше существовали одни инстинкты, вбитые в тело когда-то давно учителем — Яробудом, его жестокими тренировками, и бесконечными болезненными тумаками.

Прорубив узкий, кровавый коридор, полыхающим молниями и мраком мечем, от которого не существовало никакой защиты, в нестройной толпе мечущихся в схватке воинов лживого бога, он встал, прижавшись к спине Вула, и вступил в последнюю схватку.

На плечо взлетел, как всегда, взявшийся из неоткуда шишок, и отряхнувшись по-собачьи, кровавыми брызгами, злобно зашипел.

— Я рад, что сдохну в такой славной компании. С вами было весело, парни.

Отвечать ему никто не стал, и так все было понятно, без слов. Два брата, отражая атаки, и разя противника, медленно пробирались к павшему — третьему. Они жили вместе, сражались вместе, и умереть должны рядом.

Бер был жив. Оружие видимо пробило легкое, и хриплое дыхание пузырилось кровавой пеной на улыбающихся губах. Медведь пытался что-то сказать, но у него ничего не получалось.

— Терпи брат! Я иду к тебе! — Заорал Илька и спрыгнув с плеча Федограна, скрывшись на миг среди топчущихся ног, вновь появился уже на груди умирающего Бера. — Ну и рожа у тебя, брат. — Улыбнулся он ему сжав кулаки, выпрямился и прыгнул в гущу сражения. — Плечом к плечу! — Раздался его хриплый крик.

И тут, словно испугавшись маленького кромочника, и его кровожадного оскала мелких, острых зубов, враг дрогнул.

Прокатившийся нервный вздох, пробежал по рядам и первый из них, отпрыгнув суетливо в сторону, бросился прочь с места схватки. За ним тоненьким ручейком, быстро превратившимся в полноводную реку, помчались остальные. Толкаясь, сбивая друг друга с ног и ругаясь, они убегали с места боя, бросая раненых и мертвых.

Федогран оглянулся и сразу все понял. Из леса, молча, летела конная лава недавней банды Ящера. Впереди, на своей вечно недовольной рыси, пуская как паровоз клубы дыма, спешил, раздувшийся в боевой шар Чащун, а рядом на осле, размахивая посохом-кнутом, Ягира.

Уже спустя мгновение оба старых колдуна были около друзей. Бабка ловко спрыгнула,

прямо на ходу, со спины своего удивительного скакуна, и тут же склонилась над Бером.

— Потерпи сынок. Я сейчас помогу. Морена не будет тебя забирать, время еще не пришло, ты нужен ей здесь живым, даже Навьи, по ее приказу, к тебе не приближаются, и не тянут нити жизни из души. На-ка, вот, выпей. — Губы медведя раздвинуло горлышко кожаной фляги, и он, захлебываясь и кашляя, сделал глоток. — Ну вот и хорошо. — Улыбнулась ведьма. — Вот и замечательно. Скоро все пойдет, и боль, и кровоток. — Она положила сморщенную ладонь ему на окровавленный лоб и что-то еле слышно то ли зашептала, то ли запела, перебирая сухими губами слова.

— Ну что, остальные все целы. — Взволнованный Чашун стоял прямо на голове рыси и внимательно осматривал тяжело дышащих названных братьев, переводя взгляд с одного на другого.

— Я ранен. — Прохныкал, сидящий на трупе врага, шишок, состроив плаксивую рожицу. — Мне нос поцарапали.

— Во ведь скоморох. — Пробурчал в ответ дед. — Все тебе шутки. — Он попытался выглядеть серьезно, но не сдержался и улыбнулся.

— А это что, по-твоему, не серьезно? А если воспалится? Потом гангрена? Потребуется ампутация. Как я без носа жить буду? Чем дышать? Я задохнусь? Ты моей смерти хочешь?!

— Заткнись, балабол. Нашел время шутки шутить. — Дед спрыгнул с головы рыси, оставив там облако дыма. — Я серьезно спрашиваю, и не тебя.

— Как вы тут оказались? — Федор уже немного пришел в себя и наконец обрел возможность мыслить здраво, хотя его еще и била нервная дрожь выходящего из тела адреналина.

— Все потом. Сейчас не время для разговоров. Вражин побьем, тогда все расскажу... — Он вдруг резко оборвался на полуслове, и неестественно вытянув шею, словно голодный жираф за высокорастущими вкусными листьям, посмотрел за спину Федограна. — Это еще что?

Наш герой оглянулся, и готовый сорваться с его губ вопрос, так и остался незадаанным. Тридцать три воина, из бывшей банды ящера, гоняли врага, рубя спины и круша головы, по полю, а в небе, медленно разрывалось черной кляксой пространство, и оттуда выходил огромный рогатый бог с вороной на плече.

Красный плащ развивался в потоках втягиваемого, потоками урагана, воздуха, в провал иномирного пространства, унося туда же стекающие по нему капли крови. Пылающие гневом, из-под черного забрала шлема, глаза, клубились дымом доменной печи, и сверкали пробегающими в нем отблесками пламени. Они вселяли ужас, на всех, кто посмел, кто осмелился, поднять, на них взор.

Новый бог пришел в мир, нарушив все правила, и растоптав заветы создателя. Такого еще не было. Все традиции, все устои рушились, по одному лишь его желанию, его эгоистичной прихоти: «Стать единственным правителем этой реальности».

Огненное жало топора, на белесой, туманной рукояти, махнуло, оставив за собой протуберанцы пламени, и срезало сразу всех пришедших на выручку княжескому войску воинов, оставив на их месте только дымящиеся кучки пепла. Тридцать три неприкаянные души взлетели в небо, и зависли там облачками неопределенности, не понимая своего дальнейшего пути. Их не ждали в мире Нави, и убили в мире Яви, даже к кромке их не пустят, так как плоть уничтожена чуждым этому миру оружием. Остается только провал иномирья в небе. Но присягать чужому богу, и предать своих они не готовы.

Воспрянув духом, почти уже побежденное войско захватчика, быстро организовалось под руководством своего бога, и выстроившись стеной вновь пошло в атаку, на ошеломленных воинов Сослава.

— Князь ранен!!! — Пролетел над полем брани истерический крик кого-то из воинов, внося в души защитников панику.

Чашун упал на колени, окутавшись облаком дыма, и вознес руки к небу в мольбе:

— Перуне, Отче наш! Гремят во Сварге Синея твой Меч и Щит. Мы, верные дети Твои слышим Силу Твою несказанную, Силу Праведную, Родом данную, в Коле Жизни Ты лад оберегаешь, род Русичей и нас православных всегда защищаешь. Защити души наши Святыми Перуницами, а тела наши — Огненными Громницами, пусть они нас не трогают, а врагов отгоняют. Горит в душах наших Огонь Сварожий, Огонь Веры Праведной, Святой Божий Посему с Тобой мы всегда едины, в Триглаве Великом объединены, прибуди к нам на призыв наш! Слава Перуну! — Зазвучал набатом его голос.

Полыхнуло молниями небо и обрушилось в меч Федограна мощью Перуна. Заклубилась мраком земля и просыпалась в копые героя божественным песком Морены. Засвистел тучами урагана ветер залив дождем Стрибога щит парня, потянулись розовые лучи силы из травы и цветов, заживив раны и воскресив почти погибшего боевого коня богатыря любовью Лады.

— Вставайте братья! — Взлетел в седло Чепрака наш герой, и помчался, сорвав коня в галоп, вдоль растерянных воинов. — Боги с нами! Наши дома и семьи за вашими спинами! Умрем, но не пустим нечестивых сеять разор в наших городах и селениях. Не посрадим славу оружия нашего. С нами боги! Сотники! Строить войско в три шеренги. Впереди копейщики, сзади мечники, а крайними — ополчение с топорами. Князя в лес, чтобы ни один волос не упал с его головы.

Федор летел вдоль поднимающегося на ноги, собирающегося в новые шеренги войска, и хрипел команды срывающимся голосом. Он видел, как наливаются надеждой, и яростью глаза, как сила и дух наполняет тела, и в нем самом от этого поднималась вера в победу, он на правильной стороне, и не может проиграть.

Развернув коня к приближающемуся строю последователей Чернобога, он вскинул полыхнувший молниями и за клубившийся смертью меч в салюте, и привстав на стременах, поднял на дыбы Чепрака.

— Наша сила в правде, братья! — Воскликнул он, выплеснув в слова всю скопившуюся мощь. — Победа будет наша. Бей!!!

— Гойда!!! — Взревело неистовством войско, и бросилось, в след за пышущим яростью новым своим вождем — Федограном, в безумную атаку.

— Тебе, Перуну, молимся, чтобы избавил нас от вражеских грабежей! Ты гремишь над нами, и это сила Твоя воистину. Оплодотворяет поля наши, когда дожди с грозами проливаются на них. Ты Всадником скачешь на Белом коне и вздымаешь Меч в небесах, и рассекаешь облака, и гром гремит, и течёт вода живая на нас, и мы пьем её, как источник жизни божеской на земле.

Чашун запел басом, и к нему присоединилась, громко завывая, встав на колени, Ягира.

— Хлада Смерти исполненных. Мановением перста указуешь ты. Смерти Дева Мар: Луноликая. Прими же столь редкое. Прими драгоценное. Кровь живую, бурлящую. Кровь жизнью кипящую. Прими же Мара — Прекрасная, в жилы свои, кровью холодной наполненные, жизни напитков из жил смертного. Помоги человеку. За правдой пришедшему.

Помоги человеку. Покровительством мертвых. Хлада Смерти исполненных. Мановением перста, указуешь ты, смерти Дева, Мара Лунолика, на гиблых судьбою. Помоги человеку, покровительствуй силой божьей.

Гимн двух старых духов, тянущих руки в молитве к небесам, слился с ревом сорванных в крике глотах воинов, бегущего навстречу смерти.

— Гойда!

Вперед вражеского войска, растолкав строй, пнув огромными кованными сапогами, и зарубив пылающим огненным топором того, кто не успел отпрыгнуть в сторону, вышел сам бог лжи. Перекинул оружие из руки в руку и засмеялся, выплеснув из-под забрала сгусток мрака.

— Я думал за тобой гоняться придется по всему полю, а ты сам, муха навозная, ко мне спешишь. Давай, подходи поближе, я попотчую тебя топориком, а потом выпью душу.

Федогран, привстав в стремях, добавил скорости, вогнав до крови шпоры в бока коня, и полетел навстречу Лживому Богу, укрывшись щитом и выставив вперед, сверкающее безумными глазами разозленного Коломрака, копьё. Вот уже видны просвечивающие сквозь рогатый шлем, наполненные всепоглощающей пустотой глазницы. Вот топор взлетает вверх, заносясь огненным следом, для смертельного удара. Вот он уже стремглав летит в голову нашего героя.

Долей секунды проскакивает скоротечная схватка. Подставленный под удар топора, слегка склоненный в сторону щит, вскрикивает от боли раненого Никто, и вылетает из руки, вырванный могучей божественной силой. Он катится по траве, шипя, вылетающим из рваной кожаной обшивки, стоном и ветром Стрибога. Но наш герой этого не видит, ему не до этого, он метает как дротик, копьё в грудь врага, но сидящая у того на плече ворона, бросается на встречу, и принимает на себя смертельный удар, взрываясь перьями мрака, медленно оседающими на траву. Федогран, резко сворачивает в сторону, и проскакивает Чернобогу за спину, но тот успевает развернуться, и удивленно смотрит, сквозь металл шлема, вновь занося оружие для атаки.

— Ты действительно хорош. — Гремит глухой голос, в котором уже нет смеха. — Но я все равно убью тебя. Ты влез не в свое дело, червяк. Когда дерутся боги, смертному не стоит вмешиваться. Это для него всегда плохо заканчивается.

— Убей его. — Слышится тихий голос раненого Никто. — Этот бог, сам назначил себя вершителем судеб. Он недостойн жить. Освободи мир от напасти.

— Морена, выпусти меня из этого наконечника, я хочу драться. — Рычит из валяющегося на земле копыя Коломрак, скрипя от злости зубами.

Федогран вновь пришпоривает Чепрака. Нельзя останавливаться. Княжеское войско вот-вот схватится в решающей битве с противником. Надо отвлечь черного бога, не дать ему помочь своим воинам. Шита больше нет, надежда одна, на ловкость и скорость.

Топор пролетает в том месте, где только, что была голова парня, и меч, нашего героя бьет в грудь врага, но вспыхивает искрами молний и заревом пламени, столкнувшись с вернувшимся и отразившим атаку оружием черного бога. Вновь Чепрак пролетел рядом, едва не столкнувшись с противником взмыленным боком, и подняв в воздух комья земли, мгновенно разворачивается для новой атаки.

Снова бешеная скачка. Теперь пылающий топор пытается подрубить ноги лошади, но та прыгает словно беря высокий барьер, а меч Федора дотягивается самым кончиком до шлема Чернобога. С противным скрежетом, оставляя на божественном металле искрящуюся,

полыхающую молниями рубленую полосу, оружие, отброшенное чудовищной силой, вылетает из руки и кувыркнувшись в воздухе, врезается во вражеский строй, отрубив одному из воинов голову, а второму воткнувшись в грудь.

Федор резко разворачивает лошадь, и на всем скаку, подхватывает с земли, свесившись, как учил Яробуд, держась одними ногами, копьё. Но противника нет. Он сбежал, прыгнув в схлопывающийся провал чужой реальности. Испугался чужой бог смелости воина.

Не останавливаясь, сделав вновь головокружительный разворот, сверкающий красными глазами гнева, стеклянный наконечник, тут же полетел нацеленный твердой рукой богатыря, во вражеский строй.

Треск ломающихся щитов, копий и костей, кровавые брызги из разлетающихся от таранного удара враги. Строй прорван. В брешь уже влетает, оружий черным провалом рта с белоснежными зубами на красном от крови лице, Бер, он размахивает мечем как оглоблей, и вселяет ужас. Славно потрудилась бабка Ягира, быстро поставила парня в строй.

Следом молчаливый, сосредоточенный Вул. Точными, расчетливыми движениями, словно швея булавкой, он поражает противника, а у него на плече сидит шишок, и что-то орет, то ли подбадривая друга, то ли оскорбляя противника, в стоящем гвалте голосов не разобрать. Вот и он не выдерживает, рыбкой прыгает в гущу сражения. Нет, это уже не сражение. Это бойня. Воины князя идут как мясники, вырезая все, что шевелится, и не берут пленных. Недостоин жизни тот, кто убивал детей, насиловал жен и издевался над стариками. Даже смерть не смочит позор с их поганой души.

Когда солнце склонилось к закату, показав на прощание, довольную одержанной победой, улыбку Ярила, все было закончено. Трупы свалены кровавой, смердящей кучей, в иссохшее русло реки Смородины, сделав ее точной копией сестры близняшки из царства мертвых.

Свои павшие воины, после тризны были уложены на погребальный костер, и ожидали ритуала. Чашун, Ягира и Щербатый, занимались ранами, промывая, бинтуя, поя отварами, вправляя кости, нуждающихся в исцелении. Пришло время радости и скорби.

- Владыка наш, Боже всезнающий — Перуне! Славу тебе пою во время радости и печали. О Тебе помню, потому что Ты податель мудрости, богатства и оберег душам нашим на пути в Мир Иной. Отче над Богами темными-таемными, обрати взгляд свой на душу Внуков Дажьбожьих. Пусть дух их наберется силы в Нави, Душа очистится от скверны и поднимется в Явь. Здесь же мы встретим родича нашего песнями и славами. Тебя, Боже, Перуне, почитая. Сколько звезд сиять в Диве ночном, сколько Солнцу светить во Сварге Синей, столько и Внукам Дажьбожьим славить и выполнять завещания Твои, Владыка наш. Прими души воинов в царствие твое, Морена. Слава Роду.

Чашун, Ягира и Щербатый, пропели молитву синхронно, словно всю жизнь это делали вместе. На последних словах, разверзлись небеса, и прямо из звездного, ночного неба, полыхнула тройная молния. Погребальный костер вспыхнул, мгновенно, сразу и весь, ярким пламенем божественного огня, осветив усталые, и угрюмые лица, стоящих вокруг него воинов. Тяжело далась княжеству победа. Многие жены не дождутся мужей домой.

Глава 1 °Спокойный день

Теплый, утренний ветер гладил кожу, пробегая по лицу дуновением нежных губ так же, как когда-то давно, в другой жизни, мама проводила по волосам ласковой ладонью, взъерошивая непослушные волосы, и шептала на ушко: «Вставай сынок».

Сквозь сомкнутые веки, красными прожилками кровеносных сосудов будило солнце. Требовательно гладило солнечными лучиками щеки, лоб, брови, и губы, которые сами-собой, непроизвольно, растягивались в блаженной улыбке.

Где-то, совсем рядом, шум собирающегося в путь войска. Всхрапывание недовольных лошадей, смех и незлобные переругивания ратников. Привычная суета, ставшая обыденностью в жизни нашего героя. Он давно не спал, но вставать не было никакого желания. Совершенно не хотелось возвращаться из блаженной неги в суровый мир.

Не надо его за это строго судить. Он такой же человек, как и мы все. У вас разве так не бывает? Особенно когда знаешь, что предстоит трудный день, а тут, в мягкой кровати, под одеялом, так хорошо. Ну хоть чуть-чуть, ну самую малость, совсем немного, задержать этот коротенький миг блаженного счастья. Все потом, а сейчас просто насладится последней беспечной секундой.

— Долго ты еще собираешься притворяться и изображать из себя тупое полено. — Противный голос шишка оборвал последние минуты отдыха, противным, писклявым скрежетом прозвучав прямо в правое ухо. — Вставай, увалень.

Федогран лениво потянулся и не поднимаясь открыл глаза. Прямо перед ним, на фоне голубого утреннего неба с медленно проплывающими, подернутыми солнечными лучами облаками, покачивалась на ветру ветка ели, а там, высоко — высоко, в розовой дымке восхода, купалась ласточка, наполняя душу сентиментальной грустью. Вставать не хотелось совсем.

— Ответь мне на один вопрос шишок. — Не поворачивая головы, спросил Федор и зевнул, прикрыв ладонью рот.

— Давай, спрашивай. — Обрадовался та возможности поболтать, и запрыгнул парню на грудь. — Только быстро. Там медведь с Вулом ждут. Кулеш тебе оставили. Остынет. Его холодным есть, словно покойника обглаживать.

— Тьфу. Ты как скажешь — что, так тошнить начинает. — Брезгливо передернул плечами парень. — Все желание разговаривать пропало. — Он смахнул Ильку на землю, и прыжком встал на ноги. — А эти что, еще не улетели. — Кивнул он в сторону тридцати трех клубящихся облачков душ, в виде человеческих силуэтов, зависших невысоко в небе.

— Куда им лететь-то? Морена их к себе не возьмет, грехов на них много. Предков с богами эти душегубы предали, да и крови на них, невинной столько, что век не отмыться. Тут одним подвигом не отделаешься, тут послужить надо честно, и долго. Вот боги и решают, как с ними поступить. Вон видишь тучка там в далеке. — Он махнул себе за спину рукой. — Там светлые собрались. Спорят так, что искры сыплются. Чего спросить-то хотел?

— А ты не догадываешься? — Усмехнулся парень и продолжил, не дожидаясь длинного монолога в ответ. — Что с засланцем Чернобога в Новгоре? Поймали?

Илька как-то сразу потух и сгорбился:

— Нет. — Вздохнул он. — Моя в том вина. Прогонишь от себя, пойму, и обиду чинить не буду.

— Так. — Вновь сел Федогран и внимательно посмотрел в глаза шишку. — Рассказывай.

— Может сначала покушаешь? А потом и поговорим. — Попытался тот отсрочить неприятный разговор. — Кулеш остынет.

— Зубы мне не заговаривай. Говори, что случилось.

— Ну, в общем..., упустил я подсыла. Глупо получилось. Поначалу-то шло все так, как и сговаривались:

Я в город через лаз кротовый пробрался, приглядывать, за выходящими да входящими, на крыше караулки устроился. Час сижу другой, коротаю. Скучно. Гляжу, Веркула за ворота выскочила. Ну ты ее знаешь. Жена бортника Деньки-хромого. Красивая баба, огонь, тут ничего не скажешь, но вот характер, дюже разгульный. Не зря ее муженек, вожжами частенько охаживает.

Так вот: выскакивает она за ворота, и напрямик в лес, а сама аж сияет вся, улыбкой светится. Ну думаю, тут что-то не так. Пристроился за ней. Пригляжу, думаю. Вдруг она и есть тот подсыл Чернобоговский.

Веркула по тропе немного прошлась, до ближайшего леска, пока от ворот ее видно не стало, обернулась, не идет ли кто следом посмотрела, и шасть в кустарник, и через него, на полянку, от лишних взглядов сокрытую, а там уж мужик Ефросиньи — белошвейки, Фома, поджидает. Вот и чего дураку надо? Жена красавица, искусница, вся из себя княгиня. Но видимо нутро кобелиное взыграло. Ну да не мне кромочнику дела ваши людские судить.

Любовь у них там на поляне приключилась. Да такая забористая, что ох. Загляделся я, на их милования, да так, что про все на свете забыл. Больно уж бурно все проходило. Вот и не заметил сразу, как кусты раздвинулись, и на поляну вышел Денька, хмурый, ну дык с чего веселиться, когда жена да сосед голые по траве катаются, в руках пень трухлявый держит, и все молча, как тень полуденная.

Размахнулся и швырнул в резвящихся любовничков гнилушку эту. Вот же затейник. Не даром ведь первый бортник в княжестве. Пенек этот ульем с пчелами диким оказался. Оземь ударился и раскололся, явив на свет люто обиженный, на такое к нему отношение, рой.

Ну а дальше я вообще счет времени потерял, хохоча и наблюдая за мечущимися по поляне, голыми, трясущими непотребствами любителями запретной любви. Ох, и шустро бегали они в облаке жужжащей напасти. А в это время рычащий, словно медведь после спячки, бортник, вырвал с корнем молоденькую березку. От куда только сил столько набрался, с виду-то сморчок — сморчком.

Дальше еще веселей началось, когда рогатый муж начал пчел от них отгонять корнями вырванного деревца, вот и не скажешь, что хромой, на столько ловко бегал: то к жене, то к соседу, да обратно, только по пчелам все промахивался, неуклюжий, и все по головам да по плечам попадал. Я живот от смеха надорвал. Ну вот скажи, как тут было про все на свете не забыть? Вот и упустил татя. — Он горько вздохнул, о потом прыснул в кулак. — До сих пор отойти не могу, как вспомню ту картину, меня на хохот пробивает.

— Ну вот что ты за существо такое. — Федогран еле сдерживал смех, который сочился слезами из глаз, несмотря на все попытки парня себя контролировать. — Даже разозлится на тебя нельзя. Трепло.

— Этот скоморох тебе причину, по которой подсыла упустил, рассказал. — Чашун с Ягирой подошли тихо, поэтому смеющиеся друзья их не заметили.

— Да. — Вытер глаза Федогран. — После этого, его наказывать рука не поднимается, а

следовало бы.

— Что делать-то теперь будем? — Колдун присел рядом на корточки и окутался клубами дыма. — Мне в голову ничего не идет. — Таковую задумку гаденыш испортил. — Вытянувшаяся рука деда отвесила смачный подзатыльник, и шишок улетев на несколько метров врезался в дерево, но тут же как не в чем небывало, вскочил на ноги и прибежал обратно.

— Сколько уже можно, дед, я ведь и обидеться могу. — Захныкал он, неубедительно состроив рожицу.

— Ты и обида, вещи несовместимые. — Пробубнил Чашун не поворачивая головы. — Ну так что делать будем?

— Ничего. — Пожал плечами Федогран. — Буду просто поосмотрительнее. Да и друзья поглядывать по сторонам будут повнимательнее. Что тут еще можно придумать?

— Я бы никому не доверяла. — Вступила в разговор Ягира. — Это глупо посвящать в нашу тайну еще кого-то. Врагом может быть любой, даже самый близкий человек.

— Даже ты? — Посмотрел, сощурившись, в глаза ведьме Федогран.

— Что ты хочешь этим сказать. Мальчишка! — Вспылила та и начала вытягиваться.

— Успокойтесь оба. — Рывкнул струей дыма дед. — Не время сейчас выяснять отношения. Федогран прав. Нельзя кидаться в крайности. Названные братья давно доказали свою преданность. Был бы из них кто-то подсыллом Лживого бога, давно бы убили парня. Тут другой вопрос. Не проболтались бы. Что знают трое, знают все. Хотя насчет оборотня я уверен, что не могу сказать про Бера. Тот может проболтаться.

— Я с ним поговорю. Пусть он и туговат, и соображает немного заторможено, но, если поймет, что к чему, с него правду клещами не вытянешь. — Произнес Федогран внимательно всматриваясь в небо. Там небольшая тучка, где, со слов шишка, совещались боги, начала быстро приближаться и увеличиваться в размерах. Чашун обернулся, посмотрев туда же.

— Договорились наконец, долго что-то они. — Пробурчал он вставая. — Пошли поближе, послушаем волю божью. Сейчас свое решение выдадут... — И вдруг остановился, осекшись на полуслове, и уставился, недоуменным и восхищенным одновременно взглядом, вдаль. — Сам пришел. Неужто так и не смогли договориться?

По полю, со стороны восхода, шел опираясь на корявый сук дерева, поросшего в набалдашнике весенними листьями, высокий, прямой как струна старик, одетый в зеленую, как утренняя трава, хламиду, спускающуюся до земли. Его густые, длинные, седые волосы, стягивал венец, собранный в венок из листвы всех возможных в этом мире деревьев, и жужжащим там своеобразным ореолом тучей мошки. На одном плече крутилась большая беспокойная, рыжая белка, а на другом дремала, и ухала во сне, полярная сова. Около правой ноги косолапил черный медведь, с сидящей у него на спине лисой, а у левой гордо нес ветвистые рога, с щебечущей вокруг них стаей снегирей, олень. Сзади шествовал важно коричневый, мохнатый мамонт, раскачивая в такт движения белоснежными, длинными бивнями, едва не касаясь ими земли, в окружении суесящихся у ног серых зайцев.

— Это кто? — Федогран смотрел на удивительное шествие открыв рот.

— Год с лишнем уже живешь в этом мире и не знаешь. — Укоризненно произнес Чашун.

— Это Вышень. Судья. — Пояснила стоящая сзади Ягира. — Когда боги не могут о чем-то договориться, приходит он, второй после Рода, и вершит суд. Его слово закон. Никто не вправе оспорить.

Тем временем старик подошел к клубящейся около самой земли туче со спорящими богами. Остановился, грозно сверкнув зелеными глазами, и покачал осудительно головой. Подумал немного, властно махнул рукой, приглашая приблизится к нему замершие невдалеке, в ожидании, неприкаянные души, погибших воинов, из банды Ящера. Вторым взмахом, он поднял с земли небольшой смерч, взметнувшийся и тут же растворившийся в небе, а на его месте, быстро начал вырастать, вывязываясь словно спицами свитер у бабушки, из травы, усеянный луговыми цветами, кресло-трон. Дождавшись, когда он окончательно сформируется, Вышень неторопливо сел.

— Не можете договориться, как всегда? — Зазвучал густой негромкий голос, который, однако, слышали все. — Вот потому-то и напастей столько, в последнее время, сыплется на эту вселенную. Между собой у вас мира нет. Не дело это. — Покачал он головой. — Мое решение будет такое: в последнее время, Черномор, жалуется, что не справляется, и нужны помощники. Раз вам души бывших отступников не нужны, то я отдаю их Нию. — Он властно махнул рукой с корягой, словно это был скипетр, а не обыкновенная палка, и возвысил голос. — Бог моря явись предо мной!

По этому приказу, хлопком распахнулось лазоревым провалом небо, выплеснув вспенившуюся волну пузырящегося моря. Из открывшегося проема, выплыл укутанный моросью, как плащом, новый Бог. В чешуйчатой, серебряной кольчуге, с трезубцем в могучих руках, в короне из острых кораллов, усыпанных каплями жемчуга, одетой на покрытое зелеными, с редкими голубыми прядями, спутанными волосами чело. Он завис над землей, размахивая огромным рыбьим хвостом, словно находился в воде, а не в воздухе, представ всей мощью стихии океана перед судьей.

— Я слушаю тебя Вышень? — Пророкотал он грохотом разбивающейся о скалу волны.

— Ты примешь в своих владениях тридцать три никому тут не нужные души. Определишь их в услужение к Черномору. Эти бывшие тати еще не заслужили прощения, но заслужили шанс очиститься. Они будут охранять священный остров Буян под командованием подводного воеводы, и твоим внимательным и строгим приглядом. Отнесись к ним, со всем уважением. Они оступились, но не пали. Эти воины вновь встали на путь истины, не приняв грязной дороги Бога Лжи. Это многого стоит. Я все сказал. — Вышень ударил кривой палкой посохом о землю, словно поставив печать. — Забирай их, и уходи.

Зашелестел шум прибоя в небесном проеме, выплескивая сверкающие на солнце бриллиантами брызги воды, и белесые облачка душ, по очереди, втянулись туда, растворяясь в новой реальности. Вход в мир бога-Ний схлопнулся, словно поставив скромную запятую, в конце очередного приключения нашего героя.

— Спор окончен. — Пробасил судья, и махнув рукой развеял тучу, с притихшими богами, словно ее никогда и не было. Кресло-трон, само собой развернулось в сторону застывшего Федограна. — Подойди ко мне мальчик, я хочу на тебя посмотреть.

Толстые губы бога растянулись в доброжелательной улыбке, но внезапно выражение лица изменилась на суровое, и он рыкнул разъяренным зверем, посмотрев сверкнувшими в глазах углями, в сторону стоящих рядом с нашим героем духов:

— Остальные назад, разговор вас не касается. — Чашун с Ягирой и шишок попятнулись, а Федор, неторопливо не выказывая никакого беспокойства, приблизился.

Вышень внимательно его рассмотрел, проведя, словно рентгеном, медленно, по телу зелеными глазами, удовлетворенно кивнул, и небрежно махнул кистью руки. Рядом, выросло сплетенное из травы, зеленое кресло, на витых, кривых ножках, состоящих из перевитых

коричневыми нитями корней.

— Присаживайся, поговорим. Вот ты какой: «Надежда Светлых Богов», на вид прост, а изнутри кремень. Точная копия своего великого предка. Сильна кровь богатырская. — Произнес судья, смотря прямо в глаза. — Взгляд не отводишь, в душе страха нет. Почему?

— Терять нечего. — Пожал плечами Федор.

— Э, нет. Тут ты или врешь, или не осознаешь. А названные братья? А невеста? Как же они?

— Ты много знаешь обо мне Вышень. Но забыл видимо, что я человек из другого мира. Зачем я тебе?

— Я следил за тобой все время, и никогда ничего не забываю. Ты многое уже преодолел, многое перенес, но ты еще только в начале пути. Я во многом мог бы тебе помочь. — Он отвернул голову и замолчал, задумавшись, а когда заговорил вновь, то так и не повернул лица, все так же рассматривая что-то на горизонте.

— Ты призван сюда спасти правду, а я ее часть. Но увы, мне Родом завещано: «Не вмешиваться в течение земной жизни». Я лишь судья, и то только над богами, над смертными и духами я власти не имею. Ты не представляешь, как это тяжело, видеть, как рушится привычный мир, иметь силы помочь, и не иметь возможности вмешаться и дать бой.

— Ты можешь не вмешиваться, ты можешь подсказать, или хотя бы намекнуть. — Федор едва сдержал себя, чтобы не схватить бога за плечо и не развернуть лицом к себе. — Подумай. Исчезнет привычный мир, исчезнешь и ты сам, исчезнут все правила и заветы Рода, потому что некому будет их соблюдать. Твое бездействие ведет к смерти.

— Ты не по годам умен, юноша, но многого не знаешь. Не все так просто, как кажется. — Он повернул голову и посмотрел прямо в глаза. — И еще, я понял главное. Я понял, почему у тебя нет страха. Ты его убил в себе, и даже не осознал этого.

— Да. Я убил в себе страх. — Федогран вскочил с кресла, и навис над сидящим богом со всей своей юношеской горячностью. — Я сделал это ради них. — Он показал себе за спину, выхваченным из ножен мечем. — Ради того, чтобы жила Алина и ее семья, чтобы жили ее будущие дети, даже если не я буду их отцом. Ради своих братьев. Тех, которые без сомнений и раздумий, так же как и я, умрут ради друг друга. Ради, чуждого мне, жестокого мира, который стал мне домом, и где я наконец понял, что значит жить по-настоящему. Ради тех богов, которых уже забыли в моем будущем, ради тех, уже новых, светлых богов, которых вновь там забывают, поклоняясь рогатому выскочке. — Он сел и отвернулся, вложив оружие в ножны. — Ради этого я убил страх, ради этого я теперь живу. — Он повернул голову и заглянул подавленному богу в глаза. — А ради чего живешь ты...?

Глава 11 Евейя

Скрипел под копытами песок, поднимаясь и сливаясь в одну общую тучу пыли, сопровождающую двигающееся домой войско. Сзади мурлыкал какую-то замысловатую мелодию, висящем на плече щите, счастливый Никто. Мокошь заштопала, нитями судьбы, рану на дубленой коже, и налила в замысловатую вязь девиза: «Пойду до конца», первозданную силу природы, а Стрибог напитал мощью ветра боевое обиталище странного духа, от чего оно приобрело глубокий рубиновый цвет и удивительную легкость.

Песню Никто, поддерживал довольный Коломрак, напрочь отказавшийся покидать стеклянный наконечник копья. Как не убеждали его Федогран и Морена, что он сдержал свою клятву, и можно уходить, ничего не помогало. В конечном итоге богиня махнула рукой, и добавив на самый край стеклянного жала, черный мазок смерти, оставила все как есть, а как всегда опоздавшая Параскева-Пятница, погладила нежной ладонью древко оружия, сделав его движения в руках воина непредсказуемыми.

Федогран покачивался в седле, дремал и вспоминал разговор с Вышнем:

— Я создан самим Родом, и живу лишь ради того, чтобы решать споры между богами. — Отвечая на вспыльчивый вопрос парня, судья, сам начал заводиться, гневно засверкав глазами. — Я не имею права вмешиваться, таков закон.

— А бог лжи, плевать хотел на ваши законы и правила, он создает свои, новые, и не гнушается вмешиваться, как вы, в дела Яви. — Парень вновь вскочил с кресла и возбужденно замахал руками. — Потому он и побеждает. То, что мы сейчас выиграли сражение, это всего лишь исключение из правил. Или я не прав? — Он схватил за плечо отвернувшегося при этих словах Вышня, и развернул его к себе. — Ответь, что ты молчишь, не отворачивайся. Я прав?

Тот передернул плечами, скинув руки воина и вновь отвернулся насупившись.

— Прав. — Прозвучал его глухой, тихий, полный скорби голос. — Но как нарушить закон?

— Ты! Бог! Спрашиваешь у меня, простого смертного, как тебе поступить? Мне, которому чуть больше семнадцати. Это я должен учить бога, которому несколько тысяч лет, как ему жить?

— Я спрашиваю не тебя, а свою совесть. И не о том, каким способом нарушить установленные Родом правила, а как перешагнуть через себя. Если боги, сами не будут следовать канонам Высшего, то будут ли им следовать все остальные? — Тихо говорил судья, не поворачивая головы. — Это очень тонкая грань, переступив через которую мы можем полностью изменить этот мир. Мы разрушим все, что создано Родом. Нас проклянут.

— Жизнь и так меняется, и если вы не будете меняться вместе с ней, и не возглавите это, а поплывете по течению, то вас смоеет потоком. Вы погибните, оставив свои насиженные, теплые места, вот таким вот Чернобогам. И вас не проклянут, вас просто забудут. — Федор сел, отвернулся и замолчал. Ничего не ответил и Вышень, угрюмо рассматривающий горизонт. Он думал. Даже звери, сопровождавшие бога, разлегшиеся вокруг, опустили головы, и не произносили ни звука. Легкий ветерок и тот затих, не смея мешать раздумьям Судьи.

— Хорошо, можно попробовать. — Наконец произнес Бог-Судья. — Пока только советом, а там посмотрим. — Он повернулся и неуверенно посмотрел Федору в глаза. —

Мокошь сплела несколько нитей твоей судьбы на ближайшее время. Очень скоро ты будешь решать, за какую из них держаться при выборе пути. — Он склонился к самому уху героя, и торопливо, словно боясь, что не успеет, зашептал: — Выбирай самую трудную, которая покажется всем остальным, кто идет с тобой по жизни, невыполнимой и авантюрной. В конце будет ждать награда, и не одна, их будет несколько. Выбирай не разумом, а сердцем. — Он отодвинулся и замолчал, а потом резко встал и заговорил обычным, властным голосом. — Мне пора, я выполнил свое предназначение: «разрешил спор богов», и теперь ухожу. Но твои слова, богатырь, я запомню и обдумаю.

Слава Роду.

С последними словами волшебные кресла растаяли, словно были кусками льда, и стекли мутной водой на землю, а на их месте завели подснежники. Судья, не оборачиваясь, пошел по полю вдаль, медленно поднимаясь над землей и возносясь в небо, с каждым шагом все выше и выше, пока не превратился в маленькую темную точку, и не затерялся в белизне облаков.

Федор проводил его взглядом, и обернулся к замершим в ожидании и восхищении друзьям, и княжеской дружине.

— Пора наверно и нам в дорогу. — Произнес он таким голосом, что простые слова богатыря, прозвучали как команда. Повинуясь, все войско пришло в движение, и загудело как улей, собираясь в путь.

Федогран смахнул ладонью с лица наваливающийся сон, и огляделся. Справа покачивался в седле, дремлющий Вул, а слева смеялся и кивал головой, словно соглашаясь, Бер, слушая как ему что-то рассказывает, припав к самому уху шишок.

Впереди сколько видят глаза, растянулась гремящая металлом и шутками гусеница княжеской дружины, сзади все те же воины, нескончаемым потоком. Приподнятое настроение витает в воздухе. Горевать они будут потом, когда схлынет волна победной эйфории, и придет осознание потерь. Когда увидят слезы жен и матерей, не дождавшихся своих родных, оставшихся навечно на берегах Смородины.

— Есть хочется. — Пробормотал Федогран сглотнув слюну. — Скоро привал?

— Не. — Откликнулся Илька, оторвавшись от уха медведя, куда он только что, весело нашептывал очередную байку. — Только ближе к вечеру остановимся. Князь же сообщал? Ты что не видел гонца?

— Уснул видимо. — Смутился парень.

— Бывает. — Снисходительно махнул тот в ответ рукой. — У меня один раз... — Что у него там случилось, никто никогда не узнает, потому что его перебил Вул.

— Потом расскажешь. — Он заговорщически склонился к друзьям с лошади. — Поехали поохотимся, мяса пожарим, наедемся и от пыли отмоемся. Сил уже нет, все тело зудит. Я тут одно место знаю. Речка, берег песчаный, и опушка леса прямо у воды. Загляденье.

— Вдруг хватятся? — Усомнился Федор.

— Кому мы сейчас нужны. Вон посмотри, половину спит в седлах, а другая половина болтает о пустом. Князь где-то впереди, даже охранения не выставил. Поехали. — кивнул в сторону леса оборотень, и сощурил хитрые глаза, в ожидании ответа.

— Поддерживаю. — Засмеялся медведь. — Я за любое развлечение, особенно если оно касается жареного с кровью мяса, а то дюже скучно, да и помыться не помешает, та грязь, что ко мне прилипла, весит больше доспехов на меня надетых.

— И я. — Перепрыгнул с плеча Бера на спину Федограна шишок. — Я тоже хочу мяса.

Поймать небольшую косулю, для перекинувшегося в волка Вула не составила особого труда. Пока Бер разводил костер, а Федогран заготавливал дрова, оборотень не только добыл трофей, но и успел его освежевать, насадить на срубленную толстую ветвь, и целиком водрузить над огнем, на двух рогатинах. Красный от натуги Илька, в это время, притащил волоком, от реки кожаную флягу с водой.

Отмытые, оттертые до скрипа кожи мелким, пополам с илом, речным песком, объевшиеся мяса до округления животов, названные братья, лениво раскинувшись на траве, предавались безмятежному отдыху, в полудреме подставив лица полуденному солнцу. Состояние блаженства — оно всегда приходит на смену тяжелым испытаниям. Не испытав боли, нельзя почувствовать облегчения. Таким создан этот мир.

— Ну вот и все, в принципе, что мне пришлось от вас скрыть. Надеюсь, вы не будите на меня в обиде, потому что это не моя тайна, и я не мог о ней рассказать даже своим братьям. — Закончил свой рассказ Федогран, о том, что его друзья еще не знали, и замолчал.

— Мог бы и довериться. Не чужие ведь друг другу. — Буркнул в ответ медведь, надув детски губы, но его обиды хватило ненадолго. Новая мысль, быстро пришла в голову, и он расцвел в улыбке. — А забавно шишок флягу тащил, я чуть со смеху не лопнул.

— Дурак. — Констатировал Илька. Я для всех старался. — И то же рассмеялся. — А действительно наверно со стороны выглядело смешно. Она же в три раза больше меня.

— Я догадывался, что ты ни просто так не шел со всеми в поход. Слишком это было необычно. — Произнес Вул задумчиво ковыряя палкой костер. — Обижаться нам не на что, ты все сделал правильно и, если бы не наш любопытный товарищ. — Оборотень кивнул в сторону шишка. — То все могло бы получиться. Многие бы проблемы разрешились, а так придется оглядываться и ждать удар в спину. Жаль, что так вышло. Но тут уже ничего не поделаешь. — Он замолчал, вновь погрузившись в себя.

— Надо наверно собираться и догонять дружину. — Вздохнул Федогран ставя в разговоре точку, и встал. — Потеряли нас там.

— Погоди. Идет кто-то сюда. Подождем немного, глянем кого к нам в гости принесет и поедем. — Вул лениво повернул голову и прикрыв глаза ладонью от солнца посмотрел в сторону опушки, в сторону от лежащего Бера, который весело о чем-то болтал с Илькой, посадив того себе на грудь.

Ждать долго не пришлось. Ветви раздвинулись, представив перед друзьями гостью. Весьма колоритный персонаж смеси женщины, летучей мыши и засохшего древесного сучка.

Высокая коричневая с зелеными пятнами, голая, женская фигура, ссутулившись большими перепончатыми крыльями на спине, вышла на худых, трехпалых ветках-ногах, опираясь на кривую, поросшую, по всей длине мухоморами, палку одной рукой, а второй, точной копией ног, таща за собой знакомого уже братьям лешака-Сучка, за шкуру.

Зеленые глаза гостьи, с красными зрачками, никак не гармонировали с румяным, девичьим, довольно милым лицом, с вздернутым вверх упрямым носиком, и сверкали гневом, но и в то же время плакали, неестественно большими каплями слез. Пухлые губы шептали проклятья, и молитвы, быстро меняя настроение, то готовые сорваться в рев, то загрызть, хищным оскалом острых, как пила, зубов.

Сучек упирался ногами и руками, сопротивлялся и скулил писклявым голосом, моля пощадить и не убивать, но ничего не мог поделать с мертвой хваткой, хрупких на вид рук. Подойдя к вскочившим и обнажившим мечи братьям, она остановилась, легко как тряпку,

подняла и швырнула лешака им под ноги.

— Вот. — Заскрипела она голосом ломающихся под ногами веток. — Это вам, подарок.

— Зачем? — Задал недоуменно Федор, мгновенно заинтересовавший всех остальных вопрос. — Он нам не нужен. Шла бы ты отсюда по-хорошему.

— Погоди, не просто так кикимора вылезла из своего болота, в сухой лес. — Отстранил нашего героя в сторону Вул и вышел вперед, убирая меч в ножны. — Чего ты хочешь, Евея? И зачем приволокла сюда этого недомерка.

— Беда у меня оборотень. Такая беда. — Закачала головой гостья и зарыдала. — Внучка моя, в волчью яму, заговоренную колдовством, как паутиной окутанную заклятиями, упала. Помогите достать, меня саму туда руны вражьи не пускают, а вы — богам угодные, сможете тот заговор преодолеть. Некого мне просить более. Только на вас надежда. Выручайте. Я вот вам за это кляузника притащила. Возьмите в награду. Нечего мне вам, добры молодцы подложить более. Вы же себе в дар жаб болотных не возьмете? — Она с надеждой заглянула в глаза каждому из братьев. — Или все же полакомитесь? Так я, ежели что, быстро слетаю. — Крылья за спиной кикиморы хлопнули и распрямляясь.

— Говорят. — Встрял в разговор шишок, — что там дальше, где Ярило свой лик на ночь прячет, живут племена дикие. Так у них такое кушанье в почете. Еще говорят, что они воды бояться. Врут наверно.

— Тьфу на тебя балабол. — Сплюнул медведь. Только, что поели, а ты такую речь тошнотворную завел. Что там, совсем оголодавшие живут, что такое непотребство в рот тянут? Не верю я в такое, чтобы человек, если он конечно не дитятя неразумное, так же как кикимора болотная, на обед себе пупырчатых употреблял. Байки это.

— Заткнитесь вы оба. Нашли время. — Рывкнул Вул, гася разгорающийся спор, и обернулся к гостье. — Некогда нам бабка Евея. Дружину догонять надо. Потеряли там наверно нас. Мы-ж не спросясь ушли. Осерчает князь.

— Как же так-то. — Захлопала длинными ресницами кикимора. — Только на вас и была надежда. Как быть-то мне теперича. — Бабка упала на колени и запричитала, переводя молящий взгляд с одного из братьев на другого. — Сгинет ведь внучка. Как есть, пропадет кровиночка единственная. Выручайте. Ничего для вас не пожалею.

— Не верю я тебе, нечисть болотная. — Зловеще прошептал Вул. — Говори, что задумала?

— Когда же я тебя соколик обманывала? — Взвилась было кикимора, но вновь упала на колени и еще сильнее зарыдала. — Пропадет дитяtko...

— Негоже так поступать-то, не по-людски. — Пробурчал насупившийся медведь. — Помочь надо. — Он сочувственно посмотрел на гостюю.

— А дружина? А князь? — Оборотень сурово посмотрел на потупившегося друга. — Нет у нас времени на приключения.

— Сделаем так. — Федор заговорил таким тоном, что сразу стало понятно, что он тут главный, и возражений никаких не примет. — Догоняйте дружину. Если что, успокойте князя. Я достану из ямы внучку, и догоню. Думаю, что там ничего сложного не предвидится. Это всё-таки не с богами биться.

— Это авантюра. — Не выдержал и возразил всё-таки оборотень. — Я против. Пойдем туда все вместе.

— А я поддерживаю. — Улыбнулся, довольный таким решением проблемы, Бер. — Могу в принципе и сам сбегать, мне не сложно.

— Нет, только мы вдвоем поедем. — Наплече Федограна взлетел шишок. — Кому-то надо и назад, в дружину вернуться. Тем более, что я еще внучку кикиморы ни разу в глаза не видел. Давай уже. Трогай. — Он уселся на плечо и закинул ногу на ногу. — Страсть как интересно.

— Ну тогда так и сделаем. — Федогран подтянул подпруги у седла. — Давай, Евей, показывай дорогу. — Улыбнулся, и взлетел на спину всхрапнувшего Чепрака.

— Ой, соколик, только успевай попевать за мной, я постараюсь потихонечку бежать, чтоб лошадка твоя не шибко уставала.

— Э. Стой. — Заорал Вул. — Что нам с подарком то этим делать? — Палец оборотня уткнулся в голову вздрогнувшего от неожиданности лешака. — Нам он не нужен.

— Ну так прибей его. — Улыбнулась пилами зубов кикимора. — Всего-то и делов.

— Отпусти его на все четыре стороны. — Нахмурился Федогран. — Нечего время с ним терять. Поехали за внучкой.

Лешака на «все четыре стороны» отпустила Евей, и сделала это весьма своеобразно: нарисовала в воздухе круг, из появившегося ниоткуда зеленого тумана, прошептала какое-то зловещее заклинание, кровожадно улыбнулась, и плюнула в середину подрагивающего знака, который в то же мгновение лопнул, как воздушный шарик, опав на землю ошметками ила. Вокруг запахло болотом.

Затравленно вращающий глазами лешак, высоко подпрыгнул. Встал на ноги, вытянувшись в струну, и вдруг из него вышел еще один, точная копия первого, следом другой, и потом еще и третий. Четверо Сучков посмотрели друг на друга. Злобно погрозили своим двойникам кулаками, и бросились бегом, в разные стороны, вопя проклятия. Как раз точно на «все четыре стороны».

— Однако... — Произнес заворуженно Бер отвалившейся челюстью, и почесал затылок. — Такого я еще не видел.

— Сильна бабка. — Подтвердил вылупленными глазами шишок.

— Выполнила я твою просьбу. — Улыбнулась как-то по-детски, словно извиняющийся за шалость малыш, кикимора. — Можно ехать. Внученька там страдает. Извелась вся. Слезами истаяла. Пошли, милок. — С мольбой посмотрела она в глаза Федора.

Тот, не отводя заворуженного взгляда, от убегающих лешаков, кивнул и пришпорив коня направил его следом, в лес, за кикиморой, постоянно оборачиваясь.

— Ох не нравится мне все это. — Произнес угрюмо оборотень, запрыгивая в седло. — Не верю я Евее. Эта, поедательница лягушек, обманет не дорого возьмет. — Добавил он, пришпорив коня.

Это были последние слова, которые расслышал наш герой, скрываясь в тени леса. Неразлучная четверка разделилась.

«Опрометчивый поступок». — Скажете вы, дорогие мои читатели. Может и так. Но наш герой вспомнил совет Вышняя: «Выбирай самую трудную нить судьбы, которая покажется всем остальным, кто идет с тобой по жизни, невыполнимой и авантюрной. В конце будет ждать награда». Судья над богами не посоветует плохого, он заинтересован в победе богатыря, а значит надо идти вперед до конца.

Глава 12 Просто ловчая яма

Чепрак едва успевал за мелькающей впереди спиной Евеи. Светлый, наполненный ароматами трав и щебетом птиц лес медленно сменился на другой, мертвый, молчаливый, чавкающий под копытами болотной жижей, утыканный как насмешками над природой чахлыми, покрытыми мхом, одинокими, кривыми деревьями.

Уродливые березки, тянущие иссушенные руки-сучья, словно в мольбе о помощи, к проезжающему мимо них путешественнику, низкие елки, пожелтевшей хвоей нижних лап, сросшиеся с тиной в жилища-шалаша болотной нечисти, все это угнетало, и давило своей безысходной грустью.

Еще немного пути, и это уже не лес. Огромное, квакающее болото, усеянное прыщами — травянистыми кочками, словно язвами на гниющем теле неизлечимо-больного человека, окружило Федограна со всех сторон, раскинувшись на столько далеко, что его края терялись в подрагивающем мареве зловонных испарений, сливаясь на горизонте с облаками.

Кикимора уверенно полу-бежала, полу-плыла, в покрытой ряской болотной жиже, к темнеющему невдалеке островку суши, покрытому чахлым, мрачным ельником. Она периодически оборачивалась, призывно махала веткой-рукой, приглашала следовать за ней, и срывалась дальше в неутомимый бег.

— Еще совсем, чуть-чуть осталось, милок, потерпи. Скоро уже. — Бормотала она, поскуливая в такт шагам, и шмыгала носом, вытирая слезы. — Девонька моя, внученька, там, в яме поганой погибает. Поспешай богатырь. Сюда. Сюда.

Наконец копыта коня выбрались из чавкающей жижи, и захрустели хвоей по твердой почве, распугав дремлющих на полуденном солнце лягушек и недовольно зашипевшую гадюку, скользнувшую в мутную воду ближайшей топи.

Продравшись сквозь колючие дебри угрюмого ельника, Федогран оказался на небольшой, скрытой от солнечного света, сумрачной поляне, посреди которой зиял черный провал ловчей ямы, непонятно каким образом оказавшейся в этом богами забытом месте, из которой слышалось всхлипывание детского голоса.

Кикимора, не в силах подойти, из-за начертанных по кругу, вокруг провала в земле, замысловатых рун, упала на колени, и запричитала плаксивым, скрипучим голосом, схватившись двумя руками за голову и раскачиваясь как маятник:

— Кровиночка моя. Одна там, в тьме неизвестности и безнадежности, рунами вражьими опутанная. Страдает, страхом скованная, силой неизвестной оплетенная. Спаси ее богатырь. Пропадет дитяtko невинное.

Федогран, не обращая никакого внимания на Евею, спрыгнул с коня, пересадив с плеча в седло Ильку. Тут же по телу пробежал леденящий озноб. Он сделал первый шаг, и неприятное ощущение усилилось, словно кто-то посмотрел в спину, пристальным, полным ненависти взглядом. Парень произвольно обернулся, но ничего не обнаружил. Кикимора все также раскачивалась и причитала в сторонке, и никого больше. Отбросив нерешительность в сторону, и не обращая внимания на неприятные, грызущие сомнениями душу чувства, он быстро приблизился к яме, и заглянул внутрь.

В полумраке, на глубине четырех метров, прямо на земле, сидела пятилетняя русая девочка, в голубеньком в желтый горошек платице, и всхлипывая курносим, веснушчатым носом, вытирала грязной ладонью слезы, оставляя темные разводы под глазами. Абсолютно

человеческий ребенок, ни как непохожий на то чучело, что сопровождало его сюда.

— Что-то непохожа внучка на бабушку? — Федогран развернулся, подошел назад, к кикиморе, и склонился над ней положив руку на яблоко рукояти меча. — Что-то ты темнишь нечисть болотная? Что замыслила? — Нахмурил он недоверчиво брови.

— Истину тебе сказала богатырь. Все как на духу поведала. Дитя этот — плод любви дочки моей Наины, и колдуна из земель англусских, пришедшего в наши земли, страстью к дочурке моей ведомого. Она тогда по миру гуляла, в образе красавицы роковой, способности обольщения отработывала, вот и перестаралась слегка, колдуна того охмутив. Любовь у них бурная приключилась, от чего тот чародей заморский помер, не выдержав страсти, а дочурка моя сгнула, опосля всего этого, неизвестно куда, внучку мне на попечение оставив. — Евея всхлипнула, смахнув трехпалой ладонью слезу с глаз, и упала парню в ноги. — Помоги богатырь. Спаси девоньку.

— Веревка есть. — Смутился Федогран, не привыкший к такому обращению. — Встань, хватит валяться.

— Как не быть касатик. Все есть.

Она подпрыгнула, хлопнув в ладони, пронзительно, по-бандитски свистнула, засунув два пальца в рот, и из-под лапы ближайшей елки выскочила огромная, размером с немецкую овчарку, одноглазая жаба, с располосованной по второй, пустой глазнице, рваным, застаревшим шрамом. Болотная жительница вальяжно подошла, перекатываясь жирным телом на перепончатых лапах, и пророкотав раздувшимися пузырями щек, то ли приветствие, толи проклятие, замерла напротив, склонив голову.

— Веревку из закровов быстро носи. Ту, что попрочнее, зеленую, из чертополоха плетеную, не перепутай с крапивной, та послабее будет. Что застыла, словно аиста-охотника увидела? Бегом! — Приказала скороговоркой кикимора, и пнула нерасторопное земноводное ногой-веткой, от чего, то обиженно хрюкнуло, и растеряв всякую вальяжность, развернувшись, ускакало в ельник, а спустя несколько секунд выскочило оттуда, неся в пасти мокрый, зеленый, смотанный в клубок шнур.

— Вот, касатик, и веревочка. — Кикимора выхватила моток из губастой пасти жабы, и протянула Федограну, заискивающе заглянув в глаза. — Поспеси милок. Сердце кровью обливается, как подумаю, что там дитяtko невинное, одно в яме темной сидит.

Не доверяя болотной нежити, Федогран привязал веревку к седлу Чепрака, где устроился в виде всадника шишок, велев тому глаз с Евеи не спускать, и погрозив кулаком кикиморе, что бы та не вздумала устроить какую-либо гадость, тяжело вздохнув, скользнул в тьму.

Колющие спину ощущения чужого, враждебного присутствия, с новой силой прокатились по покрывшейся мурашками коже. Невидимые злобные глаза воткнулись иглами дурного предчувствия между лопаток, заставив гулко забиться сердце. Влажный, тягучий полумрак окутал, липкими лапами скомкав душу. Недолгий, казалось бы, спуск, показался вечностью.

Девочка подскочила, едва ноги Федограна коснулись земли. Зеленые глаза, совсем не по-детски осмотрели гостя цепким взглядом, с ног до головы, и остановились на лице.

— Ты пришел меня спасать, юноша. — Грудной голос, далеко не маленького ребенка, а взрослой женщины, сорвался с пухлых губ. — Это очень мило, и так романтично. — Она смахнула с длинных ресниц слезу и улыбнулась. Помоги мне выбраться из этой заколдованной западни, и я сумею отблагодарить тебя. Не смотри, что я с виду такая

маленькая. Я взрослая женщина, и умею быть разной.

— Нужна мне твоя благодарность, как собаке пятая нога. — Покраснел наш герой. — Хватит болтать, хватайся мне за шею и полезли, бабушка твоя извелась вся.

Маленькие ручки, мертвой хваткой удава, обвили шею, едва не задушив, и Федогран, ловко перебирая руками, взобрался вверх, к краю ямы. Внучка кикиморы тут же перебралась по спине и оттолкнувшись от плеч, выскочила, с радостным смехом наружу, где кинулась в объятья взволнованной Евеи.

Когда наш герой, подтянувшись на руках, уже готов был вылезти и сам, то что-то крепко, стальной хваткой, ухватило за ногу, и дернуло вниз с такой силой, что веревка не выдержала и лопнула. Дно у ямы исчезло, образовав провал в черный мрак бесконечности, куда и провалился парень.

С собой только меч, напоенный силой двух богов и плащ, сшитый самой богиней земли и плодородия, когда-то подаренный Березинией в знак благодарности за освобождение леса от крылатого червя. Все остальные вещи остались притороченными к седлу, не взятые за ненадобностью, в, казалось бы, столь простом деле — достать ребенка из ямы.

Выхватив из ножен полыхнувшее Яриловым пламенем и Перуновыми молниями оружие, Федогран резким, уверенным движением полоснул по держащей его за ногу неведанной лапе. Дикий вопль боли и ярости резанул по ушам, сорвавшись в ультразвук отчаянного визга. Наполненный божественной силой меч осветил пространство, и юноша увидел своего врага.

Жуткое творение извращенной фантазии нового бога. Слуга хаоса, демон мрака, сотканный из нитей лжи и порока — черный трёхглавый змей. Чешуйчатая антрацитовая шкура, обтягивающая чулком мускулистое поджарое тело с четырьмя лягушачьими лапами и длинным змеиным хвостом — плетью. Рогатые лошадиные головы с желтыми, хищными клыками, истекающими огненной плазмой, словно слюной, и смрадным дыханием серы из открытых, пашущих жаром пастей. Налитые кровью змеиные глаза. Весь этот ужас летал вокруг нашего героя на орлиных крыльях тьмы, теряя, при каждом взмахе огненные перья-капли, метеоритами срывающиеся в бесконечность мрака.

Секундное ошеломление от увиденного едва не стоило Федограну жизни. Только благодаря развитой интуиции, и ловкости, он избежал удара змеиного хвоста, оставившего огненный след в черной бесконечности, успев, в последний момент поджать ноги над пролетевшей, раскаленной в плазму, плетью. Смерть просвистела снизу, заставив его мгновенно взять себя в руки и сконцентрироваться на схватке.

Следующую попытку, слуги бога лжи, атаковать, встретил пылающий яростью меч. Перунова сила прогремела снопом электрических искр, обрубив кончик хвоста. Огрызок плети вспыхнул свистящим, голубым, вырывающимся, словно из сопла ракеты, пламенем и растаял в черном мареве безвременья, а сумрачная тварь, заверещав болью, и окропляя пространство струей желтой, воняющей склепом крови, рванулась в сторону, панически захлопав крыльями, и резко крутанувшись через головы плюнула в Федограна сгустком раскаленной лавы.

Снова помог выставленный вперед меч. С его пылающего жала сорвался ослепительный луч, и воткнулся в летящий клубок огня, взорвав его ошметками затухающих зарниц, больно резанув вспышкой, по глазам, божественным светом. Змей взвыл от боли, вновь перевернувшись через головы, и рванул в сторону восстанавливать потерянное зрение.

Неожиданно мрак рассеялся, разорвавшись на неровные лоскуты черной реальности,

разлетевшись в разные стороны рваными кусками полотна. Разлившийся в пространстве океан света, исходящий от внезапно материализовавшейся, парящей в пространстве безвременья, белоснежной скалы, заполнил вселенную леденящей стужей. К этой блестящей, переливающейся бриллиантами искр поверхности, приближались с бешеной скоростью сражающиеся соперники.

Змей захлопал крыльями замедля падение и торжественно заклокотал, предчувствуя скорую победу, закружив в танце превосходства вокруг падающего на скалу Федограна, на расправленных крыльях, изменившихся из черных в огненные, его шкура так же преобразилась, изменив свой цвет с антрацитового на кроваво-красный, вспыхивающий рубиновыми искрами на чешуе.

Для принятия решения богатырю не понадобилось ни секунды раздумья. Рванув руками подол плаща в разные стороны, образовав подобие дельтапланерных крыльев, он нырнул головой вниз, устремившись к твердой поверхности, намереваясь уже там, если удастся не разбиться о лед, стоя на твердой поверхности, дать последний бой твари.

Головокружительный манёвр удался, подарок Березении не подвел. Сила Мокоши, заключенная в плаще, пришла на помощь и смягчила падение, сгустив воздух прямо перед белоснежным уступом скалы. Пробежав по инерции несколько шагов, парень остановился и принял боевую стойку, приготовившись встречать врага.

Тот не заставил себя долго ждать. Просеменив лягушечьими лапами, и захлопав крыльями, гася инерцию стремительного падения, он остановился неподалеку, заклокотав пламенем в раскрытых пастях.

Бой начался снова, на более-менее равных условиях, пусть на скользкой, но на твердой поверхности ледяной скалы, парящей в залитым непроницаемым светом пространстве, несуществующего мира. Схватка, в которой оба из них должны умереть. Альтернативы нет. В этом месте, где не существует общепринятых физических и божественных законов, где нет ни начала, ни конца и нет времени, ни кто не придет на помощь ни к одному, ни к другому. Тут некуда убежать и негде спрятаться. Даже после победы нет возможности вернуться в свой привычный мир, потому что выхода отсюда тоже нет, только вход, а значит неминуемая смерть от голода и жажды. Но это все потом. Сначала надо убить врага.

Медленно переставляя ноги, соперники пошли друг напротив друга, постепенно сближаясь в хороводе смерти. Обманчиво неторопливые движения, и взгляд глаза в глаза. Ненавидящий, но не наполненный безрассудной яростью, а сконцентрированный, немигающий, полный решимости взгляд скрещенного в схватке оружия, выискивающий уязвимость в защите противника, и ожидающий атаки с противоположной стороны.

Первым ударил змей, хлестнув уже укороченным хвостом-плетью, целясь в голову. Федогран успел пригнуться, пропуская огненный след над головой, но ответить не успел, соперник быстро отдернул свое жуткое оружие назад, и отпрыгнул сам, разочарованно зашипев. Но богатырь не дал ему времени на осознание и подготовку следующий атаки, и прыгнул вперед сам, ткнув мечем в одну из голов.

Бесполезно. Клинок вспорол воздух, а уклонившаяся пасть плюнула огнем в лицо героя, и теперь уже пришла его очередь уклоняться и отпрыгивать назад. И вновь хоровод вокруг незримой оси неизбежности. Медленный хоровод боя, сосредоточенный на ожидании, бьющий по нервам желанием действия, и в то же время осознанием смертельной цены ошибки из-за суетливой, необдуманной спешки.

Змей прыгнул резко и внезапно, клацнув сразу всеми теми клыкастыми пастями.

Федогран метнулся перекатом в сторону, рубанув не глядя мечем в направлении соперника. Попали оба. Резкая боль разорвала кожу на ноге богатыря, желтым клыком пройдясь от бедра до колена оставляя след разорванного мяса, а меч героя преодолевая сопротивление вражеской плоти, прорвался сквозь змеиную шею, брызгами смердящей, желтой крови, оставив одну из голов висеть на остатках чешуйчатой кожи.

Две головы, проскочившего мимо богатыря змея, с удивлением, уставились немигающим взглядом, на мертвую третью, и воздух сотряс рев ярости и боли. Федогран быстро поднялся, стоя на одном колене, выставив жало клинка в сторону соперника, не в силах полностью встать. Одна, раненная нога не слушалась, безвольно вытянувшись назад бесчувственным сторонним предметом.

Слуга бога лжи наступил лягушачьей лапой на безвольно болтающуюся на остатках кожи мертвую голову, и резким рывком, под дикий вой, оторвал мешающий предмет, пинком отбросив его в пропасть безвременья. Пасти зверя синхронно плюнули огнем в сторону Федограна, который тут же рухнул на лед скалы, пропуская над собой сгустки плазмы.

Затылок обдало жаром и затрещали обугливающиеся волосы, но боль не повод сдаваться. Оттолкнувшись руками, богатырь вновь встал на колени, в ожидании очередной атаки. И змей прыгнул, бешено захлопав крыльями и пытаясь всей многотонной массой навалиться на своего врага. Раздавить, размазать по льду ненавистное создание. Выполнить наконец волю своего повелителя, и затем достойно умереть со счастливой улыбкой на оставшихся двух головах, с чувством выполненного долга.

Но Федогран был несогласен с таким окончанием схватки. Резким движением, он откатился с линии атаки и полосонул мечем по пролетающему мимо его лица крылу твари, одновременно переводя полыхающий молниями клинок под брюхо, и отрубая переднюю лапу. Но и сам не остался невредимым. Задняя конечность падающего чудовища успела зацепить лоб, оставив рваную рану и на миг выключив сознание.

Мотая затуманенной головой, пытаясь разогнать радужные круги, перед слезящимися глазами, Федогран вновь встал на колени, и на трясущихся от усталости и потери крови руках вытянул меч вперед, навстречу врагу.

Змей лежал напротив тяжело, прерывисто дыша, завалившись на бок, в сторону отрубленной лапы, вытянув вдоль тела поврежденное крыло, и с ненавистью, не мигая, смотрел на своего врага. Он не собирался сдаваться, идти на трех конечностях у него не получалось, видимо создатель, Чернобог, не предусмотрел такой способности. Лететь тоже не мог, поэтому сделал то, на что еще хватало здоровья, пополз. Сил осталось только на одну, последнюю атаку. Он сомкнет челюсти одной из голов на шее этого червя, а второй прокусит грудь и вырвет ненавистное сердце. Он перед смертью, вволю напьется крови. Это достойный конец. Ради этого стоит потерпеть боль.

Федогран чувствовал, что жизнь стремительно покидает его изломанное тело, и ждал. Еще немного. Пусть приблизится. Остался один безумный шанс на победу, и он его использует, для этого силы еще есть. Только бы не потерять сознание.

Момент настал. Оттолкнувшись здоровой ногой, воин прыгнул, на сколько мог высоко и вперед, на спину ползущей твари, но та успела ухватить клыками больную ногу. Не достигнув намеченной цели, Федогран рухнул на вытянутую длинную змеиную шею, где она еще не раздвоилась надвое, и замолотил с остервенением мечем, как топором, прорубая вражью плоть, вырывая клоки желтого мяса и захлебываясь орудием глоткой в фонтанах

бьющий из разорванных артерий врага кровью.

Они затихли одновременно. Остывающий на льду, на парящей в вечности скале, труп змея — создание Бога Лжи, и лежащий без признаков жизни, в кровавой каше из порубленной в фарш шее чудовища, богатырь.

Безмолвие вечности накрыло это место белым покрывалом безмолвного бесчувствия.

Глава 13 Злодейка судьба

— Вставай брат. Не смей умирать. — До боли знакомый голос пробивался сквозь рыхлую вату сознания, тягучим напевом. В глазах плыла пелена, застилая однообразными розовыми туманом мутный взгляд. «Кто он?». Апатия. Полное отсутствие желания чего-либо, кроме избавления от нестерпимой боли, заполнившей все тело без остатка, от кончиков пальцев на ногах, до волос на макушке.

«Этот голос? Где он его слышал? Это было когда-то давно, в прошлой жизни, когда он еще был жив. Наверно он часто звучал рядом, раз запомнился?»

Жив? Он не умер? Конечно же нет, бестелесные духи не чувствуют боли, а он пронизан, оплетен и раздавлен этим нестерпимым чувством полностью, на столько сильно, и безжалостно, что даже стонать нет сил. Голова, живот и руки горят огнем, а спина заледенела. Что с ним? Где он? Кто он?

— Не смей закрывать глаза брат. Только посмей сдохнуть. Подниму и убью. — На щеку упала теплая капля.

Опять этот голос. Как же ему хочется пить.

— Воды. — Искушенные в черствую, лопающуюся кровавыми трещинами корку, губы выдохнули воздух, в котором еле заметно различалась просьба. Но его поняли.

— Сейчас. — Засуетился кто-то скороговоркой, топчась на горящей огнем груди. — Воды нет, но есть лед, я растаю его в ладонях прямо тебе в рот. Только не отключайся, терпи. Быстрые, дерганные движения и...

Он вспомнил этот голос, он вспомнил все, как только первые ледяные капли смочили губы божественной влагой, а первый глоток охладил ободранное горло: «Шишок. Илька. Друг. Как он тут оказался? А змей? Что с ним?». Попытка подняться прострелила спазмом тело, вызвав произвольный стон. Сознание на миг моргнуло черным мраком смерти, и вновь воскресло белоснежным сиянием бесконечности.

— Лежи брат. Ты потерял много крови. Я перетянул ногу веревкой, и засыпал торчащее из раны мясо Ягировым порошком. Хорошо, что я всегда его таскаю с собой на поясе, на всякий случай. Потерпи немного, скоро станет легче. Слабость быстро уйдет. Кровь остановится, а порез зарубцуется. Ты встанешь. Старая карга знает толк в снадобьях. Нужно совсем немного времени.

— Ты как тут оказался. — Глаза Федограна наконец обрели возможность видеть, и его блуждающий взгляд остановился на маленьком, залитым слезами, лице друга.

— За тобой прыгнул. Как же еще? Ты же, пентюх, без меня пропадешь. — Размазал тот слезу, кровавой кляксой, проведя ладонью по щекам. — Пока летел, следом, наблюдал, как ты это чучело Чернобоговское на фарш перемалываешь. Качественно у тебя это получалось.

— Ты ранен? — Вид залитого кровью шишка взволновал сознание Федора, и он оборвал начавшийся было нескончаемый монолог друга.

— Не. Что со мной будет? Это с тебя натекло. — Махнул тот беспечно рукой. — Но ты меня перебил на самом интересном месте. Так вот. Лечу, значит я за вами следом, наблюдаю, и думаю: «Куда ты столько мяса рубишь? Неужели все это съесть придется? Не осилим ведь вдвоем». Но потом, как-то, не до того стало. Скала слишком быстро приближалась. Только чудом не расшибся, плащика-то у меня такого как у тебя нет. Хорошо на склон попал и как на санках съехал. В аккурат к вашим бездыханным тушкам подкатился.

До сих пор зад болит. — Шишок засмеялся, вновь размазав по лицу слезы. — Потом тебя со змеиной шеи стаскивал. Хотел бросить, больно уж тяжелый, но подумал: «Кому я тут байки рассказывать буду, если ты помрешь? Так и от тоски подохнуть можно». Ну а уж затем раны твои обработал, коли уж начал спасать, так чего же останавливаться, да и скучно без дела сидеть и наблюдать, как ты околеваешь потихоньку.

— Балабол. — Улыбнулся Федогран. — Помело. Но ты не представляешь, как я рад видеть твою уродливую рожу.

— Да. Я такой. — Илька гордо выпятил грудь, изобразив колесо и окончательно закатился хохотом, еще больше размазывая окровавленными ладонями по щекам слезы. — Ты не поверишь, братишка, но я тоже рад, что ты жив. — Ткнул он кулаком в плече Федора.

— Я тоже этому рад. — Федогран попытался то же рассмеяться, но не смог, застонав и сморщившись от прострелившего тело спазма.

— Больно? — Сочувственно засуетился Илька. — Полежи немного. Сейчас порошок подействует и полегчает. Подождать надо. Ягирово снадобье творит чудеса. Проверено на собственной шкуре.

Действие волшебного зелья, да еще и молодой организм сделали свое благое дело довольно быстро, и спустя какое-то время наш герой, пусть с трудом и стоном, но самостоятельно, поднялся на ноги.

Шишок тут же заскочил к нему на плече, и пристроившись возле уха, попытался вновь что-то рассказывать, но был безжалостно остановлен, требованием заткнуться и не мешать. Поразмыслить было над чем. Положение тяжелое, можно сказать безвыходное. Как вернуться назад, если даже не знаешь где находишься?

Во время боя, когда все действия происходят скорее на инстинктах, чем на здравом рассудке, задумываться о том: «Что будет потом?», некогда, а вот когда сражение уже позади, раны худо-бедно залечены, перспектива дальнейшего существования становится очень даже актуальной. Умереть от холода и голода, неизвестно где, молодому организму нет никакого желания. Пришла пора решать: «Как из всего этого выбираться?»

Федогран подошел к краю, парящей в бесконечности, скалы и остановился, задумчиво рассматривая открывшееся взору пространство. Один сплошной свет, слепящее пустотой безмолвие. Слева и справа, сверху и снизу, все одно и то же. Взгляду зацепиться не за что, чтобы хоть как-то сориентироваться. Полная темнота и бесконечный свет, они как брат и сестра — близнецы, вроде разные, но до боли одинаковые, пугающие своей бесконечностью, своим отсутствием жизни, полной дезориентацией, и таинственностью загадочного неведения. Ни малейшего представления: «Где находишься, и что делать дальше?»

Так ничего и не решив, Федогран развернулся и склонился над поверженным противником. Теперь можно было досконально его рассмотреть. Удивительное создание:

Удлиненное тело покрыто, вместо костяной чешуи крупными рубинами, поблескивающими внутренним кровавым светом, исходящим откуда-то изнутри, остывающей туши монстра.

Показавшиеся, поначалу, лошадиными головы, на самом деле выглядели, как виденные когда-то, в далеком, ушедшем в прошлое, будущем мире, драконьи морды, с маленькими острыми рожками, сошедшие с картинок, книжек и компьютерных игр.

Лягушачьи лапы, с острыми как бритвы, лезвиями когтей-кинжалов, и кожаными, зелеными перепонками, между пяти корявых, узловатых в суставах, пальцев.

— Давай камешков, покрупнее, с его шкуры наковыряем. — Прошептал заговорщически

в ухо шишок.

— Зачем? — Задумчиво, без всякого интереса ответил вопросом на вопрос Федогран.

— Красиво. — пожал плечами Илька. — Невесте подаришь, ей понравится. Другим раздашь. Воеводе. Князю наконец, он любит такое.

— Нет. Богатство, это одно из того, чем Чернобог прельщает своих последователей. Нам такого не надо.

— Тогда когти ему вырви. Смотри какие из них ножи получаться прекрасные. Перл с удовольствием откует и наточит. — Не унимался Илька, сверкая загорающимися жадностью глазами.

— Тоже нет. У меня уже есть оружие с силой Чернобога, упокоенной светлыми богами, внутри. Боюсь, как бы объединившись, две силы обмана, не принесли вреда больше, чем пользы. Незачем рисковать понапрасну. Мы не в том положении. Помощи ждать, если что случится, недоброе, неоткуда.

— И что же? Вот так вот бросишь все это богатство? Ничего себе не возьмешь? — Удивленно произнес шишок с глубоким вздохом разочарования.

— Одну из голов заберу. Покажу Чашуну. Пусть посмотрит и подумает. Такое знание может пригодиться в будущем. Нам еще не один раз воевать с подобными чудовищами придется. — Произнес парень и горько усмехнулся. — Если, конечно, удастся выбраться отсюда, а я пока не представляю, как это сделать.

Федогран сделал шаг назад и выхватил меч из ножен. Одним точным движением, снес одну из голов со змеиной шеи. Упав, с глухим звуком на лед, та внезапно преобразилась:

Кровь вылилась из рубленной раны горкой пепла, и развеялась по ветру снежной пылью. Лошадиная морда рассыпалась по льду белоснежным прахом подхваченным и унесенным вдаль, внезапно поднявшейся, и тут же утихнувшей вьюгой, оставив, после себя, стальной, рогатый череп.

— Это же драконий шлем! — Воскликнул восхищенный увиденным Илька. — Ай да голова! Вот это трофей! Руби скорее вторую. Будет еще один. Эх жаль третья улетела. На всех бы хватило!

— Нет. — Отрезал богатырь. — Это искушение жадностью. Второй шлем принесет раздор между моими братьями. Подарив его одному, я обижу другого. Это не дело.

— Себе-то возьмешь небось?! — Ехидно усмехнулся шишок.

— Возьму. — Кивнул, соглашаясь головой Федогран. — Вышень говорил: «Забрать то, что сердце советует», так и поступлю. И не зыркай на меня осуждающими глазами. Бог-судья не зря мне это советовал, если бы не его слова, то бросил бы эту гадость тут без раздумий.

— Ну и дурак. — Констатировал шишок, и потрогал парня за мочку уха. — И уши холодные. Что дальше делать будем? — Он спрыгнул с плеча и отбежал в сторону взобравшись на небольшой ледяной склон. — Ну-ка примерь обновку. Посмотрю на тебя со стороны. Может ты в этом головном уборе на чучело похож будешь.

Шлем оказался на удивление легким, и как-то сам себя подогнал по голове, плотно обогнув лоб и затылок по кожаному подшлемнику, так же неожиданно оказавшемуся внутри, стальной полосой. Кольчужная бармица тяжело спала на плечи, надежно прикрыв плетеной сталью шею, а по переносице протянулась защитная полоса.

— Ты сделал правильный выбор. — Прозвучало неожиданно громко, прямо в голове. Голос Вышня, одобрительный и торжественный басил восхищенно. — Теперь следуй в

бесконечность. Отбрось сомнения и страхи. Шагни в вечность и пари над реальностью. Освободи себя от условностей. Следуй за мечтой и ты найдешь выход. — Он замолчал, а потом продолжил тихо и грустно. — Но мне пора, и я уйду. Больше не смогу ничего подсказать. Но мы еще обязательно встретимся. Я верю в тебя богатырь.

— Ты чего застыл, словно непотребное увидел? — Голос подбежавшего и запрыгнувшего на плечо шишка, вернул в реальность. — Что с тобой? Очнись парень, не место мечтам предаваться. Думать надо, как выбираться отсюда?

— Держись крепче, я уже придумал. Сейчас будет страшно. — Рассмеялся Федогран и прыгнул в пространство, залитое бесконечным светом. Смело и безрассудно, вверил свое будущее судьбе и вере в лучшее.

Эйфория свободы от всего, включая страх за собственную жизнь, охватила парня. Вся существующая, терзающая до этого боль от ран и усталости, ушла, прыжком выскочив из тела, не оставив после себя даже следа.

Он задумался над тем, что хочет, и о чем мечтает?

Конечно же вернуться. Нет, не в старый, пропитанный запахами бензина и парфюмерии мир технологического прогресса, где реальность стремительно и неуклонно заменяется красочной картинкой виртуальной жизни, где естественность, безжалостно напичкана усилителями вкуса и запаха. Нет, он мечтает вернуться в новый-старый, безжалостный и суровый, пропахший потом кровью, запахом сена, цветов и любви, мир справедливости. Мир, где его ждут друзья, где его ждет невеста — красавица Алина. Мир, ставший ему домом более родным чем прежний.

— Хочу домой. — Заорал во всю мощь богатырских легких наш герой, и засмеялся.

Впереди, гулким протуберанцем вспыхнуло пламя, закружилось бешеным водоворотом, и погасло, оставив после себя стремительно кружащейся спиралью радужного света тоннель. — Вперед, Илька, — Мы возвращаемся.

— Вперед, только вперед. — Захотел восхищенный друг, расставив руки в стороны, словно пытаюсь взлететь. — Видят боги, как я счастлив. Теперь сказки о наших приключениях, в моем исполнении, будет слушать вся Новгородская нечисть, да что нечисть, все население города, включая мышей, растопырив уши слушать будет. Я счастлив брат. Нырять скорее. Я сгораю от нетерпения.

Их затянуло в мелькающий красками круговорот, стремительно закружив в падении в бездну узкого прохода, ведущего домой. Сзади схлопнулось, глухим шлепком, зевом кляксы чуждой реальности, а впереди, где-то далеко, на грани видимости искаженного пространства, появился кусочек зеленого луга, одинокая березка на фоне лазоревого неба с белоснежными кучеряшками облаков и лента искрящейся голубизной реки.

Еще совсем немного, самую капельку, и они вновь вступят на знакомую, дорогую сердцу землю, на дорогу, ведущую к дому. Вновь засияет над головой жаркое солнце, и они вдохнут, полной грудью, аромат луга, леса, реки, или еще чего-то такого, родного, того куда выкинет их этот удивительный тоннель. Уже скоро.

Падение, или вернее парение к долгожданному выходу оборвалось неожиданно, резко, и дикой болью ожога на правой ноге, рванув на уровне лодыжки. Чья-то сильная, огромная, сотканная из потустороннего мрака, безжалостная ладонь, ухватила Федограна, пылающей яростью, пятерней, и с диким, полным отчаяния и злорадства хохотом, зазвучавшим сразу отовсюду, швырнула в открывшийся рядом, черный, воняющий разлагающимися трупами, новый, параллельный тоннель.

Тьма мгновенно окутала, почти вернувшись домой героев, покрывалом отчаяния. Выхватив, моментально вспыхнувший молниями и солнечным светом меч, Федогран осветил пространство, рванувшее от него с визгом, лоскутами черной боли, в разные стороны, и увидел сочащиеся гноем и кровью полупрозрачные стенки жуткого нового тоннеля, за которыми виднелись тянущиеся к нему скрюченные пальцы, не упокоенных, обманутых в послесмертии Чернобогом, душ. Куда теперь занесет их извращенная фантазия, разозленного, испуганного вторым поражением подряд, лживого бога, богатырь выяснять не стал. Ничего хорошего это не сулило. Он воткнул острый клинок в стенку прохода, и тут же оглох от вопля боли.

Отвратная грязно-зеленая, зловонная жижа, вперемешку с остатками человеческих скелетов, с разлагающимися кусками остаточной плоти на желтых, заплесневелых костях, хлынула из потянувшегося длинного разреза, залив с головы до ног наших героев, и зашипела на новом, драконьем шлеме, как на раскаленной сковородке пузырями запаха разложения.

Падение сразу заметно замедлилось, а вопль сменился в монотонный визг множества страдающих глоток.

— Руби! — Прямо в ухо заорал шишок, отплевываясь и кашляя. — Не останавливайся. Это живая плоть, ведущая куда-то, куда даже представить страшно. Убей ее, пока нас не уничтожили. Быстрее!

Просить два раза не пришлось. Федогран принялся без разбора рубить на право и налево, полосую кишку неведомого чудовища, и в конце концов та не выдержала и лопнула с противным чавканьем, выплюнув их в незнакомую пустынную местность, больно ударив о землю.

Кругом, на сколько хватало взгляда, простиралась бескрайняя степь. Солнце стояло в зените, заливая полуденным жаром пространство. Сочная высокая трава, по колено, с полянками-пятнами вкраплений разноцветных цветов, разбросанных тут и там повсюду. Там белеют ромашки, а вон там, слева васильки отражают небо, а чуть дальше одуванчики и мать-и-мачеха, желтыми солнышками радуют глаз. Картина восхитительная, если бы не одно, но — это новая, полностью незнакомая местность, и путешественники не имеют ни малейшего представления, куда занесло их в этот раз.

Где они? Что делать, и куда теперь идти? Воняющая трупами одежда, слипшиеся зеленой коркой волосы. Ни воды, ни еды, ни лошади. Только меч шлем и впереди неизвестность.

Вновь злодейка судьба швырнула его куда-то. Хорошо если это земля. Тогда хотя бы шанс вернуться остается. А если нет? Если сейчас тут какие-нибудь зеленые человечки повыскакивают, или...?

— Кто-то скачет. — Выплюнув зеленый сгусток гадости изо рта произнес Илька. — Сейчас познакомимся с местным населением. Может даже подружимся.

Глава 14 Ожившие легенды

— Это что еще за чучело? — Илька в удивлении вылупил глаза, возбужденно задержав Федограна за мочку уха.

— Вот это да. — Ответил тот не менее удивленно. — Не думал, что они существуют на самом деле.

— Это куда же нас занесло, что я о таких даже не слыхивал? — Шишок даже присвистнул, не справившись с эмоциями.

— Скорее всего далеко. Но Судя по тому, что тут свободно гуляют персонажи мифов древней Греции, мы на Земле, и это уже радует. У нас явно есть шанс вернуться домой.

— Это какой же из богов над ним так поиздевался? — Илька сочувственно вздохнул. — Даже мне в голову не пришло бы к крупу лошади прилепить тело здорового мужика. Но скажу честно, положив руку на грудь: «Есть в этом что-то такое, что будоражит сознание. Героическое, что ли. Эпическое.» Мне нравится.

Легендарный персонаж из сказок, прочитанных в учебниках истории, приближался, разглядывая из-под прикрывающей глаза ладони, неизвестных гостей, и явно не торопился.

Кентавр! Кто бы мог подумать, что эти полу люди, полужвери, существовали в реальности, а не были вымыслом врунов-философов из древней Греции. Федогран смотрел во все глаза, и не мог поверить в происходящее, слишком это было невероятно, хотя его, пожалуй, уже было сложно чем-то удивить, после всего того, что приключалось с ним в этом мире.

Мускулистое тело атлета и породистого жеребца соединенные в одном теле. Копна пышных, длинных, иссини черных волос, спадала на бугры мышц голой, загорелой до бронзы груди. За плечами длинный тугой лук, а в руках тяжелое копьё.

Лошадиная часть, вороного жеребца, аккуратно переставляла копыта, словно боясь раздавить кого-то в траве, и своей походкой, больше походила на охотящегося за мышью кота, чем на коня.

Не доехав буквально несколько шагов, до застывших в изумлении путешественников, кентавр остановился ровно на таком расстоянии, чтобы в случае опасности, дотянуться острым, стальным наконечником длинного оружия до противника. Голубые, жесткие глаза уткнулись в лицо Федограна внимательным, вопросительным взглядом. Широкие ноздри большого носа, похожего на лошадиную морду, вздернулись в верх, втянув воздух, приняхались к незнакомому запаху, а и так морщинистый лоб еще больше покрылся складками, сведя густые брови удивленным домиком.

— Ты кто? — Всхрипнул кентавр по-лошадиному. — Твой запах мне незнаком, а вид этого недомерка у тебя на плече, говорит, что ты не из этих мест. — Длинное копьё, легко, словно было сделано из пуха, указало на застывшего в удивлении шишка.

— Сам ты недомерок. — Обиженный Илька, мгновенно очнулся, и даже подпрыгнул от таких слов, возмущенно зашипев. — На себя посмотри, четвероноего извращение. Насмешка богов.

— Ого? Оно еще и разговаривает, да еще и дерзит? — Кентавр злобно зафыркал и насупился. — Это где же такие водятся? Отвечай воин. Я не привык долго ждать. — В глазах человека-лошади заблестели огоньки злости.

— Нет. Ты видел, Федогран, какой хам нам встретился на пути? Он явно напрашивается

на взбучку. Я такого не потерплю! — И не дав ничего ответить, и даже понять, что задумал, ловко прыгнул с плеча нашего героя, и прокричав в полете. — Не встречай я сам накажу! — Вонзился зубами в нос дерзкому незнакомцу.

Тот, взревел от боли, отбросив в сторону копьё, и попытался ладонью прихлопнуть агрессора, но не принял во внимание ловкости последнего, и в итоге, с огромной силой, врезал сам себя так, что прослезившиеся глаза сбились в кучу, ну а шишок, тем временем, благополучно избежав наказания, уже перелетел на мускулистое плечо, и вгрызся в толстую мочку вражеского уха.

— Я тебе покажу недомефок. — Злобно причитал он скороговоркой, быстро работая челюстями и сплевывая сочащуюся кровь с уголков губ. — Ты у меня фейфяс профения профить будефь.

Кулак взбешённого кентавра безрезультатно пролетел в том месте, где только, что был маленький агрессор, но Илька, уже, лихо подпрыгнув, перескочил снова на нос, где, сверкнув в голубые, перекошенные болью и злобой глаза врага, ничего хорошего не обещающей улыбкой, куснул за ноздрю, и оттолкнувшись от переносицы, перелетел на другое плечо, впившись в уже другое ухо зубами.

— Фдафайся, гад! Пфоси пофяды! Или отгвыфу пофностью тфой толфтый слуховой офган!

Это выглядело настолько уморительно, что Федогран не выдержал и рассмеялся, сев в траву. По-турецки скрестив ноги, он, поправив меч так, чтобы не мешал, но и в то же время его можно было быстро достать из ножен, в случае опасности, обратился к кентавру:

— Лучше уступи ему. Это недомерок, как ты его неосмотрительно назвал, такой упёртый затейник, что непременно закончит с твоими ушами, а потом приступит отгрызать тебе, что-нибудь другое, и я даже представить боюсь, что именно.

— Убью! — Ревел, в ответ кентавр, махая кулаками, в попытке раздавить врага, но постоянно попадая себе то по носу, то по уху. Он крутился и лягал копытами воздух, вращаясь вокруг собственной оси, пытаясь безуспешно сбросить с себя ловкого противника.

— Пфоси пофяды. — Сплевывал тот кровь с губ, перепрыгивая с одного плеча на другое, но потом, вдруг, ехидно хмыкнув, перескочил на взмыленную спину кентавра, и злобно усмехнувшись, вцепился зубами в холёный, хвост. — Тут я ефе небыф, выплюнул он клок выдранной с мясом шерсти. — Непаханое поле для моих идей.

Кентавр мгновенно рухнул на спину, попытавшись, тем самым, раздавить своего назойливого врага, но не тут-то было, ловкий кромочник мгновенно переместился снова на нос, и заглянув в выпученные от боли и ужаса глаза, безжалостно вцепился иголками-зубами в кончик. — Проси пощады, жеребец, пока я окончательно не разозлился.

— Все, муха, сдаюсь. Ты победил. — Взмолился человек-конь, и обреченно вздохнув, уселся в траву, по-собачьи упершись передними копытами в землю, и вытянув хвост.

— То-то. — Гордо подняв подбородок, Илька спрыгнул с переносицы в траву, но тут же был схвачен огромной ладонью и поднесен к глазам, вместе с нечаянно сорванной, и зажатой в кулаке ромашкой. — Эй, ты чего? — Злобно зашипел он.

— А ну положи, где взял. — Федогран вскочил на ноги и выхватив заполыхавший огнем меч, принял боевую стойку.

— Ого! — Кентавр восхищенно уставился на клинок. — Вот это гости!!! Не волнуйтесь, ничего я не сделаю. Я умею проигрывать. Просто очень интересно рассмотреть, кто же это меня так побил. — Он аккуратно опустил злобно сверкающего глазами Ильку около себя, на

землю. — Так кто же вы такие? Юноша, с силой богов в оружии, и ловкий, говорящий зверек, необычайной смелости?

— Попаданцы мы. — Передернул плечами шишок, словно стряхивая мусор. — Сначала попали в такое место, о существовании которого даже боги не догадываются, а оттуда уже сюда, туда, где шастают такие вот как ты. — Он гневно сверкнул глазами. — То ли лошади, то ли люди. — И ловко взобравшись на плечо Федограна, спросил уже оттуда. — Может расскажешь, что это за место? Куда мы попали?

Кентавр пожал плечами, и ответил с удивленным выражением на лице, словно говорившем: «Странные вы. Об этом вроде и так всем известно?»

— В царство Кносос конечно.

— Очень информативно. — Усмехнулся Федогран, вновь снова садясь в траву. — Может поконкретнее расскажешь. Нам ведь теперь домой дорогу найти нужно.

— Домой? — Задумался собеседник. — Вам тогда с Ариадной поговорить надо. Она все пути на земле знает, ей сам Гермес такое знание подарил. Только вот в печали она. Закрылась дома и не выходит третий день.

— Гермес! — Присвистнул Федогран. — Может тут еще и Зев есть? И игры Олимпийские?

— Про игры не слышал, а Зевс — конечно есть. Как не быть? Это ведь главный бог на Олимпе. Странные все-таки вы. Разве можно такого не знать?

— У нас Перун главный. — Буркнул шишок, и попытался еще что-то злобное добавить, но был остановлен Федограном.

— Слышал я про ваших богов, хотя и немного. Было бы интересно узнать побольше, но сейчас на это нет времени. Домой нам надо. Мы исчезли неожиданно, и боюсь, что наши друзья, кикимору на лоскуты порежут, интересуясь, куда она нас подевала. Мне бы не хотелось этого. Может проводишь к вашей Ариадне?

— К Ариадне? — Задумчиво повторил вопрос кентавр. — Как же я провожу, если совсем вас не знаю? Даже как зовут. Вдруг вы враги? У нас уже такое было. Приам глупость всего один раз совершил, не проверил все как положено, доверился чужакам, впустил лошадку, и нет теперь города. Может и вы злое задумали? Откуда мне знать?

— А тебя как звать-то, недоверчивый наш? — Шишок задал вопрос с таким выражением, словно не слышал рассуждений кентавра, и тот ответил, погруженный в собственные мысли, отстраненно, не думая, мимоходом:

— Хирон. — Но внезапно опомнился и вскочил на ноги, застучав копытами, и зафыркав грозно вздернутыми ноздрями. — Вам это зачем?

— Как зачем? — Нисколько не испугался шишок грозного вида. — Познакомится. Я вот, например Илька, а вот этот богатырь. — Указательный палец ткнулся в шею парня. — Он Федогран. Теперь мы и твое имя знаем...

— А ну сядь! А ты заткнись! — Рывкнул на опешивших, от внезапного окрика, кентавра и Ильку, разозлившийся Федогран, осознав, что шишок, как всегда, превратит разговор в балаган, издеваясь над собеседником, и это в лучшем случае, а в худшем приведет к новой драке. — Мы не можем быть врагами вашему народу, так как впервые здесь, и ничего о вас не знаем, а вот станем ли мы друзьями, зависит от тебя, Хирон. Нам нужно вернуться домой, и если путь туда знает Ариадна, то нам с ней надо поговорить. Если же она, по какой-то причине не выходит из дома, то нам надо знать, почему? Если с ней приключилась какая-то беда, то мы поможем справиться, а она, в ответ, поможет нам. Рассказывай все как есть, без

утайки, все что знаешь.

Кентавр вновь сел, по-собачьи вытянув копыта, что-то пробубнив себе под нос, словно посоветовавшись сам с собой, и приняв наконец какое-то решение начал рассказ:

— Было это еще задолго до войны империй, разрушившей мир. Зевс приказал богу кузнецов и первопроходцев кольчугу. Времена наступали тревожные, и небожитель решил себя немного обезопасить. В жерле Олимпа, в божественной кузнице, из сплавов металлов, изъятых из самого центра земли, переплавленных в огне, зажженном когда-то самим Громовержцем, Гермес изготовил заказ, отливающую золотом, тройного плетения, непробиваемую простым оружием смертных, кольчугу.

Мастер на столько был восхищен своим творением, что, заразив душу жадностью, не смог отдать его заказчику. Он солгал, что у него ничего не получилось, и спрятал сокровище в нем же созданных пещерах, тогда еще незаселенного побережья Срединного моря.

Спрятав, таким образом, кольчугу подальше от глаз высшего бога, Гермес не успокоился, он решил обезопасить ее и от посягательств людей. Для этого, он призвал верного своего адепта Минто, и велел построить на том месте, сверху, над пещерами, город сделав этого дурака правителем, а также выставить охрану, из лучших воинов, у входа в лабиринт.

Ну и совсем, уже в конце, для полной безопасности сокровища, и охраны подземных тоннелей, создал жуткое чудовище, человека с силой и головой быка — Минотавра. Для этого взял частичку плоти новоиспеченного царя и дикого, бесстрашного буйвола, сковал воедино, в кузнице Олимпа, а из получившегося материала, чистой, незамутненной жалостью злобы, изваял живую статую монстра, напитав ее ненавистью ко всему живому.

— Грешат ваши боги извращениями. — Хохотнул шишок, многозначительно посмотрев на кентавра, но тут же замолчал, получив подзатыльник от Федограна.

Хирон, недовольно фыркнув, насупился, но рассказ продолжил:

— Единственное, что он не смог предугадать, так это жадность уже своего слуги, — новоиспеченного правителя. Тот, непонятно каким образом узнав, какое сокровище скрыто в лабиринтах пещер, загорелся алчностью, и вспылал желанием владеть божественным артефактом. Но какие бы награды он не предлагал, тому, кто достанет кольчугу, ни один герой не захотел ввязываться в конфликт бога и жадного царя. Они потом разберутся между собой, а вот крайним сделают того, кто влезет не туда, куда надо.

Тогда Минто сделал то, за что его имя будет проклято в веках. Подлец воспользовался любовью молодого героя Тессия. Он шантажировал юношу, пообещав отдать ему в жены предмет страсти, только в том случае, если он достанет кольчугу, или же, убьет ее, если откажется.

— Это конечно увлекательно, но причем тут Ариадна, и уж тем более мы? — Вновь встрял, оборвав рассказ, ехидный шишок, за что получил очередной подзатыльник.

— Так она и есть та самая дочь. — Вздохнул Хирон.

— Я немного по-другому слышал эту легенду. — Усмехнулся Федогран.

— Это не легенда, а правда. — Обиделся поначалу кентавр, но вдруг вздрогнул от внезапного осознания слов богатыря. — От куда тебе известна эта история, если ты чужестранец, и никогда не был в этих местах?

— А вот это, не моя тайна, и доверять ее тебе я не собираюсь. — Федогран жестко посмотрел в глаза кентавра, и тот не выдержав отвел взгляд. — Рассказывай дальше, если хочешь нашей помощи.

— Тессий, три дня назад, спустился в подземелья и больше не выходил оттуда. Ариадна закрылась дома, и сказала, что будет его ждать, и или дождется возвращения любимого, или умрет от горя и страданий.

Минто рвет на себе волосы, осознав, что натворил, но исправить уже ничего не может. Болезнь жадности у него мгновенно прошла. Такую награду за спасение Тессия назначил, что можно трем поколения безбедно жить, питаясь только амброзией и запивая птичьим молоком. Созывает на помощь всех кого только может, но никто не откликается, и не хочет даже за предлагаемое щедрое вознаграждение спускаться в подземелье. Все предпочитают быть бедным, но живым, а не богатым и мертвым. Я бы и сам спустился, но что я там в узких лабиринтах с такой тушей на четырех копытах делать буду? Застряну, и сожрет меня Минотавр, не подавится.

Геракл вроде готов был взяться, за очередной подвиг, но его довольно сильно помяли. В последней раз, девятиглавый змей его так отделал, что он, после этого, уже второй месяц хромает, и залечивает сломанные ребра. Староват он стал, и в последнее время, все больше подрабатывает у Авгия на конюшне. Хочет там конюхом остаться после того, как очистит конечно.

В общем трагедия у нас, и тут вы появляетесь, ловкие и смелые, неизвестно кто такие и откуда, да еще с мечом наполненным силой богов. Это знак судьбы. Спасите Тессия.

Его лицо стало торжественным и, упав сразу на все четыре колена, и возведя руки к небу, он запел, довольно приятным баритоном:

— О многотимый Зевес, о Зевес не губимый вовеки, Ты нам — свидетель, ты — наш избавитель, ты — наши молитвы! С помощью, царь наш, твоей головы на свет появились: Мать богиня земля и гор вознесенные кручи. Море и прочее все, что под небом широким воздвиглось. О скиптродержец Кронид, извергатель, могучий душою, Всепородитель, начало всего и всему завершенье!

О многотимый Зевес, о Зевес не губимый вовеки, Ты нам — свидетель, ты — наш избавитель, ты — наши молитвы! С помощью, царь наш, твоей головы на свет появились. Мне, многовидный, внемли, вразуми путников, Дай решения им правового, решения безрассудного!

Закончив петь молитву, Хирон поднялся и склонил голову в глубоком поклоне:

— Не за себя прошу. За народ свой, за излечившегося от жадности Миноса, за страдающую красавицу Ариадну, за сгинувшего в лабиринтах Тессия, прошу. Помоги. Погибнет в страданиях царство Кноссос.

— Да, уж. — Задумался Федогран. — И соглашаться не хочется, и отказаться не получается.

— Чего тут думать. — Засмеялся довольный шишок. — Приключения сами в руки идут. Пойдем убьем этого быка-переростка, поможем Тессию, да заодно и глянем, что это за колычуга такая, самим богом сработанная. Мне жутко любопытно.

Кентавр смотрел на Федограна с такой мольбой и надеждой, что богатырь согласился:

— Ладно. Веди. Посмотрим, что там можно сделать.

Глава 15 Трагедия семьи Миноса

В город они входили молча. Федогран с шишкой в восхищении крутя головами, а кентавр, замученный насмешками Ильки, угрюмо опустив голову. В распахнутых воротах их встретила стража двоих полусонных, изнывающих от безделья воинов в кожаных доспехах. Кивнув, в виде приветствия знакомому им Хирону, и скользнув беспечными взглядами по его попутчикам, слегка удивленно задержавшись на шишке, они вновь погрузились в меланхоличное созерцание моря.

Море. Это вообще отдельная история достойная рассказа на несколько страниц. Эффект, впервые увидевшего его Ильки, можно характеризовать как хриплый, убийственный выдох. Еще бы. Ведь даже не раз бывавший на пляжах Черноморья, на каникулах, вместе с родителями Федогран, и тот открыл в восхищении рот.

Внезапным восторгом навалившаяся, на вышедших на пригорок путников, бесконечная гладь до одурения синей, полыхающей зелеными искрами воды, сливающейся на едва различимом горизонте, с чистым, без намека на облака, небом. Волны, огромными волами накатывающие шуршащим приливом на золотой, прибрежный песок, и на фоне всего этого великолепия белоснежный, освещенный полуденным солнцем город. В такой момент поверишь, что сказки существуют на самом деле.

Но я отвлекся. Путешественники шли по мощным мрамором широким улицам, мимо белоснежных домов с колоннадами и фонтанами в уютных, открытых взглядам досужих прохожих, дворики с непременно, в каждом из них финиковыми пальмами. Все белое, даже кровля, и только вот эти растения контрастом выделялись на общем фоне.

Гудящая толпа, следовала по пятам за нашими героями, и начало ей положил один из многочисленных праздных нищих у ворот, выпрашивающих у прохожих не деньги, как это происходит в нашем мире, а еду.

Округлив в удивлении глаза, он ткнул в направлении шишка пальцем, и воскликнув: «Чудо», пошел следом, громко призывая присоединиться к нему остальных горожан посмотреть на диковинку, что те и делали, пестрой толпой, с нескрываемым восторгом, нарастая лавинообразно, как снег на снежный ком, на вылепливаемой детворой снежной бабе, в недавнем прошлом нашего героя.

Когда друзья подошли к дворцу Миноса, толпа стала на столько огромной, что заполнила всю, довольно большую, площадь. Самого царя даже звать не пришлось. Гул переговаривающихся одновременно между собой, нескольких сотен людей, сделал это лучше любого гонца. Встревоженный, с красными от недосыпания глазами, тот выскочил на балкон, и замер, разглядывая недоуменно незнакомцев и сопровождающих их гомонящих горожан.

Колоритный, надо сказать персонаж. Невысокого роста, с заметным, выпирающим вперед, бугорком чревоугодья, животом, какой-то квадратный, что в высоту, что в ширину, что в полноту, весь одного размера. На лысой, от лба до затылка, голове, золотой венец из переплетенных лавровых листьев, хотя Федограну показалось, что они больше похожи на ивовые, стягивал черные, с проседью, кучерявые, как шерсть у пуделя, волосы. Карие, маленькие, умные глаза, близко посаженные к горбатой переносице крупного носа, внимательно рассматривали гостей, как удав кролика, решая: «В каком виде их лучше скушать?»

Надо отдать должное, он быстро пришел в себя.

— Кого ты привел в город, Хирон? — Величественно задрав к небу подбородок, он вытянул руку, указав в сторону Федограна, с развалившимся на его плече шишкой.

— Они пришли с миром басилевс. Они могут помочь твоему горю, и готовы сделать это. Позволь им поговорить с Ариадной. — Кентавр припал на колени и приложил руку к груди.

— Ага. Мы готовы. — Лениво подтвердил шишок и зевнул, за что тут же был наказан подзатыльником и гневным взглядом богатыря.

— Прости Минос, иногда моего спутника заносит, особенно если он волнуется или чего-то боится. — Сгладил неприятное начало разговора Федогран.

— Меня??? — Возмутился Илька несправедливому, как ему показалось, замечанию, округлив удивленные глаза.

— Тебя! — Шикнул в ответ богатырь, грозно нахмутив брови. — Еще раз встрянешь в разговор, можешь забыть и обо мне, и о возвращении на родину. Твои шутки сейчас неуместны. Понял?

— Понял. — Буркнул тот и обиженно насупившись отвернулся.

— Я готов отдать все, что вы только не попросите. — В глазах царя вспыхнула надежда, а задранный подбородок рухнул на грудь. — Только помогите. Спасите мою дочь, освободите из лап Минотавра Тессия. Если он конечно все еще жив. — Взгляд его снова потух. — Проходите во дворец. Вас проводят в мои покои. — Махнул он обреченно рукой, развернулся, ссутулив плечи, ушел.

Четверо стражников, раздвигая древками копий возмущающихся горожан, как ледокол льды, расчистили путь, и почтительно кланяясь, проводили троицу под опирающийся на многочисленные колонны, затененный свод, словно парящего в воздухе, дворца.

Изнутри это здание сияло великолепием, но не той домашней уютной красотой, к которой привык Федогран в тереме воеводы Новгора, или князя Уйшгорода, а другой, сухой красотой строгих линий мертвого мрамора. При первом взгляде охватывает восторг, но жить тут совсем не хочется. Холодно, несмотря на жару, и неудобно, несмотря на все изыски архитектуры. Давит величие на непривыкшую к подобному психику.

В огромном, наполненном светом, и сквозняками полу-улицы полу-зале, состоящего только из изрезанных узорами колонн вместо стен, а также, большого фонтана, изображающего писающего в воду мальчика, при виде которого захихикал, на плече шишок, сидел на мраморном троне, как бледное изваяние, угрюмый Минос.

Как только гости вошли, он поднялся, и пошел им на встречу, чем явно удивил, следовавшего рядом с Федограном кентавра, видимо нарушив своим поведением все действующие ритуалы и правила. В близи это оказался убитый горем, изъеденный морщинами старик, с искрами надежды в блеклых глазах.

— Как твое имя? Воин, не побоявшийся, несмотря на столь юный возраст, бросить вызов самому Минотавру. — Задал он вопрос, остановившись в шаге и буравя гостя внимательным взглядом. — И что за странное, говорящее существо у тебя на плече?

— Федогран. — Смущенно, ответил наш герой, и покраснел, не привыкший к лести, предварительно «шикнув», на попытавшегося возмутится Ильку, которому не понравилось, что его назвали существом.

— Что же привело тебя в наши края? — Минос ловко подхватил юношу под руку и повел в центр зала, где две милые девушки, потупив глаза, уже расстилали, прямо на полу, покрывало, укладывая на него пузатые подушки и расставляя угощения, в виде фруктов и

кувшинов с вином.

— Это длинная история, и я не хотел бы тратить время на ее рассказ. — Федогран аккуратно освободил руку из цепких пальцев. — Могу я поговорить с Ариадной?

— Увы, мой юный друг. Увы. — Вздохнул горько Минос. — Она закрылась в дальних покоях и никого не пускает к себе. Ни ест не пьет. Моя девочка умирает. И виной всему я. Моя жадность. Зачем нужна была эта проклятая кольчуга... — Царь отвернулся и его плечи вздрогнули. — Никто не хочет мне помочь. Все бояться. — Голос его прозвучал глухо. — Все герои отказались! — Внезапно громко прокричал он и повернувшись, со злостью в мокрых от слез глазах посмотрел на парня. — Все! Понимаешь! Все!!!

— Я постараюсь помочь. — Федогран отступил на шаг. — Но мне нужно поговорить с девушкой.

— Бесполезно. — Вздохнул царь. — Присаживайся, угощайся. — Махнул он рукой в сторону накрытого прямо на полу стола. — Я попытаюсь ответить на все вопросы сам.

— Нет ничего проще. — Дернул за мочку уха Илька. — Ждите здесь я быстро. — И не дожидаясь ответа, прыгнул на мраморный пол, скрывшись в еле заметной щели, под одной из колон.

— Куда это он? — Обеспокоенно воскликнул Минос.

— Не знаю, он никогда не объясняет своих поступков. — Федогран пожал плечами и улыбнулся. — Но зачастую они бывают очень полезны. Я так думаю, что мы скоро узнаем.

Действительно ждать пришлось недолго. Шишок появился из той же самой щели, в которой до этого скрылся, и довольный собой взобрался на старое место, плечо друга.

— Сейчас придет. — Хмыкнул он. — Не умеете вы с женщинами разговаривать.

Ариадна появилась практически следом за неугомонным кромочником, и тут же утонула в объятиях бросившегося к ней отца.

— Как это тебе удалось? — Прошептал ошеломленный, стоящий рядом, восхищенный кентавр, не отрывая взгляда от трогательной встречи Миноса и дочери.

— Ничего особенного. — Хмыкнул тот. — Сказал ей, что от голода и жажды, кожа иссыхает и сморщивается, и что во время похорон ее красивое тело будет выглядеть уродливой мумией. Но если она сейчас выйдет поговорить с великим героем, по случаю, проездом, посетившего этот великолепный город, то будет иметь шанс сохранить себе жизнь, и обнять любимого Тессия. Вот и все... — Он наверно еще долго бы описывал свой подвиг, но замолчал, так как к ним, освободившись из объятий отца, подбежала девушка, и буравя заплаканными глазами Федора, заговорила скороговоркой, еле сдерживая рыдания:

— Это ты?.. Тот самый герой, который может победить Минотавра, и спасти Тессия?

Федогран восхищенно замер. Красивая. Очень красивая женщина. Не той домашней нежной красотой, как его Алина, а другой, непреступной красотой гордой царицы.

Высокая, едва ли не ростом с нашего героя, стройная как современная топ-модель изможденная диетами и фитнесом, с подчеркнута перетянутой бордовым пояском талией, на белоснежной тунике, едва прикрывающей колени. Черные, уложенные в замысловатую прическу волосы, украшены бриллиантовой диадемой. Голубые, бездонные глаза, цвета моря, прямой аристократический нос, тонкие губы, и легкая, еле заметная косметика, лишь подчеркивающая нежность юного загорелого до бронзы лица.

— Попробовать освободить. — Поправил ее, смутившись Федогран. — Но мне для этого нужно знать подробности.

— Спрашивай, герой. Ради любимого я отвечу на любые вопросы, даже если они будут

бестактны, и бросят тень на мою честь.

— Ну это вряд ли. — Как всегда влез в разговор шишок...

Ничего нового он не узнал, да в общем-то и не надеялся на это. Главной причиной, встречи, которой он столь упорно добивался, было услышать, что девушка действительно может указать дорогу домой, и получить хоть какие-то гарантии, что она поможет. Он их получил, и потому спускаясь в подземелье, через массивные бронзовые ворота, очень торопился, потому едва не выронил клубок ниток, подарок Ариадны, который должен был помочь не заблудиться в лабиринтах подземелья, а в дальнейшем и вернуться к друзьям.

Очередное чудо загадочного мира, где подарки богов являются реальностью, а не обросшими бородой легендами. Удивительная, скрученная как обычная пряжа нить, слегка покалывающая ладонь, словно сорванная свежая крапива, и светящаяся розовым глубинным светом, лежала в руке.

— Брось его оземь, и загадай место, в которое хочешь попасть. Дальше просто иди по оставляемому следу. Ты его ни с чем не спутаешь. — Объясняла Ариадна, передавая драгоценный дар ему в руки. — Я отдаю его, и верю, что ты взамен вернешь мне любимого. — Сказала и убежала не в силах скрыть хлынувших слез.

Федограна на столько впечатлила эта сцена, что он был готов бросится в бой уже без всяких подарков, потому попытавшегося предложить еще и щедрые дары Миноса, он послал к Морене, и схватив, совершенно не сопротивлявшегося такому обращению кентавра, за руку, потащил того вон из дворца, показывать вход в подземелье.

Федогран едва не подрался с шестью дюжими воинами, охранявшими вход, которых никто еще не успел предупредить о его приходе, но благодаря объяснениям Хирона, кровопролитья удалось избежать, а запыхавшийся, подоспевший царь, с выпученными от натуги глазами, глотая слова, велел немедленно открыть ворота и впустить героя внутрь, дабы тот смог совершить свой великий подвиг.

Встреча с монстром нашего героя не особенно беспокоила. Пережитые за время присутствия в этом древнем мире приключения, вселили в душе героя уверенность в своих силах. Наверно, ввиду юного возраста, сделали его даже чересчур самонадеянным. Но давайте не будем его винить в этом, чередой пусть и не бескровных, но уверенных побед над противниками во много раз, превосходящими по силе, даже у взрослого и опытного человека поселит в душе эйфорию, и его убеленная сединой голова пойдет кругом, а уж у молодого парня и подавно.

Клубок нитей Ариадны, быстро покатился вперед оставив розовую, светящуюся полоску, показавшую правильный путь в бесконечных, вырываемых из мрака, захваченным Федограном у входа, факелом, ответвлениях пещеры. Из-за панически закрывшихся за нашими героями створок ворот, сгустившаяся темнота, клочками рвалась, разлетаясь, под напором пламени, освещающего огненными бликами пространство, и вновь смыкалась, вверху, скрывая невидимый глазу свод.

— Крысиная нора, а не лабиринт. — Пробурчал шишок передернув плечами. — Меня трудно удивить подземельями, но тут я чувствую себя неуютно. Кормом я тут себя чувствую. — Угрюмо добавил он.

— Только крыса тут живет очень большая, и она скорее всего подавится угощением. — Хмыкнул Федогран. — Пойдем ее поищем, заодно и героя местного выручим, если он жив еще конечно.

Илька кивнул в ответ. И друзья двинулись по подземелью, в след за убежавшим куда-то

подарком Ариадны. Приподнятое настроение, как-то быстро скатилось на «нет», сменившись хмурым ожиданием неприятностей, а торопливость тоже сбежала, следом, оставив после себя расчетливую неторопливость. Теперь по подземным переходам шел не пышущий азартом мальчишка, а расчетливый воин, плавно, по-кошачьи переставляющий ноги.

Несколько шагов по освещенному пространству, и выставленный вперед меч, в сильной руке, заглядывает, пылающим жаром лезвия, в очередной проход. Подарок богов, с частичкой мрака первым встретит внезапную атаку. Но пока все спокойно, и богатырь с верным спутником идет дальше, чтобы уже на следующем перекрестке все повторить вновь.

— Почему она не отдала его своему жениху? — Прервал гнетущее молчание Илька.

— Кого? — Не понял неожиданно заданного вопроса Федогран.

— Клубок, конечно, кого еще. — Огрызнулся тот. — Чего тут непонятного.

— Не успела. — Послышался голос из очередного темного прохода.

Федогран моментально развернулся в ту сторону, приняв боевую стойку:

— Ты кто? — Сверлил он взглядом говорящую тьму, пытаясь рассмотреть говорившего.

— Когда-то был героем, а теперь... — Голос на миг смолк, а потом выплюнул со злостью. — Теперь — трус.

— Ты Тессий? — Федогран опустил меч жалом в землю. — Слава богу жив. Там тебя Ариадна заждалась. Помирать собралась от горя, а ты тут сидишь. Пошли на волю, на свежий воздух.

— Я не посмею показаться ей на глаза. Я не выполнил требований отца, и не добыл кольчугу. Я струсил. Я недостоин ее красоты.

— Ты на свет-то выйди, а то, как с привидением с тобой разговариваем. — Хмыкнул шишок. — Эко тебя как... — Голос его стал внезапно серьезен.

В свете факела, из темного провала пещеры показался высокий черноволосый мужчина. Подволакивая окровавленную ногу, используя меч как трость, он скорее полз, чем шел, только чудом не падая при каждом движении. Ссутулившаяся спина и опущенные плечи, оупленный взор карих, не смеющих подняться глаз. Своим видом он напоминал скорее потертого жизнью, разочаровавшегося в своих надеждах, глубокого старика, а не воина, ищущего славы. Разорванная щека с проглядывающими белыми зубами сквозь покрытую коркой запекшейся крови, вперемешку с землей, жуткой ране. Неестественный оскал разорванного рта. Жуткое зрелище живого мертвеца.

— Так мне на всех на вас порошка Ягириного не хвати. — Буркнул угрюмо Илька, и перепрыгнул к попытавшемуся от него отстраниться Тессию на плечо. — Не дергайся, а то шрам некрасивый получится, с мордой кривой девки любить не будут. Скоро я уже штатным лекарем у Федограна подрабатывать начну. — Забубнил он, безжалостно протирая рану вытащенной откуда-то тряпкой и посыпая порошком, не обращая внимания на стоны своего неожиданного пациента. — Еще ногу посмотрю и передохнем тут немного. Заодно расскажешь, что случилось...

Глава 16 Минотавр

— Он непобедим. — Такими словами закончил свой рассказ Тессий, и откинулся спиной на стену пещеры, вытянув раненую ногу и прикрыв устало глаза. — Я взялся совершить подвиг, но не смог убить врага и добыть кольчугу. Если вернусь в мир, то мое имя будет покрыто позором. Уж лучше умереть. — Прошептал он со вздохом и замолчал.

Федогран сидел рядом и думал. Было над чем поразмыслить. Обещание Ариадне «Вернуть любимого», становится трудновыполнимым. Ни в какую упрямый Тессий не желает выходить из пещеры без трофея. Этот упертый герой, вбил себе в голову, что покроется позором, не выполнив обещание. Хотя... Скорее всего он прав. Этот мир держится на понятиях доблести и чести, а сдержать слово для воина, как в общем-то и для любого нормального мужчины, это норма. Не выполнить обещание, это позор.

Вот вроде бы плюнул наш герой на данное Ариадне слово. Тессия он нашел, и не его вина, что этот упрямый герой-осел не хочет возвращаться. Так нет. Не может. Совесть не позволяет. Потому сидит, и думает, как тот диванный интеллигент-эксперт, с вечным вопросом в сонных глазах: «Что делать?», и непременно, без тени сомнения ответом на все: «Что-то надо».

Тут эта демагогия не пройдет. Тут мир другой. Рассуждениями о невозможности выполнения данного обещания, ввиду непредвиденных обстоятельств, сопливыми слезами, и попыткой надавить на жалость, тут не отделаешься. Сказал, значит сдохни, но сделай, сдержи слово.

— Так значит из зала в центре лабиринта он не выходит? — Прервал затянувшееся молчание, нарушаемое только шипением огня факела, Федогран, крутя задумчиво клубок ниток Ариадны в руках. К этому путеводному мотку претензий нет, привел точно к задуманной цели. Туда куда надо. Путь к пропавшему герою указал правильно.

— Нет. — Мотнул головой Тессий. — Не любит тоннели, слишком большой, неудобно ему тут ходить.

— Так давайте к нему сами сходим, посмотрим, что это за Чудо-Юдо такое. — Подпрыгнул шишок. — Там и подумаем. Чего тут попусту сидеть. Темно, сыро, и вообще противно. Вон раны у Тессия затянулись уже. Бегать конечно еще рано, но двигаться сможет. Потерпит если больно. Чай не девка красная.

— Я готов. — Поднялся, поморщившись, на ноги новый знакомый. — Надо будет уму...

— Что ты заладил все: «Умру да умру». — Пробурчал недовольно Илька. — Вот все вы герои — эгоисты. О нас подумай, дурья башка. Нам-то потом как возвращаться без тебя, как в глаза твоей ненаглядной смотреть прикажешь. — Он гулко постучал себя костяшками пальцев по голове, выпучив глаза, показывая степень своего отношения к умственным способностям Тессия. — То-то. Думай прежде, чем говорить.

— Можешь помолчать. Балабол. — Улыбнулся Федогран. — Хотя, наверно, в чем-то ты прав. Нужно посмотреть на этого Минотавра. Разглядим поближе, может что на ум придет. Тем более что никакой опасности по пути к его логову нам не грозит. — Он встал, потянулся, расправив плечи, и кинул клубок на землю. — Веди катушка, показывай путь.

— Перун нам в помощь. — Засмеялся, запрыгнув на свое излюбленное место, на плече у богатыря, довольный Илька.

— Защити нас Зевс. — Буркнул угрюмый Тессий.

Дорога оказалась довольно длинной. Петляла и изворачивалась, пытаясь запутать путешественников, закрутить в нескончаемом лабиринте все новых и новых проходов. Если бы не блекло-розовая светящаяся на земле подсказка, оставленная убежавшим куда-то глубоко во мрак клубком, то вряд ли наши герои достигли цели. Сгнули бы в бесконечных коридорах, построенных извращенной волей Гермеса. Но все когда-то заканчивается.

Впереди, из-за очередного поворота, блеснул тусклый огонек, который при приближении, все более и более наливался, превращаясь в залитый светом от факелов, вход в огромный подземный зал.

— Ты не говорил, что тут будет так ярко. — Прикрывая ладонью, привыкшие полумраку глаза, пробурчал обращаясь к Тессию шишок. — Глаза режет и ничего не видно.

Новый знакомый, не зная, что ответить, только пожал плечами.

— Постоим, подождем немного, глаза привыкнут. — Федогран остановился, и поморщившись отвернулся. — Не думал, что от факелов может быть столько света.

— Эти светочи зажжены от огня, пылающего в божественной кузнице самого Гермеса, на вершине Олимпа. Их свет изгоняет злых духов и очищает души. — Заговорил зажмурившийся, спасенный герой, гордо подняв подбородок, и едва не уперевшись носом в свод пещеры

— То-то тут Минотавры развелись, а великие герои от них убегают. — Не мог в ответ не съязвить Илька и ехидно усмехнулся. — Прямо святое место, а не гадюшник с быками переростками.

— Хватит. — Одернул друга Федогран. — Твой язык тебя, когда ни будь погубит... У меня, по-моему, глаза уже немного привыкли.

— И у меня. — Кивнул тот в ответ.

И... — Тессий договорить не успел.

— А вот и гости пожаловали. — Загремел из слепящего прохода мощный бас. — Одного я знаю, недавно пообщались душевно. Как нога? Герой. — Разразился голос мощным хохотом. — А вот второй, новенький, да еще и с говорящим крысенышем на плече. — Смех сменился на зловещий шепот. — Проходи, новичок. Поболтаем.

— Это кого это чучело-переросток крысенышем назвало? — Илька вытянулся во весь рост, ехидно сощурился и уперевшись кулаками в бока. — На себя посмотри, ошибка природы, неудачная шутка богов. Смердящая туша мяса...

— Ого! Наконец-то достойный собеседник. Не боится и в драку не кидается. Заходи. Поболтаем. Я вином угощу. Триста лет ни с кем за столом не сидел. — Голос минотавра стал заинтересованным.

Глаза друзей наконец окончательно привыкли к свету и появилась возможность рассмотреть говорившее с ними существо. Впечатляющее надо вам сказать зрелище.

Все эти сказки про то, что минотавр имел гигантский размер: или вранье, или плод панического состояния духа рассказчика во время его трепетной встречи с монстром, как говорится в поговорке: «У страха глаза велики». Да, очень большой, этого у человека-быка не отнять, в два человеческих роста, но Федогран видел чудовищ и побольше, например Баш Челика, или того-же крылатого червя, от которого освобождал рощу Березении, так что размерами был не удивлен, но вот в остальном...

Тело мужчины, сплошной клубок перекачивающихся под коричневой, цвета молотого кофе, кожей стальных мышц, перевитых канатами выпирающих жил. Ключки черной,

кучерявой шерсти пуделя переростка, слегка подернутых налетом пепельного цвета, покрывали грудь и кряжистые короткие ноги, не затрагивая ступни, кубики пресса и широкие плечи, зато сползали по предплечьям на кисти рук, на манер наручней. Талию и узкие бедра прикрывала короткая набедренная повязка красного цвета, единственная присутствующая одежда.

В руке, с кулаком, размером больше головы нашего героя, он держал огромное, черное, с пылающим бликами отблесков огня на стальном наконечнике, копье, выглядевшее как зубочистка, воткнутая в канале.

Но главное, все же, это голова. Как будто отрезанная от животного, и прилепленная к человеческой фигуре руками хирурга — скульптора извращенца, и так ловко, что смотрелась естественно на своем месте, словно так и было задумано природой.

Короткие загнутые ко лбу, стальные рога, красные, налитые кровью, маленькие глаза, и вздернутые в верх черные ноздри на вытянутой, коричневой, звериной морде, пышущие клубами густого пара, из-за пылающего внутри груди огня, дополняли сюрреалистическую картину.

— В гости говоришь? — Хмыкнул шишок и спрыгнул с плеча на землю. — Ну что же накрывай на стол, я иду.

— Куда?.. — Попытался остановить друга Федогран.

— Туда. — Мотнул головой Илька, смело входя в огромный зал, где встал напротив минотавра, словно блоха напротив собаки. — Ну и чего стоишь? Звал так угощай, что там у тебя за чудо такое, что вином называется, не пробовал ни разу.

— Ну раз так, то и я хочу попробовать. — Федогран, вошел следом и встал рядом, плечом к плечу.

— И я хочу. — Тессий угрюмо посмотрел монстру в глаза и тоже вошел в пещеру, прихрамывая на раненую ногу.

— Вот так радость. — Минотавр швырнул, широким жестом, в сторону от себя копье, и растянул толстые бычьи губы в улыбке, обнажив крупные, слегка желтоватые зубы. — А то все биться, да биться! Выходи чудище на смертный бой, да выходи на бой. Нет, чтобы вот так, по-доброму... Посидеть, поболтать... — Захохотал он, и, с видом радушного хозяина, взмахнул рукой, указывая на расстеленное на полу белое покрывало с расставленными там глиняными кувшинами, с узкими горлышками, серебрёнными кубками и разнообразными фруктами. — Проходите гости дорогие. Присаживайтесь. Угощайтесь.

С непринужденным видом, словно делал это ежедневно, шишок прошел у него между ног, обошел вокруг стола-скатерти и сел, скрестив ноги:

— Ну если стульев нет, то и так неплохо. — Усмехнулся он и махнул рукой остальным. — Присоединяйтесь. Хозяин оказался душкой.

— Наглец. — Засмеялся минотавр, и сел рядом. — Но ты мне нравишься.

Если шишок, сделал вид, что ничего особенного не происходит, то остальные были настолько обескуражены происходящим, что садится не спешили, застыв мраморными изваяниями, и хлопая недоуменно глазами.

Ничего удивительного. Они шли сражаться с жутким, непобедимым монстром, а вместо этого оказались приглашенными к столу. Правда милой, улыбку радушного хозяина можно назвать с большой натяжкой, представьте себе улыбающегося быка — дрожь по телу пробирает, не правда ли, так, что понять их нерешительность можно.

Первым в себя пришел Федогран:

— Это от куда же у тебя все это угощение, в безлюдной-то пещере? — Задал он первый пришедший в голову вопрос, чтоб хоть как-то скрыть свою растерянность, и сел на покрывало, но так, чтобы в любой момент вскочить, и быть готовым к драке. Не верил он этому странному существу, так быстро меняющему настроение. Слишком все происходящее было неправдоподобно.

— А... Не бери в голову. — Махнул беспечно рукой минотавр, едва не зацепив сажающегося рядом с ним Тессия. И буркнув тому, мимоходом. — Извини. — продолжил. — Это Гермес меня снабжает. Говорит: «Что бы не скучал». Но разве жратва и вино заменят добрую компанию. Скучно мне. Поговорить нескем. А любой, кто приходит сюда, пытается убить. Вот где справедливость? — Он, выпучив глаза, оглядел сидящих около него гостей, словно ища поддержки. — Если тебе кольчуга нужна, или еще чего, так спроси. Может я и так отдам.

— Кольчуга мне нужна. Отдай. — Рассмеялся шишок.

— Э, какой хитрый. На слове меня решил поймать. Не получится. Давай соревноваться? Кто победит, того и кольчуга. — Хлопнул хозяин пещеры ладонями себе по коленям.

— Это в чем же? Надеюсь, не в беге? А то со мной тут недавно, один такой уже посостязался, то же уверенный в себе товарищ был, так проиграл простому червяку, не то, что мне. Ты как? Готов побегать. — Загорелся идеей легко добыть кольчугу Федогран.

— Не. Не люблю я этого. Одышка, да и потею дюже вонюче. Давай, кто кого в вине перепьет. — Минотавр с такой надеждой посмотрел на парня, что тому даже стало неловко, за мысли об обмане.

— Куда тебе с ним соревноваться. — Засмеялся Илька, подмигнув Федограну, предупреждая, чтобы тот не вмешивался. — Он лучший в этом деле, среди всех пьяниц княжества Ураслав. Давай со мной лучше посостязайся. Хоть небольшой шанс победить, но будет. Могу фору, в пару кувшинов дать?

— Мне!!! — Минотавр даже подскочил от возмущения. — Я сначала тебя наглеца мелкого в чистую перепью, потом лучшего пьяницу княжества Ураслав — друга твоего, пьяным уложу, в полную прострацию, а затем на закуску, героя вашего — Тессия, спать отправлю. Вы еще у меня, у трезвого, утром похмелиться просить будите, а я смеяться буду, над вами — слабаками, но так и быть, сжалюсь и дам. — Он, довольный своей речью, сложил на груди руки, и гордо задрал подбородок.

— Ну, раз от форы отказываешься, то наливай, хотя погоди. — Совсем не впечатленный длинным, хвалебным монологом, шишок ткнул в севшего рядом с ним минотавра пальцем. — Как-то неудобно получается: за стол сели, напиться до потери сознания готовы, а как друг друга зовут не знаем. Давай знакомится. Я Илька, вон тот хмурый парень, который недоверчиво тебя глазами пожирает, то мой названный брат Федогран, а вон того, угрюмого, что взглядом пол буравит, ты уже знаешь.

— Так это... — Замялся хозяин лабиринта. — Нет у меня имени.

— Это как?

— Не дал Гермес, когда создал. Минотавр и минотавр. Один я такой, на всем белом свете.

— Вот так незадача. Как же ты бедолага живешь?.. Безымянным? — Закачал сокрушенно головой шишок. — Ладно. Будешь: «Крепышом».

— Почему Крепышом.

— А почему бы и не Крепышом? Отличное имя, и тебе подходит. Наливай давай, заодно

обмоем.

Минотавр задумался, пожевал губами, словно пробуя на вкус, довольно хмыкнул, одобрительно кивнул и улыбнулся:

— Мне нравится. — Он взял в руку-лопату кувшин, выдернул, с глухим хлопком, зубами, деревянную пробку, и небрежно, с видом знатока, разлил по двум кубкам, темно-красного, тягучего вина, но внезапно что-то понял, и спохватился, удивленно уставившись красными, сомневающимися глазами в собутыльника. — Ты же маленький совсем? Как пить собираешься? Уж не говорю о том, чтобы в руки взять, ты ведь и до края посуды с трудом достанешь. Да и не поместится в тебя столько вина.

Шишок вытянул вперед обе руки, сделав ладонями характерный знак: «Будь спокоен», и запрыгнул прямо на край кубка. Со словами: «Не пьянства ради, а победы для», вытянув губы в длинную трубочку, высосал все, до самого дна. Почмокал, скривился и выдал вердикт:

— Кислятина. Наш мед лучше будет. Но забористое, зараза. — Затем взглянул минотавру в глаза. — Что смотришь. — Пей давай, да по новой наливай.

— Силен. — Хмыкнул тот, опрокинув в себя кубок с вином, и закинув в рот целиком персик захрустел, пережевывая косточку. — Закуфывай, не фтефняйся.

— Вот еще. Кто же компот закусывает? Ты давай не отлынивай. Сколько можно ждать, разливай, а то я засохну.

— Уважаю. — Засмеялся тот и налил по второй. Крякнул, быстро осушил кубок, и уставился, ехидно уставившись на Ильку. — Ну?..

Шишок пожал плечами, высосал вторую дозу, и укоризненно закачал головой:

— Ты давай закусывай, бугай, а то свалишься раньше времени, я и жажду так утолить не успею. Придется одному пить.

Ответом ему был громкий хохот упавшего на спину Крепыша.

— Вот же маленький наглец. — Сквозь смех выдыхал он слова. — Это же надо мне такое сказать.

— А можно и мне кубок? — Послышался робкий голос Тессия. — Очень пить хочется.

— Конечно друг. Это хорошо, что ты не затаил обиду. Но, согласись, ты сам виноват. Зачем в драку кинулся? — Минотавр прекратил смеяться и сочувственно посмотрел на героя.

— Ну я же не знал... — Попытался тот оправдаться, но был остановлен взмахом огромной руки

— Ааа... Забудем. Присоединяйся. Да ты наверно голодный. Погоди. Я сейчас.

Он подпрыгнул, ловко встав на ноги, скакнул куда-то, в один из многочисленных выходов из зала, и тут-же вернулся, в одной руке, с зажатой под мышкой, целой тушей жаренного барана, а в другой, с пятью кувшинами, висящих на пальцах ладони как перстни. Сделал он это на столько легко, словно не весил тонны полторы, а был соткан из лебяжьего пуха.

Что? — Вопросом в глазах, ответил он на недоуменные взгляды сидящих за столом гостей. — Теперь нас уже трое пить будет. Может еще и юноша присоединиться? Тогда четверо. Мало на всех вина, вот я и захватил еще, чтобы больше не бегать. Угощайтесь. Он кинул на стол тушу, которая, упав, расколола большой арбуз, брызнув соком в глаз шишка.

— Вот же увалень неуклюжий. — Пробубнил тот вытираясь краем покрывала. — Наливай морда твоя бычья, а то я уже почти засох.

— Я тоже наверно присоединюсь. Когда еще такого выпить придется. — Улыбнулся

Федогран и взял в руки кубок. — Только немного. Не любитель я этого.

Минотавр, с ловкостью профессионального бармена разлил темно-красную, с фруктово-цветочным ароматом жидкость.

— Я тоже не любитель. — Рассмеялся он и подмигнул шишку. — Я профессионал. — Он встал, вытянувшись во весь рост и торжественно продолжил. — За вас друзья. Слава Гермесу, меня создавшему, и пославшего мне такую компанию. До дна!

Глава 17 Кольчуга

— А ты почему не пьянеешь?

— Так это. — Замялся голос. — Когда меня Гермес создавал, Бахус заклятье трезвости наложил. Он как раз тогда в кузницу зашел, вот гад и отметился, ради шутки. Скучно ему было. А ты почему?

— Квасура постарался, ну это вроде вашего Бахуса — то же бог, и то же выпить не дурак. Он тогда к Стрибогу по делам каким-то заходил, да за столом задержался. Хозяин-то мой бывший, выпивку не любит, вот тот меня к себе в собутыльники и взял, чтобы значит не одному медом наливаться. Ну а что бы я не пьянел, и пил с ним на равных, вплеп в меня воронку трезвости, она невидимая, из черной материи скроенная, но, несмотря на это, дурь в себя алкогольную, мозги в непотребство искривляющую, хорошо всасывает, вместе с медом хмельным. Оставляет только вкус приятный. Так что сколько в меня не залей, все в землю уйдет, а я, словно и не пил вовсе.

Этот голос Федогран вспомнил быстро, а вот кто второй собеседник, оставалось загадкой, которую плавающий в тумане мозг, никак не желал идентифицировать с постоянно уплывающей картинкой. Можно было, конечно, открыть глаза и посмотреть, но сил на это не было, они намертво слиплись, и еще голова болела так, словно по ней весь день колотила дубинами княжеская дружина, отрабатывая удар конной лавы прямо в лоб, а заодно, какой-то шутник, для полноты ощущений, в рот насыпал речного песка, и туда, все кошки, какие только существуют в округе, отметились с полным старанием, наполнив его смрадом.

В памяти, рваными урывками проскакивали бессвязные, тусклые кадры: бычья морда; бычья морда с шишкой на носу, размахивающего руками, и что-то доказывающему в удивленные красные глаза; какой-то спящий и громко храпящий парень, свернувшийся калачиком вокруг кувшина и положивший голову на расколотый пополам арбуз, которому Федогран рассказывает, вытирая текущие по лицу слезы, о своей Алине; затем, он дирижирует мечом и поет: «Черный ворон», а знакомая бычья морда, с Илькой на плече, подпевает: «Что ты вьешься».

Вспомнил! Этот, со звериной мордой — минотавр, а тот калачик вокруг кувшина — Тессий.

Это же сколько он выпил?

Тогда, с Ванькой, было легче, ни провалов в памяти ни нестерпимой боли в голове, только веселое настроение, желание покуражиться — свернуть горы, а также, синяки на заднице, от отцовского ремня, но это уже потом, дома. Он улыбнулся воспоминаниям, но тут же застонал от прострелившей голову боли.

— О! Один очнулся. — Раздался смех, и в нос пахнуло отвратным запахом спирта, сдобренного какими-то травами и фруктами. Федогран с трудом открыл один глаз, второй намертво слипся ресницами. Прямо над ним склонилась улыбающаяся морда быка, с вычурными глазами, и уткнувшийся в нос серебряный кубок. — На отхлебни, говорят помогает.

Желудок мгновенно свело спазмом, и парня вырвало кислотой, прямо в уткнувшуюся в рот посудину с вином.

— Да, уж!!! — Заржал, хлопая толстыми губами монстр, выплескивая испорченный

напиток на землю, и стряхивая с себя брызги. — А я почти поверил, друг Илька, что этот парень, несмотря на юный возраст, действительно чемпион по пьянству. Это надо же так врать. Мастак ты кромочник.

— Подумаешь. — Улыбнулся шишок, сидя у того на плече, вальяжно откинувшись спиной на бычью шею. Он ни грамма не смутился, и не обиделся. — Зато мы душевно посидели все вместе, и приятно провели время за дружеской беседой, познакомились наконец поближе. — Он сунул в рот виноградину, переживал и выплюнул косточки. — Разве моя невинная ложь, не стоила этого? Скажи? Не стоила? И нет в том моей вины, что кто-то пить не умеет. — Хмыкнул он.

— Стоило, стоило. — Не прекращая хохотать ответил Крепыш. — Но надо второго пьяницу будить, а то собираться пора, а он дрыхнет. Не тащить же его на себе, к его же собственной невесте?

— Так. Стоп. — Федогран окончательно проснулся, и память полностью вернулась в наполненный болью мозг. Здоровье не улучшилось, тошнило еще сильнее, но способность мыслить снова поселилась в голове. — К какой невесте? Он же не пойдет без кольчуги никуда?

— Ты что, ничего не помнишь? — Минотавр удивленно уставился красными, сверкающими огнем глазами, на парня. Тот не менее удивленно замотал головой:

— Нет. А что было?

— Так мы же все решили, и даже скрепили дружественным рукопожатием. — Начал объяснять происходящее Илька. — Кольчугу Крепыш отдает тебе, но с условием, что она не попадет в руки к жадному Миносу, недостойн такой царь иметь божественный артефакт, да и опасно это. Боги непременно заявятся забирать свое, и лучше подальше кольчугу увезти, а то разрушат небожители город, камня на камне не оставят, и жителей не пощадят. Крепыш то же отправляется вместе с нами, в Новгород, мед пробовать, у них тут такого нет, но и опять же с условием, что ты поможешь ему от Гермеса и Зевса отбиться. Ты, со всем этим согласился, и сказал, что у тебя есть план.

— Ничего не помню. — Еще сильнее замотал головой Федогран. — И что дальше было?

— Ничего. Сказал, упал и уснул. — Засмеялся шишок.

— А где кольчуга?

— Так ты на ней сидишь. — Крепыш ткнул пальцем, указав, куда нужно смотреть.

Федогран привстал, вытянув из-под себя предмет божественной экипировки, из-за которого кипели все эти нешуточные страсти. Что сказать. Действительно великолепная вещь. Многочисленные переплетения переливающихся золотом колец создавали впечатление кучерявых завитушек, на шкуре овцы. Наверно, поэтому, до наших времен и дошла легенда не о золотой кольчуге, а о золотом руне, очень уж было похоже. Металл, точная копия своего благородного визави, на самом деле, ни чего общего с ним не имел, и был на удивление легок и прочен, а также обладал удивительной особенностью — светился теплым, еле заметным глубинным светом. Действительно божественная вещь, глаз не оторвать.

— Красиво. — Парень покрутил в руках кольчугу и положив ее рядом с собой, потерял к ней всяческий интерес. — Так что нам теперь делать? На сколько я понимаю, от нашего решения: «Не отдавать кольчугу Миносу», — тот не будет в восторге и придет в ярость, а покинувший лабиринт минотавр, навлечет на нас еще и гнев местных богов, которые, в добавок ко всему, еще и сцепятся между собой, выясняя отношения, кто из них кого обманул,

и все это одновременно, и опять же, из-за кольчуги.

Но и это еще не все. Есть еще одна проблема, и это Тессий. Герой-любовник, согласно опять же нашему решению, не выполнит данного слова, и не принесет трофей жадному царю, потому будет считать себя трусом и лжецом, и предпочтет умереть в пещерах, а в итоге всего этого, пострадает Ариадна, которая любит упрямого барана, не желающего поступиться своими принципами ради девушки. Ну а я, естественно, не выполню обещания, данное ей, вернуть жениха.

Все на столько замечательно складывается, что я совсем не хочу выходить из этого подземного лабиринта на свет. Что молчите? Или я не прав, и вы знаете что-то этакое, чего не знаю я? — Он провел взглядом по затихшим, угрюмым лицам. — Не стесняйтесь, говорите.

— Что-то ты, как-то все это разрисовал мрачно. — Почесал меж рогов голову Крепыш. Вчера все выглядело на много привлекательнее.

— Попить дайте что-нибудь. — Подошел, покачиваясь Тессий. За разговором никто даже и не заметил, как он проснулся. Сделав несколько глубоких глотков из протянутого Крепышом кубка, он сел рядом. — Я все слышал. — Пробурчал он недовольно поморщившись. — Ни какой я не упертый баран, и все понимаю. Я согласен нарушить данное Миносу слово, тем более что дано оно было под давлением, вытребованное с помощью обмана и шантажа. Я выйду из лабиринта, встречу с Ариадной, и возьму ее в жены.

— Если доживешь до свадьбы. — Пробурчал шишок, как-то несвойственно для него, немногословный.

— В порту стоит корабль моего друга. Мы прорвемся туда и убежим. Море скроет нас. — Посмотрел на него Тессий.

— Скажи еще мне, что корабль — это Арго, а друг у тебя Ясон, или Одиссей, в крайнем случае.

— Ясон. — Подтвердил, удивленно разглядывая Федограна тот. — И корабль Арго. Все правильно. От куда ты знаешь?

— Изучал в свое время, только совсем в другой интерпретации и немного с другими героями. Но на данный момент это не имеет никакого значения... И не буравь меня вопросами во взгляде, все равно не расскажу. Это не моя тайна. — Довольно резко оборвал он попытку героя подложить разговор. — Ну раз одна проблема разрешилась, давайте думать, что будем делать с остальными, а они будут посерьезнее.

Шли довольно долго. Прекрасно знающий дорогу, идущий впереди минотавр, вел лучше всякого путеводного клубка, но он также и был причиной задержек. В силу своего огромного роста, человек-бык постоянно цеплялся рогами за потолок, и колотился головой о свод, осыпая себя и сзади идущих каменным крошевом. Громкая ругань Крепыша бежала впереди двигающейся процессии, задолго предупреждая об их приближении, хотя, в общем-то, волноваться было не о чем, сюда с поверхности, давным-давно никто уже не спускался, кроме влюбленного Тессия, и вероятность попасть в засаду была равна нулю, да и не ожидал Минос, что ему не отдадут вожаделенную кольчугу. Ждал, и надеялся жадный царь.

Выругавшись очередной раз, после особенно болезненного удара о низкий свод, минотавр замер.

— Там наверху драка. — Произнес он, шипя от боли и потирая лоб. — Кто-то сражается у входа. Может подождать, пока успокоятся, а потом выйдем. Не хочется мне сегодня никого

убивать. Настроение не то.

Действительно, когда все остановились, прекратив топтать ногами и переговариваться, то прислушавшись, услышали впереди едва различимые, характерные звуки скрежета металла о металл.

— А если это нападение врагов, и моей Ариадне грозит опасность. Идемте скорее, нельзя ждать. — Засуетился обеспокоенный Тессий.

— Ты прав. — Поддержал его Федогран. — Нет ничего хуже, чем ждать, да еще и не знать, чего именно ждешь. Бежим, возможно там нужна наша помощь.

Минотавр застонал, и нехотя ускорил шаг, все чаще задевая потолок рогами, морщась от боли и охая. За ним устремились и все остальные, встревоженно прислушиваясь к приближающемуся звукам сражения.

Вот кого уж не ожидали тут увидеть Федогран с Илькой, так это своих названных братьев. Те, прикрывшись щитами и выставив вперед мечи, стояли, прижавшись спиной к воротам, а их окружала застывшая многочисленная городская стража, с копьями наперевес, не решающаяся нападать на столь суровых воинов.

Между защищающимися и нападающими, копошились, оглушено мотая головами, ползая на четвереньках, шестеро охранников, которые до всего этого, контролировали, не допуская любопытных, ворота.

— Вы как тут оказались? — Первое, что мог произнести, после секундного замешательства удивленный Федогран.

— Так за вами следом в яму прыгнули. — Рассмеялся непонятно чему довольный медведь. — Как можно братьев в беде бросить?

— Но вас же не было там? — Еще больше удивился наш герой.

— Брат. Давай мы об этом поговорим попозже, тут нас немножко убить хотят. — Как всегда рассудительно, и без всяких эмоций произнес оборотень, кивнув в сторону застывших в нерешительность стражников.

— Надеюсь вы сами тут никого не поубивали? — Федогран обеспокоенно посмотрел на ползающих, и никак не желающих приходить в себя охранников.

— Не. — Буркнул недовольно Бер. — Вул запретил. Сказал, что надо сначала разобраться во всем... — Начал объяснять медведь, но внезапно осекся, увидев вылезающего на четвереньках, минотавра. Нормально пройти в нерассчитанные для огромного роста ворота, тот не мог, и потому выползал столь нелюбезным образом. — Вот это мощь!!! С таким бы на кулачках сойтись...

— Ты, брат не исправим. — Захохотал шишок. — Но я не советую тебе с ним биться. Великоват для тебя.

— Угломоните, балаболы. Все вам шуточки. Лучше подумайте, что будем дальше делать? — Пробурчал Вул, не отрывая взгляда от окруживших их воинов.

— Так что тут думать-то, сейчас повоюем немного, потом вина выпьем, да и поплывем мед пробовать. — Выпрямился наконец во весь свой рост Крепыш, опершись на копье. — Ну кто тут первый. Постараюсь никого не убить.

— Еще один медведь на наши головы. — Буркнул оборотень.

— Я не медведь, а минотавр. — Ответил тот расправляя плечи.

— Всем стоять...! — На дороге показался бегущий Минос, а за ним Ариадна. — Прекратить драку немедленно! Я приказываю!

Стражники немедленно расступились, опустили оружие, и приветствовали своего

басилевса, припав на одно колено и склонив головы. Тот пробежал по образовавшемуся коридору и, тяжело дыша, остановился в нескольких шагах, восхищенно пожирая глазами кольчугу, которую держал в руках Федогран. Следом, не замечая никого, буквально пролетела Ариадна и зарыдала, повиснув на шее Тессия.

Радостный выдох двушки: «Любимый», и жадный вскрик Миноса: «Наконец-то», — прозвучали практически одновременно.

— Дай сюда. — Шагнул вперед басилевс.

Вид божественного артефакта, вновь помутил его разум. Он моментально забыл обо всем на свете, и не видел уже ничего, кроме кольчуги. Даже собственная дочь перестала его интересовать. Вытянув трясущиеся руки, он сделал еще шаг, но Федогран отступил, покачав отрицательно головой.

— Нет, басилевс, кольчугу я тебе не отдам. Она является одной из причин поразившей тебя болезни, имя которой жадность. Владение этой вещью принесет твоему народу боль и страдание. Скоро, возможно прямо сейчас, за ней явятся разъяренные боги, которые начнут выяснять между собой отношения: «Кому из них она принадлежит». К каким разрушениям это приведет, ты можешь только догадываться, но то, что они будут, тут сомневаться не приходится. Камня на камне не останется на месте этого города после их спора. Некому тут будет больше жить, так как все умрут, жуткой смертью. Ты этого хочешь? Я ведь не по наслышке знаю, что такое сила небожителей, и потому уношу кольчугу с собой. Со временем, ты поймешь, что я был прав.

— Ты не уйдешь из города. Тебя не выпустят. — Глаза Миноса засверкали безумным гневом. — Убейте их. — Он махнул рукой отдавая приказ воинам. — Всех!!!

— Ты не пожалеешь даже дочь. — Посмотрел удивленно наш герой на царя, неторопливо вынимая, мгновенно полыхнувший пламенем меч. — Еще совсем недавно ты был другим. Одумайся Минос. Едва прольется первая кровь, назад шага уже не будет. Ты не сможешь остановить нас. Лучше дай свободно уйти.

— Что застыли. Я сказал, всех! — Взревел Минос, развернувшись к своим воинам, и тряся в гневе кулаками над головой. — Они обманули вашего царя, и пытаются его обокрасть. Убейте и отберите кольчугу.

— Ты безумен. — Сокрушенно покачал головой Федогран. — Видят боги, я не хотел этого.

— Ну вот, а то не убивай никого. — Толкнул Вула Бер и рассмеялся. — Повеселимся? — Подмигну он ему. — Плечом к плечу.

— Ну вот почему с тобой всегда так? Где бы ты не появился, везде неприятности и драка. — Засмеялся тот, обращаясь уже к Федограну. — Эх, не умрем мы спокойно в теплой, мягкой постели. Не умрем... Но, Морена меня заberi, если это не прекрасно. Только так, в бою, должен достойно встретить смерть воин. Так как когда-то Яробуд. Плечом к плечу.

— Как это прекрасно, ощутить себя наконец счастливым и умереть свободным. — Задумчиво произнес минотавр и встал рядом с друзьями. Но тут же мотнул головой, и его, было затуманившийся мечтами взгляд просветлел и налился кровью. — Что-то я не то сказал. Зачем умереть? Пусть умрут враги. — Он поднял острое жало копья в сторону вздрогнувших воинов.

— Плечом к плечу, это ваш девиз? — Тессий, отстранив, Ариадну себе за спину присоединился к остальным. — Красиво звучит. Мы с Ариадной идем с вами. Плечом к плечу.

— До конца. — Произнесла девушка.

— Плечом к плечу. — Засмеялся на плече Федограна шишок. — Люблю драку.

— Кто из вас хочет жить, уходите. — Крикнул воинам Федогран. — Вас, конечно, на много больше, но правда на нашей стороне, а значит мы победим.

— Вперед братья! — Вскинул он над головой меч.

Глава 18 Боги Греции

Молния зигзагом перечеркнула чистое, без всякого намека на облака небо, а гром ударил с такой силой, что мраморная крошка осыпалась со стен. Воздух сгустился, запахло озоном, и вновь, еще более оглушительный грохот прокатился раскатом отразившись от домов, и даже, как показалось, от самого неба, а усиленная кровавым заревом ненависти новая молния, ослепила, застывших в изумлении друг напротив друга противников.

Появившаяся маленькая темная точка на чистом, голубом небосклоне, вдруг внезапно резко расплескалась кляксой, в виде лика разгневанного бородатого немолодого, черноволосого, с проседью, мужика с огромным носом и квадратным подбородком, и лавровым, золотым венцом на голове, мечущего из синих, с зелеными искрами, глаз, молниями гнева.

— Ты мне врал!!! — Взревел, неизвестно кому, голос, басом Шаляпина, сопровождаемый аккомпанементом треска разрядов электричества и грохотом небесных барабанов. — Я дал тебе жизнь, я тебя воспитал, я тебя вырастил, я тебе верил, в конце концов, а ты... Ты подло воткнул мне нож в спину! Ты жадное подобие бога! Я убью тебя. Сотру в порошок и отправлю в Тартар, к Аиду, чтобы он использовал тебя для подсыпки под ноги своему верному псу, трехглавому Церберу, дабы тот не поскользнулся на твоих слеза и не упал нечаянно в воды Стикса.

— Великий! Прости! Это все Мидас, с его неумной жадностью. Ты же знаешь страсти этого бога к золоту, которую он получил, кстати, от тебя в наказание за неумную алчность в довесок, вместе с вечным голодом. Это все он. Он убедил меня, что я более достоин кольчуги, чем ты. Я давно осознал вину, но боялся сказать. Я боялся твоего гнева, отец.

Чуть ниже первого лика, вспыхнула еще одна клякса в виде кучерявого брюнета, на вид лет так двадцати пяти, морщащегося от прилетающих ему в нос, похожий на клюв сороки, молний.

— Я немедленно верну тебе кольчугу. Это не составит ровно никакого труда. Если хочешь, я вдобавок еще разрушу и этот проклятый город, засыплю обломками его жадного басилевса. Залью водами океана лабиринт. Уничтожу минотавра. Я все сделаю. Выполню любое твоё желание. Только прости.

— Что-то мне подсказывает, причем довольно настойчиво. — Раздался неожиданный голос шишка, в перерыве между грохотом молний. — Что надо срочно бежать, а не ждать, чем это все закончится.

— Воины Миноса. — Встрепенулся, словно ото сна Федогран, и провел острием меча, словно учитель указкой, в направлении опешившего от происходящих событий, вражеского строя. — Вы видите, что происходит. Если не освободите дорогу, то город, который вы поклялись защищать, будет уничтожен, а ваш царь. — Он ткнул в стоящего на коленях, с простертыми в мольбе руками к небу Миноса. — Которого вы также поклялись защищать, будет убит. Вы этого хотите? — Он обвел суровым взглядом строй в поисках несогласных. — Если нет, то расступитесь. Дайте нам свободно уйти, и то, чему вы клялись и присягали, что любите, будет сохранено. Времени на размышления нет, счет идет на секунды, поэтому мы идем. Идем, опустив оружие. Надеюсь на ваше благоразумие. — И он сделал первый шаг.

Рядом, с двух сторон, злобно стреляя глазами, плечом к плечу, с ним пошли Вул и Бер. Следом, буквально наступая на пятки, двинулись: закинувший на плечо копьё в знак добрых

намерений, возвышающийся над всеми горой, и внимательно следящий за обстановкой, минотавр, а также Тессий, нежно обнимающий дрожащую Ариадну за талию, и шепчущий ей что-то успокаивающее на ухо.

Строй, оцетинивающихся, жалами копий, воинов дрогнул.

Федогран, не сбавляя шага подошел в плотную, и остановился, опершись грудью на острие выставленного вперед копья.

— Не хочу вас убивать. Но если придется, то не дрогну... Ну. — Прикрикнул он, властно возвысив голос, и выкинул вперед руку, отпихнув в сторону нацеленное в сердце жало. Дождался пока придет в себя и отойдет в сторону разоруженный воин и пошел напролом, оттолкнув еще одного мешающего пройти ратника плечом. Строй мгновенно распался в узкий коридор, опускающих при приближении друзей, копья и лица воинов.

Федогран быстрым шагом, больше похожим на бег, кинулся вперед, больше не обращая ни на кого внимания и не оборачиваясь, следом устремились и остальные. Небольшая задержка случилась только у ворот, где, то ли по недоразумению, то ли по приказу басилевса, а то, и просто забыв открыть после ночи, ввиду последних событий, была опущена решетка. Недолгое замешательство решил минотавр, вынесшей ее из пролета гулким, таранным ударом рогов. Огромный человек-бык, только потряс оглушено головой после жуткого соприкосновения с железными прутами, от которого у простого смертного раскололся бы череп, и продолжил бег.

— К морю! Веди Тессий к кораблю! — Воскликнул Федогран, выскакивая из клубов пыли, образовавшейся из-за осыпавшегося, выбитого из своих мест крепления решетки. В этот момент молния ударила в надвратную башню за спиной беглецов, разметав ее в крошево из валунов и мелкого щебня, взметнувшегося в небо и лавиной рухнувшего вниз. — Быстрее, нас и город спасут только быстрые ноги.

Два раза просить не пришлось. Друзья бросились бежать. Божественный гром прозвучал еще один раз, опалив огненной молнией спину замешкавшегося, трясущего головой Крепыша, и вдруг стало на удивление тихо. Но только это была обманчивая тишина, не предвещавшая ничего хорошего.

Впереди, сияя неестественным ореолом божественного присутствия, стоял воин. Тот, второй, просящий прощения лик, умоляющий разгневанного Зевса, преграждал дорогу беглецам.

Высокий, стройный, утопающий в искрах отраженного солнечного света доспехах бог, медленно пошел на встречу, заноса полыхающий меч над головой для удара. И можно было не сомневаться, что он одним только взмахом своего оружия, уничтожит людишек, укравших его артефакт и рассорившего его с высшим богом пантеона.

— Гермес. — Обреченно остановился минотавр и насупил брови. — Не получилось у меня меда попробовать. Жаль.

— Одно не пойму? — Хмыкнул шишок садясь беспечно на плече Федограна, закинув одну ногу на другую. — Зачем надо было к морю бежать? Зачем нужен был корабль? Как будто нас на воде не догонят и не уничтожат. Убегать от богов абсолютно бессмысленно. Убьют все равно, но только запыхавшегося и уставшего. Я категорически отказываюсь дальше бегать.

— Зато город спасли? Значит не зря. И вообще, Илька, ты не похож на запыхавшегося. Сидя на плече тяжело устать. — Бер достал из ножен меч и кровожадно улыбнулся. — Славная будет драка.

— Ага. Жаль, что последняя. — Пробурчал Вул и протер руки пылью из-под ног. — Одно только меня радует. Смерть будет быстрая и красивая.

— Уходи. — Оттолкнул Тессий Ариадну. — Беги к отцу, в город. Там сейчас безопасно. — И встал рядом с Федограном, кивнув тому головой. — Я с вами, до конца.

— А я вот подрастерялся что-то. Неужели испугался? — Захохотал минотавр, поднимая на встречу бога копье. — Ты создал меня. — Обратился он к нему. — За это я благодарен. Но ты держал меня в подземелье рабом. За это я тебя ненавижу. Я пойду с этими парнями до конца. Знай это.

— Могущих вождь, Арес, В гремящей колеснице, Златоблестящим шлемом Венчанный, сечей бог! Великий щитоносец...

Зазвучал внезапно за спинами героев, сначала тихий, но с каждым словом нарастающий мощью, женский голос. Они одновременно обернулись. Ариадна, гордо подняв голову пела гимн:

— Вождь правых, ужас злобных, Всех подвигов глава! Путь огненный свершая В седмице звезд горящих, Где бурные кони На третьем своде неба, Нам в трепетную радость, Твой шар кровавый мчат. И пусть тиранов кровь — рекою Кипит у наших ног! О тени славные уснувших...

— Почему ты здесь? — Попытался кинуться к ней Тессий.

— Оставь. — удержал героя Вул, схватив того за плечо. — Она никуда не пойдет. Мне знаком этот взгляд — это взгляд мертвеца и упрянца. Она готова к смерти и покинет это поле боя только вместе с тобой. Или на корабль, или в город, или к предкам. Смирись.

— Прости, любимая. — Тессий склонил голову в поклоне, и выхватил меч. — Плечом к плечу!

— Плечом к плечу. — Рывкнули в ответ хором остальные, и застыли в ожидании атаки.

Стоящий невдалеке Гермес уже окончательно поднял оружие. Сейчас будет единственный и окончательный удар, но тут свершилось еще одно чудо, заставившее бога опустить, меч.

Земля задрожала от топота бесчисленных ног, и из полуразрушенных городских ворот начали выбегать, гремя оружием воины. Они подбегали ближе к месту происходящих событий, и выстраивались в монолитную фалангу за спиной поющей девушки.

Эпическое зрелище завораживало взгляд. Стоящая, юная, гордая, непреклонная женщина, с высоко поднятой головой, увенчанной серебряной диадемой, в хитоне из лёгкого газа развивающегося по ветру, от обнаженных плеч, словно, расправленные крылья парящей чайки, и поющая славу героям, а сзади, на фоне белоснежного города в дымке голубого бескрайнего моря, выстроенное для атаки, застывшее в ожидании, сверкающее доспехами, грозное войско.

От строя отделился высокий воин в стальном нагруднике и высоком шлеме, и подбежал к девушке.

— Мы с вами. Мы не сможем дальше жить, осознавая, что в то время, когда горстка бесстрашных героев сражалась за наш дом, мы остались стоять как трусы в стороне. Минос умер. Сердце старого скряги не выдержало. Страх, жадность и совесть одновременно, убили его. Теперь ты наша царица, Ариадна. Мы пойдем за тобой, и твоим избранником на сметь. — Он упал на колени и склонил голову перед девушкой. — Приказывай гордая басилевса, мы в твоей власти.

Она, не прекращая петь, величественно взмахнула рукой в направлении построившегося

для атаки войска. Этот жест не оставил никаких сомнений, и воин, встав с колен, занял свое место командира в общем строю.

— Раз! — Скомандовал он и фаланга, опустив копья и прикрывшись щитами, сделала, как единый организм, шаг вперед, в сторону замершего бога. — Раз. — Повторил он, и еще один монолитный шаг.

— Букашки! — Захохотал бог. — Вы надеетесь меня напугать? Я убью вас всех. — Но голос его осекся. К нему на встречу, отделившись от всех, внезапно пошел Федогран.

Беспечный на вид, с соломинкой во рту, он непринужденно шел к богу. Кто бы знал, насколько трудно давалась ему эта беспечность. Он делал над собой невероятные усилия, понимая, что: «Так надо» и сохраняя беззаботный вид, шел вперед. Остановившись в паре шагов от Гермеса, он с интересом его оглядел, с головы до ног, хмыкнул каким-то своим мыслям и заговорил:

— Дурак ты, хоть и бог. Кого ты собрался убить? Тех, кто тебе молится и кто тебя славит? С кем останешься? Где потом силу будешь брать? Тебе это нужно? — Он кинул под ноги бога кольчугу. — Забирай и проваливай к себе в пантеон. Оставь жителей города в покое. Они невиноваты в твоей жадности.

— Щенок! — Взревел обиженно бог, сверкнув гневными глазами, и ударил.

Отлаженным движением, только на одних инстинктах, без всяких раздумий и размышлений, в такие минуты на это нет времени, Федогран выхватил из ножен меч, и встретил им летящее в голову лезвие. Клинок не подвел и отразил удар. Две божественные силы, заключенные в оружии, встретились...

Гром соприкосновения двух сверкающих ненавистью, смертельных жал, оглушил округу, кровавыми подтеками из ушей, а свет ослепил, песком огненной вспышки засыпав глаза. Мир для всех присутствующих погрузился в молчаливую тьму. Взрывная волна ужаса раскидала по земле и войско, и друзей, и не прекратившую даже после этого петь Ариадну, и только Федогран устоял.

Оглушенный, ослепленный, припавший на одно колено, он держал над головой меч дрожащими от напряжения руками, и не давал оружию небожителя опуститься себе на голову. Две силы, бога и человека, встретились в одной точке. С одной стороны ярость, с другой упрямство. Но вдруг, давление божественного клинка прекратилось, а воздух наполнился шепотом восхищенных, медленно приходящих в себя людей.

— Арес!!!

Ослепленный Федогран не видел, но чувствовал, что, что-то происходит. До него, оглушенного, словно из гулкого подземелья, донесся неизвестный голос:

— А ты и вправду дурак брат. Этот чужестранец прав. Спасибо гимну Ариадны. Я услышал и успел появиться вовремя, пока ты не натворил еще больших глупостей, чем та, ради которой ты украл кольчугу у собственного отца.

И тут, Федогран, неожиданно рассмеялся. Это случилось непроизвольно, и совсем не к месту.

— Что смешного я сказал. — В словах бога зазвучало злобное раздражение.

— Прости, вспомнилось. Я тоже отца своего обокрал. До сих пор задница помнит его ремень. — Ответил наш герой и вдруг упал на землю закатившись хохотом. Наверно вот так иногда выходит накопленный стресс. Внезапно, не вовремя, не к месту, но удержать это в себе невозможно. Это не в силах сделать ни один человек, каким бы великим героем он не был, в один прекрасный момент сорвется, и хорошо если смехом, а ведь может произойти и

по-другому. Он катался по земле, захлебываясь рвущимся изнутри безудержным весельем, а над ним стояли два бога, и недоуменно рассматривали катающегося у их ног человека.

— Что с ним? — Спросил один из них.

— Не знаю. — Пожал плечами другой.

Два брата близнеца, как две капли воды похожие друг на друга, два сына Зевса, унаследовавшие его взрывной характер, два ненавидящих друг друга, вечно соперничающих за внимание отца, заразившись весельем этого никчёмного с виду человечешки, начали улыбаться все шире и шире, и вдруг рассмеялись веселым заразительным смехом, который подхватили и все остальные. Хохот до слез, как эпидемия, поразил округу не слабее чем недавний удар божественного меча, кто-то даже не смог устоять на ногах и пал на землю под действием такого совсем не смертельного оружия.

— Давай мирится брат. — Один из богов обнял другого. — Нам нечего делить.

— Ты прав. — Ответил другой.

И тут разверзлись небеса, и появился Громовержец-отец, во всем своем божественном величии, спустившийся на землю, под аккомпанемент грома и молний. В белоснежном хитоне с лавровым венцом на голове, он, паря над землей, приблизился к сыновьям.

— Наконец-то я счастлив. Вы помирились. За такое, я прощу все нанесенные ранее обиды. Идите домой, вернемся в пантеон. Мать Гера уже накрывает пиршественный стол на вершине Олимпа, а купидоны натягивают струны на сладкоголосые арфы. Скорее в путь...

— Кольчугу заберите. Слишком много горя она принесла. — Прорычал, перебивая бога пришедший наконец в себя Федогран, ставший в одно мгновение серьезным.

— Оставь себе чужеземец. Ты заслужил такой дар. Своими деяниями, честью и совестью заслужил. — Улыбнулся Зевс белоснежной улыбкой, крупных зубов, махнул на прощание рукой, и растворился вместе с сыновьями в воздухе. Был и не стало. Сдуло его, как предрассветный туман сдувает луч восходящее по утрам солнца. А кольчуга? Она осталась лежать на земле, поблескивая искрами золотого плетения.

Оглушено, мотая головой, пытаюсь вернуть себя уже полностью в нормальное состояние: когда не кружится и не гудит голова, когда ком тошноты не подкатывает к наполненному вкусом крови горлу, а глаза не слезятся, словно засыпанные речным песком, Федогран и не заметил, как к нему подошли старые и новые друзья, воины еще совсем недавно враждебного войска, и окружили молчаливым кольцом.

Шишок мгновенно взобравшийся на свое законное место, с которого он был безжалостно до этого согнан пошедшим на смерть героем, задергал того за мочку уха, а взволнованный Вул взял за плечи, поднял на ноги и посмотрел глаза:

— Ты как? — Произнесли они слаженным дуэтом, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Драки не получилось? — Ткнул насупившегося стоящего рядом Бера в плечо минотавр. — Не расстраивайся, впереди у тебя еще много приключений.

— Ага. — Буркнул тот. — Только вот с богами сразится никак не получается.

Федогран перевел затуманенный взгляд с шишка на оборотня:

— Может всё-таки расскажете, как вы здесь оказались?

Глава 19 Арго

— Представьте себе наше удивление. Стоит на дороге маленькая девочка в голубеньком платьице, маленькая такая, ревет, слезы по щекам размазывает и орет совсем не детским, а взрослым голосом, скорее прожженной торговки на базаре, чем ребенка: «Скорее!!! Скорее!!! Его украли!!!», — а рядом здоровенная жаба, дышит словно загнанная лошадь. — Бер швырнул за борт корабля обглоданную кость, и неторопливо вытер рукавом губы. — Какой-то барашек совсем маленький, я еще бы съел.

— Тебя легче убить, чем прокормить. — Хмыкнул Вул отрывая зубами кусок мяса от зажаристой лопатки и с хрустом разгрызая кость. — Мы тогда уже почти войско княжеское догнали, немного оставалось, и тут вдруг такое чудо. Я-то в начале насторожился, больно уж странно в такой глуши ребенка встретить, да еще одного, но тут кикимора заявила, глаза как те плоски, зубами стучит, орет что: «Невиноватая она». В общем пока медведь ту старуху за грудки не встряхнул, не успокоил, ничего понять было невозможно. Ну а когда поняли, что произошло...

— Ага. Едва коней не загнали. — Перебил Бер гулко отхлебнув из глиняной кружки. Поморщился. — Прокисший компот, а не питье. Меду хочу, или уж на крайний случай взвару. А девчонка та, кстати, на жабе лихо скакала, я аж засмотрелся. Слово ее Яробуд плетью учил. — Он хмыкнул и вновь отхлебнул вина. — В общем мы раздумывать не стали, там в колодце воронка крутилась, воздух засасывала, черная такая, жуткая, до сих пор дрожь пробирает как вспомню, ну мы и прыгнули в нее с оборотнем.

— Да уж. Ощущение неприятное. — Передернул плечами Вул. — Вот же угораздило провалиться. Сначала в мрак влетели, глаз выколи, ни зги не видно, потом светом ослепило, так по глазам полоснуло, думал ослепну, и тут же о скалу. Приложились знатно, хорошо по касательной влетели, а так бы крышка нам, соскользнули с нее, и в какую-то пакость вляпались. Жуть сплошная: слизь, трупы, вонь, хорошо недолго. Выкатились оттуда, в поле. Все кругом чужое, в дали горы, и запах незнакомый, не свой, не родной.

— Ага, я, то же почувствовал. — Перебил медведь. — Нюх-то у меня, конечно, не волчий, но... — Он вновь отхлебнул поморщившись. — Но в нос вот такой вот кислятиной пахнуло. — Он поднял кружку, продемонстрировав чем именно пахнуло. — И как только Вул ваш след почувствовал? Уму не постижимо.

— Твоему уму точно непостижимо. — Засмеялся шишок.

— Поговори еще, букашка. В воду выкину. — Беззлобно огрызнулся медведь и сплюнул за борт. — Тьфу, пакость. Ну и закинуло вас. Питье кислое, вода соленая, мяса мало, еще и качает, так, что голова кружится и жрачка назад просится. Следом какие-то рыбины здоровенные прыгают, хоть и говорят, что они добрые, и так вот радуются, но мне кажется сожрать они нас хотят. — Бер вздохнул. — Домой хочу. Кашки гречневой, с курочкой жареной, и что бы непременно с чесночком, и квасу... С погребя. Холодного.

Как ты наверно догадался уже, мой читатель, разговор этот происходил на корабле, к которому так стремились убежать от разгневанных богов наши герои.

В пути, к нашей доблестной четверке присоединился еще и минотавр. Он на столько загорелся желанием попробовать стоялого меда, что удержать его на месте не получилось, как не старались это сделать Тессий с Ариадной, суля золотые горы. Конечно, такого воина и защитника еще поискать надо, но ничего у них не получилось. Уперся человеко-бык.

Кентавр, который привел Федограна с шипком в город, исчез, сбежал видимо, когда боги воевать принялись. Его трудно судить за это, лошади, по натуре своей пугливы, а он больше чем на половину состоял из жеребца, а тут так гроыхало и сверкало, что и у истинных смельчаков мурашки бегали по коже, вот и не справился со страхами хваленый древнегреческий герой.

Тессий с Ариадной, поженились. Сделали это спешно, прямо на берегу моря. Причина была в Федогране и его непоседливой команде, которая спешила скорее вернуться домой, ну а молодые хотели непременно, чтобы те присутствовали на их свадьбе, что-то вроде отцов посаженных, или друзей со стороны обоих молодоженов. Кто его знает почему? Чужие нравы — потемки, ни поймешь пока несколько лет не проживешь. Не было у друзей времени столько.

Свадьба. Что тут скажешь. Забавное зрелище. Вся округа собралась. Столы, а вернее покрывала, расстеленные прямо на песке, ломились от угощений. Вино текло ручьями, хотя скорее всего реками, так будет сказать точнее.

Сам обряд довольно интересный: быстренько выбрали самого красивого, сильного и высокого мальчика, которого под дружное улюлюканье и свист, отправили к морю. Тот сбежал, налил в приличных размеров амфору (это кувшин такой, пузатый, с коротким узким горлышком без ручки), с трудом притащил, и окатил соленой водой молодоженов с ног до головы, под пение торжественных гимнов седыми жрецами. Чудной обряд. Под хитонами у молодых ничего не было, и ткань прилипла к телу, выставив на показ все прелести.

Присутствующие горожане взревели восторгами, и окончательно охрипли, когда на свадьбу заявился еще и сам Зевс. Вот уж его никто не ожидал его тут увидеть, а он, пророкотал громами, ослепил молниями, и материализовался из неоткуда, прямо перед влюбленной парой, да еще и не один, а в сопровождении бога — Эрота.

Тот, второй, подошел к молодым, положил свои ладони им на головы, и пропел гимн. Красиво получилось, громко и торжественно, правда бог любви невнятно слова произносил, окончания сглатывал, потому Федогран текст не запомнил. Когда же Эрот руки убрал, то на их месте короны оказались, два переливающихся молниями символа семейного счастья. Зевс тут же и свой подарок добавил. Коснулся пальцем сверкающих головных уборов, и на том месте, куда его ухоженный ноготь указал, образовалось два бриллианта — символа власти.

Теперь в Белоснежном городе появился истинный правитель. Честный и справедливый Тессий, правда кто там на самом деле управлять будет, он или жена, вопрос интересный, но нам этого уже никогда не узнать, так как четверка друзей быстренько погрузилась на корабль, и Арго вышел в море, не дожидаясь окончания бушующего, свадебного пира.

Зачем греки так переврали свою историю, непонятно. Для чего сватовство Тессия к Ариадне, именно Тессия, а не Ясона, как записано в мифах, превратили в поход за «Золотым руном», которое на поверку оказалось не бараньей шкурой, а божественным артефактом.

Пьяницу минотавра гордые эллины, зачем-то убили в своих легендах. Чем им этот человек-бык не угодил. Добрейший оказался зверь.

Зачем-то вырезали из команды аргонатов Одиссея? Как без него? Он ведь штурман на корабле, а вот Геракла наоборот втиснули в ряды банды искателей приключений, хотя он в это время чистил Авгиевы конюшни, и неплохо себя чувствовал в качестве конюха.

Одни вопросы. Хотя приукрашать действительность, заложено самой природой в человека. Все народы, существующие на нашем голубом шарике, грешат этим превознося себя и коверкая реальность.

Но я отвлекся.

Арго был великолепным, большим кораблем, в реалиях того времени конечно. По современным понятиям, он был по размерам что-то вроде прогулочной яхты олигарха-хвастуна, пытающегося выставить напоказ свое богатство. Команда его состояла из шести обоженных солнцем авантюристов:

Ясон — здоровенный голубоглазый, кучерявый как барашек, детина, поражающий своим ростом, трубным голосом и силой. Непререкаемый авторитет в команде, истинный капитан.

Одиссей, в противовес ему, небольшого роста, гибкий и плавный в движениях, как ртуть, длинноволосый брюнет, с выражением ироничного ума в карих глазах. Его роль штурмана, чувствовавшего море, и находящегося под покровительством самого Нептуна, переоценить сложно.

Орфей. Блондинистый, голубоглазый молодой парень, ровесник нашего героя, с виду тростиночка, которую переломит ветер. Весьма ложное представление, Федогран видел, как тот согнул между пальцев стальной гвоздь, когда о чем-то задумался. Юноша с голосом, которому позавидовал бы сам Лучиано, а услышав, как он играет на арфе, Паганини от зависти повесился. Кстати корабль, на котором находились друзья, это его заслуга. Богиня Афродита, впечатленная талантом, подарила юноше Арго, вложив в него всю свою любовь, к молодому кумиру, а вместе с ним и его друзьям, искателям приключений, ставшим после этого командой искателей приключений.

Два брата-крепьша, низеньких, как гномы из скандинавских сказок, заросшие по самые брови рыжими бородами и лысые как теннисные мячики — Кастор и Попидевк. Две противоположности, первый неисправимый болтун, влезающий во все авантюры, какие только существуют, второй — осторожный рассудительный молчун, вытаскивающий брата из неприятностей, в которые тот умудрялся вляпаться.

Ну и последний из шестерки — прорицатель. Высокий седой старик, с заплетенной в косу бородой и серебряной серьгой-кольцом в ухе. Мопс, вечно стоящий мраморной статуей на носу корабля, морщащийся от дум, и смотрящий куда-то в даль, высматривая, в тонких, доступных только ему материях, неприятности.

Вот в такую команду попали наши герои. Приняли их добродушно. Тессий представил, рассказал о постигших неприятностях, о героических свершениях, и получил полное, горячо поддержанное всеми аргонавтами согласие помочь. От предложенной платы, положенной новым басилевсом за службу, аргонавты наотрез отказались, и даже обиделись. Для них приключения были смыслом жизни, и получать плату за свои же удовольствия, они посчитали бесчестным. Удивительные люди.

Время потекло нудно-медленно. Впереди путеводная светящаяся дорожка нити Ариадны, от ускокавшего по воде куда-то вперед клубка, показывающая путь. Слева просторы бескрайнего моря, вздыхающего огромными ленивыми волнами, а справа бесконечный, безлюдный берег.

Вечером приставали в какой-нибудь бухточке. Готовили ужин, завтрак и обед одновременно, спали, и с утра, перекусив заготовленными с вечера продуктами, отправлялись дальше. Обедали снова в море, не приставая к берегу. Единственное развлечение, это весла. Когда ветер становился не попутным, вся команда бралась за них и гребла, двигая судно вперед к намеченной цели.

Не обошлось и без казусов. Минотавр сломал одно из орудий труда гребцов, как только

ему его доверили, а также, едва не перевернул корабль, слишком рьяно взявшись за дело. Получил за это выговор от Ясона, послушно выслушав отповедь о своей тупости от разъяренного капитана, потупив глаза в палубу, он в дальнейшем, в паре с Бером, стал одним из лучших гребцов в команде.

На шестой день путешествия подошли к знаменитым чудовищам Сицилле и Харибде. Вранье. Ничего они, ни какие не чудовища, просто скалы, правда жуткие на вид, единственное, что тут было опасно, это очень сильное течение и узкий пролив. Одиссей сказал, что можно обойти вокруг, это безопасно, но тогда они потеряют три дня. Нить, как на зло указывала именно путь между скал. Друзья побоялись упустить еле заметный след на воде, и поэтому, дружно решили рискнуть.

Поболтало их знатно. Шли ближе к Сицилле, там вроде течение потише, но и этого им хватило, чтобы пощекотать нервы. Соленные от морской воды и пота, они гребли все, кроме Одиссея, стоявшего на руле и Мопса, застывшего на носу, молившегося и певшего гимны Посейдону.

— Бог преблагой,

О Посейдон с золотым трезубцем. — Завывал прорицатель, вознеся руки к небу.

— Раз! — Ревел Одиссей.

— Влагодобильный земледержец! Вкруг тебя ведя хоровод. Жабрами плещут плавучие твари. А плавники тугие возносят. — Завывал Мопс срывающимся в истерике голосом.

— Два. — Перебивал его штурман, наваливаясь вздувшимися узлами мышц, на вибрирующий под напорами волн руль.

И так до бесконечности долго. До разрыва скрученных в спазмах мышц, до хрипа в задыхающихся морским ветром воздуха легких, до жгучего пота в красных от натуги глазах.

Неизвестно, что помогло, молитва морскому богу и его покровительство, или опытность Одиссея, но они проскочили узкое место и вышли на спокойную воду, где и решили отдыхать целый день. Вот тут-то и состоялся тот разговор, в котором Бер и Вул рассказали о своих приключениях друзьям, в то время как остальная команда завалилась спать, восполняя потраченные в схватке со стихией силы.

— Кашки говоришь. Может лучше ушицы. Смотри какой косяк рыбы сюда идет, море кипит... — Шишок привстал на плече Федограна и приложил ладонь к бровям, как заправский моряк. — Ни разу в жизни такого еще не видел.

— Да. Впечатляет. Только что-то на рыбу это не похоже. Та играет, из воды выпрыгивает, а эта какая-то неправильная — Пожал плечами Бер.

И тут неожиданно громко, с паническими нотками в голосе, заорал проснувшийся Ясон.

— Хватайте весла! Быстрее!!! Она сейчас будет здесь! Нужно успеть к берегу, пока не поздно! Навались братья!

Никто не стал разбираться, что там такое увидел капитан, слишком уж вид его был страшен, что бы начать в такой момент задавать вопросы. Море вскипело за кормой Арго бурунами пенного кильватера, и всплесками бьющих о воду весел. Даже никогда не утруждающий своих рук грязной работой Мопс, и тот присоединился к остальным.

— Как же я так? — Бормотал он, поднимая весло. — Проспал. — Качая седой головой, старик опускал его с силой в воду. — Помогите нам боги.

— Навались! — Ревел Ясон. — Быстрее братья! Она уже рядом!

И в этот момент зазвучала песня. На столько это произошло неожиданно, что все, вздрогнув, прекратили грести и обернулись. Орфей стоял, подняв руки к небу и пел

волшебным, завораживающим голосом:

— О Афродита Урания, многовостанутая в гимнах, Морерожденная, с вечной улыбкой, о мать богиня! Празднества любви ночные тебе, полуночнице славной, Мать Ананки, плетущая хитрости, всеопрягатель...

Произошло чудо. Парус, закрипев дрогнувшей мачтой, надулся попутным ветром, и корабль, взлетев над волнами, полетел к берегу, не касаясь килем воды.

Говорят, что чудес не существует. Но так могут рассуждать только те, кто в них не верит. Они есть — эти самые чудеса. Подтверждение этому вокруг нас. Человек — его рождение, разве это не чудо? А восход солнца? А звездное небо? А само существование нашей наполненной жизнью голубой планеты в мертвом вакууме бездушного космоса? Мы просто не замечаем, привыкли, нам подавай что-то необычное, эффектное не растянутое во времени, а происходящее здесь и сейчас. Огонь из пальца, например. Но тому, кто верит, кто видит, к тому чудо приходит, как пришло оно к нашим друзьям, спасая жизнь.

Арго коснулся песка берега одновременно с ударом в борт огромной, шипящей зубастой пасти, на вытянутой змеиной шее. Содрогнувшись грохотом ломаемых досок, последним усилием, корабль швырнул свой героический экипаж на землю, и замер мертвой, изможденной тушей в пене морского прибоя.

Прокатившись кубарем несколько метров, люди повскакивали на ноги, по выхватывали мечи, и замерли в ожидании. Только Ясон и Мопс остались сидеть прямо на песке вытянув ноги. Они смотрели друг на друга и под общее недоумение смеялись.

— Все, братья. Кидайте мечи в ножны. Опасность миновала. Спасибо Афродите, мы успели. — Вытер слезы радости капитан.

— Кто это был? — Спросил хриплым голосом Федогран, не отводя взгляда от кипящего моря. Там было на что посмотреть. Взрываясь искрящимися брызгами, на поверхность выскакивали огромные змеиные головы. Некоторые, посмотрев в сторону берега, вновь ныряли в пучину, а некоторые выкинув из воды сверкающих чешуей рыбин, заглатывали из в зубастые пасти, на манер пеликанов, и шипели, довольные жуткой трапезой.

— Гидра, дитя Ехидны и Тифона, изгнанных Зевсом богов.

— Извращенцы эти ваши боги. — Буркнул шишок. — Все каких-то монстров плодят.

— Не богохульствуй, коротышка. — Мопс стал серьезен. — Не навлекай на нас гнев жителей Олимпа.

— Да не богохульствую я. Махнул кромочник рукой и вздохнул. — Просто констатирую факт. — Куда нас занесло-то на этот раз? — Он огляделся и сел, уставившись на прорицателя.

Тот мгновенно стал серьезен. Видимо Илькин вопрос сбил с него пену эйфории, от чудесного спасения, и заставил взглянуть на мир осознанно.

— Это место вам, пожалуй, не понравится. Это остров — царство сладкоголосых женщин. Владения царицы Мирины.

— Ну и кто это такая? — Бер закинул меч в ножны, и принялся отряхивать с себя прилипший песок.

— Басилевса амазонок. — Ответил за Мопса Одиссей. — И просто так нас отсюда не выпустят.

Глава 20 Амазонки

Осмотр корабля дотошным Ясоном, показал незначительные повреждения кормы, ничего вроде серьезного, выломано несколько досок, но ремонт займет время, а вот его, этого самого времени, у путешественников-то и нет, и дело даже не в том, что они спешат вернуться домой, а в том, что остров этот, по непререкаемому мнению населения всех ближайших земель, населяет племя весьма воинствующих женщин, по какой-то причине ненавидящих всех без исключения мужчин. Задерживаться здесь, значит подвергать себя риску нападения. Драться никому не хотелось.

Нет, славные героини совершенно не боялись схватки, а некоторые из них даже мечтали о ней. Но представить себя воюющими и убивающими девушек, пусть даже и разъяренных фурий, они ну никак не могли. Ну не подниматься у нормального мужика рука на женщину, пусть и воина. Противоестественно это. Против законов природы. Тот, кто должен защищать, не может драться с тем, кого должен защищает. Абсурд. Не создавал бог ничего подобного.

— Никто не знает, откуда тут появились амазонки. — Мопс, рассказывал, и не мигая смотрел на огонь. Старый прорицатель угрюмо вздохнул и бросил в пылающие угли ветку, та вспыхнула, осветив мрачное лицо, из-за многочисленных морщин показавшееся злобным.

День давно закончился, безлунная ночь вступила в свои права засыпав бездонное небо звездами. Аргонавты расположились у разведенного на опушке оливковой рощи источника тепла, костра, вдохновителя сказок, страшилок и прочих душещипательных историй, которые приходят на ум всякому, кто смотрит на играющие в догонялки с тьмой языки пламени, сидя в ночи под покрывалом черной бесконечности.

— Этот остров всегда, был прекрасным местом отдыха морских путешественников. Но однажды все изменилось. Здесь поселились сладкоголосые амазонки. — Мопс говорил тихо, словно пел, а ему аккомодировал потрескиваниями костер, словно соглашаясь с рассказом, выпуская вверх салюты затухающих в ночи искр. — Они сводят с ума моряков, заставляя выбрасывать свои суда на берег. Что происходит дальше никто не знает. Никто не возвращался. Только Одиссею посчастливилось слышать их песнь, и не сгинуть. Но это было давно, когда мы небыли еще знакомы. — Он замолчал.

— Мы с братом были с ним тогда. — Пробурчал угрюмый Кастор. Он приказал привязать себя к мачте, а всей команде залить воском уши.

— Так и было. — Подтвердил Попидевк.

— Подождите. — Остановил Федогран попытавшегося продолжить рассказ старшего брата. — А разве не мимо Сирен вы тогда плыли? Я не слышал про амазонок.

— Не знаю кто тебе про сирен наврал. — Пробурчал недовольно Попидевк. Не было их там. Сказки все это, чтобы малышам на ночь рассказывать. Бабы были, они на берегу, руками нам махали, а сирен не было. Кто там пел, не знаю, но так громко и сладко это выходило, что даже через воск в ушах слышно было. Мы еле себя сдерживали, чтобы корабль не развернуть и к ним не отправится.

— Откуда тогда сирены появились? — Федогран с недоумением оглядел братьев.

— Сиреной звали нашу первую царицу — дочь великой богини, Афродиты. — Из темноты вышла закутанная в черный плащ девушка. — Кто вы? — Она скинула с головы капюшон и посмотрела на мгновенно вскочивших при ее появлении людей, отблесками

пламени в черных, хищных зрачках. Сидеть остался только Мопс, он смотрел немигающими глазами в огонь, и раскачивался, словно в трансе, что-то шепча себе под нос. — Спрячьте оружие. В ваши сердца направлены стрелы моих лучниц, а они не умеют промахиваться. — Усмехнулась нежданная гостья.

— Делайте, что она говорит. — Прорицатель заговорил, не меняя позы, словно обращаясь костру, а не людям. — У нас нет выбора.

— Молодец старик. Мудрые слова. — Девушка обошла вокруг каждого из аргонавтов внимательно рассматривая их, хмыкая что-то про себя и удивленно пожимая плечами. — Вы странные. Я не чувствую в вас страха, только разочарование.

Встав напротив Федограна, она долго смотрела ему в глаза, что-то пытаясь понять, но не выдержав пронзительного, жесткого взгляда ярко-синих глаз, отвернулась. Парень же, напротив продолжил ее разглядывать.

Красивая. Но не той домашней теплой красотой, присущей обычным женщинам, посвятившим себя уюту семейного очага, и заботе о муже и детях, а той страшной красотой тигрицы, жесткого зверя убийцы, готового к смертельному прыжку.

Пронзительно голубые, с зеленой искрой, глаза из-под тонких в разлет бровей, длинные, спускающиеся кудряшками ниже плеч черные волосы, стянутые золотой, ажурной диадемой, прямой аккуратный нос и сжатые в упрямую нитку губы над острым подбородком, в сочетании с высокими скулами, выдавали в девушке незаурядную волю и целеустремленность.

Стройная, невысокая, чуть выше плеча нашего героя, с плавными движениями уверенного в себе воина, гостья неторопливо подошла к костру, и села прямо на землю, напротив Мопса, скрестив ноги и гордо, как струна, выправив спину.

— Кто вы, незваные гости, без спросу вторгнувшиеся в мои владения. — Она обвела всех присутствующих внимательных взглядом, в которых читался вопрос, требующий немедленного ответа, и остановилась на Федогране, но опять не выдержала.

— Ну что же, почему бы и не рассказать. — Парень, не сводя с девушки внимательных глаз, сел напротив, рядом с все также раскачивающимся в трансе Мопсом.

— Только я чего-то не понял?.. Кто у кого тут в гостях? — Шишок не смог смолчать и задал вопрос, заставивший девушку вздрогнуть от неожиданности. — Ты кто такая будешь, красавица?

— Дерзкий, говорящий, неизвестный зверек на плече. Доспехи бога на теле... Меч с силой бога в ножнах... Шлем с неведомой силой... Кто ты воин? — Ее взгляд вновь поднялся.

— Ну нет... Сколько можно оскорблять благородного шишка. Разреши Федогранушка, я ей нос откушу... — Илька изобразил приготовившегося к прыжку кота, и перебирая ногами, завил задним местом из стороны в сторону, зашипел.

— Уймись, Илька. — Не к месту сейчас твои шутки. — цыкнул на него парень, и посмотрел в глаза девушке. — Может для начала познакомимся. Я Федогран, этот баламут на плече Илька, вон тот угрюмый парень — Вул, тот, что смотрит на тебя раскрыв рот — Бер, ну а также Ясон с командой. — Федогран представил остальных стоящих в нерешительности вокруг костра аргонавтов. — Ну а тебя-то как звать — величать?

— Ты дерзок. Мало того, что сел в присутствии королевы, так еще и смеешь требовать что-то. — Усмехнулась она. — Но я отвечу. Я владелица этого острова. Басилевса Мирина. — Она величественным жестом вытянула руку, на которой блеснул золотом браслет

в виде скрещенных драконов, видимо знак власти. Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство. Теперь отвечайте на мои вопросы. Правдиво. Я почувствую любую ложь. — Она вновь обвела взглядом всех присутствующих, так и не посмеявшись сесть, и остановила взгляд на Федогране. — Как вы сюда попали?

— На корабле. — Пожал тот плечами, словно удивившись вопросу, на который существует столь явный ответ. — На нас напала Гидра, и мы здесь от нее спрятались.

— Вы не похожи на трусов, убегаящих от опасности. — Жесткий взгляд воткнулся в глаза парня.

— На дураков мы то же непохожи. — Засмеялся шишок. — Сражаться с монстром, в его стихии? Нет уж, уволь красавица. Мы уж лучше тут, на бережку обождем.

— Я не с тобой разговариваю, букашка. — Мерина гневно сверкнула глазами. — Знай свое место.

— Опять оскорбления. — Вздохнул Илька ни грамма не обидевшись, и демонстративно отвернулся. — Больно надо, со всякими там королевами разговаривать...

— Еще одно слово, и в тебя прилетит стрела. — Окончательно разозлилась владычица местных земель и встала, подняв руку, чтобы отдать приказ своим воинам.

— Угу. — Ответил насмешник. — Уже боюсь...

— Заткнись Илька! — Рывкнул на друга, не выдержав Федогран. — Не нагнетай обстановку, нам еще из-за тебя тут драки нахватало. А ты королева, не задевай его, он хоть ростом и мал, но воин сильный, и твои лучницы вряд ли в него попадут, а вот он бед наделает много, да и мы тут не из последних бойцов, тяжеловато вам будет нас одолеть. Лучше сядь. Давай по-доброму поговорим.

Злоба, полыхающая в королевских глазах, сменилась раздумьем, и придя к какому-то решению Мерина села.

— Хорошо. Но учтите, что мои лучницы попадают белке в глаз.

— Ну, наш Илька далеко не белка, а Вул с Бером крутят мечами так, что сильный дождь на головы не попадает, да и остальные тут присутствующие далеко не новички в ратных делах. — Усмехнулся Федогран. — Может хватит друг друга пугать?

— Я не пугаю, а предупреждаю. Может расскажете, все-таки поподробнее о себе? — Она стала вдруг как-то внезапно обыкновенной девушкой. Уставшей, взволнованной, и немного растерянной.

Нет, гордый подбородок все также смотрел в небо, а спина ни на миллиметр не согнулась, и даже плечи не дрогнули и не опустились. Просто Федогран посмотрел на нее с другой стороны, не как на врага, а как просто на человека.

Одна. Вышла на встречу к незнакомым мужикам, не имея ни малейшего представления, кто они такие, и что ее ждет. Да, ее прикрывали, спрятавшиеся где-то в лесу воины, но пока они придут на помощь, всякое может случиться. Но и деваться ведь ей некуда, в этом мире, свое право на трон, мало получить в наследство или заслужить, это право еще надо удержать, постоянно доказывая поступками, иногда смертельно опасными и кровавыми.

Ему стало немного жаль ее, эту девушку, такую гордую и независимую снаружи, и бесконечно одинокую и несчастную в душе.

— Я расскажу. — Кивнул он ей.

Королева амазонок слушала молча. Иногда украдкой бросала заинтересованный взгляд на рассказчика, иногда на его спутников, иногда хмурилась, а при упоминании про хмельной поединок с минотавром даже улыбалась. Когда же рассказ практически подошел к финалу, и

Федогран поведал о песне Орфея и помощи Афродиты, королева вскочила на ноги и перебила парня.

— Так значит вас сюда привела богиня? Это все меняет. Это знак...

Договорить она не успела. В лесу раздался многоголосый вздох восхищения, и причиной ему стал минотавр. Он, забытый всеми, мирно спал до этого момента на корабле, куда ушел едва наступили сумерки, и потому не принимал участия в посиделках у костра с остальными участниками приключений, и не знал о появлении гостыи. Он поднялся над бортом, с хрустом потянулся, всем своим могучим телом.

— Вы утомитесь наконец, полуночники. — Сказал и замер, увидев Мерину.

Глаза в глаза. Душа в душу, глядели друг на друга девушка и создание Гефеста. Весь мир, любое движение, даже само время остановились для них.

— Однако... — Многозначительно хмыкнул шишок, почесав затылок. — Но не буду ли я слишком назойлив, поинтересовавшись, что это за знак такой, про который ты упомянула?

Его ехидный, насмешливый голос вернул мирозданию естественное движение. Минотавр тут же спрыгнул с корабля, гордо расправив плечи и втянув живот, важно подошел к костру, девушка задумчиво села и отвернулась, скрывая выступивший румянец, а Федогран отвесил Ильке заслуженный подзатыльник.

— Как твое имя, прекрасная незнакомка. — Голос человека-быка, пытавшегося говорить уверенно, дрогнул.

— Мерина ее зовут. — Ответил вместо нее шишок, голосом ребенка, передразнивающего своего одноклассника в детском саду, только что язык не высунул и не сказал: «Бе», а так очень похоже, за что и получил еще один подзатыльник, только уже от Вула, а также грозный взгляд, не обещающий ничего хорошего, от минотавра. Наступила неловкая, затянувшаяся пауза, нарушил которую уже Бер.

— Ну а правда. Что за знак?

— Видимо богиня прислала вас к нам, чтобы вы помогли избавиться от проклятья. — Девушка резко встала, и взволнованно заговорила скороговоркой, проглатывая окончания слов. Лицо ее покраснелось, и Крепыш и без того восхищенно смотревший на нее, открыл рот. — Наш остров населяют одни женщины.

Что бы мы не делали, как не старались, но мужчины не задерживаются тут больше, чем на один день. Мы встречаем их со всем своим гостеприимством, накрываем пиршественный стол, обихаживаем, стараемся угодить любой прихоти, но наступает ночь, и гости исчезают. — Она вновь села у костра, и склонила голову. Нервы у королевы амазонок не выдержали, и плечи дрогнули, слезы закапали на землю. — Мы не знаем, как это происходит. Внезапно накатывает жуткая усталость, и все засыпают, и мы и наши гости, а утром никого нет. — Она горько вздохнула и замолчала, но не на долго. Не прошло и минуты, как Мерина подняла глаза, сверкнувшие отблесками костра в каплях слез на длинных ресницах. — Нас обвиняют во всех смертных грехах, а мы просто хотим обыкновенного женского счастья, но по чей-то извращенной воле, нас преследует беспросветное одиночество.

— Да...уж... — Задумался Федогран. — Но мы планировали лишь починить корабль и поскорее отправиться дальше...

— Вы видите, что происходит. — Горячо перебила его королева. — Уже почти утро, а вы здесь. Нет никакой слабости, никто не уснул, никто не исчез. Это чудо. За корабль не переживайте, амазонки его починят. Только помогите! Не зря же Афродита закинула вас

сюда. — В ее глазах читалось такая мольба и безнадёжность, что душу Федограна сдавило тисками сочувствия к бедной отчаявшейся девушке.

— Я останусь в любом случае. — Горячо воскликнул минотавр, окончательно разрушив все оставшиеся сомнения.

— Кто бы сомневался. — Хмыкнул шишок, и попытался еще что-то добавить ехидное к своим словам, но вновь получил подзатыльник от Федограна, и обидевшись замолчал.

— Хорошо. Мы попробуем, но ничего обещать не будем. — Согласился он. — Ведите в город. Там осмотримся и подумаем.

Поселение амазонок навсегда осталось в памяти, как город цветов. Такого их количества, Федогран не встречал в своей жизни ни разу. Многочисленные, не поддающиеся счету, ухоженные до состояния идеала флористики клумбы разнообразных форм и размеров, и это только маленькая толика цветочного многообразия. Всевозможные васильки, ромашки и розы с георгинами, были везде. Даже бамбуки, растущие тут, и служащие строительным материалом для легких, аккуратных, низеньких хижин местных обитательниц, и на тех благоухали, привитыми к членистым стволам, красочными соцветиями флоксов, жасмина, сирени, и прочих раскрывшихся бутонов ярких соцветий, названий которых наш герой даже не знал.

Финиковые пальмы и те, наряду с ульями спеющих в вышине плодов, красовались еще и благоухающей геранью, вплетенной, как бантики в девичьи косы, во вьющиеся лианы, оплетающие толстые стволы.

Аргонавты шли по чистым, выметенным с особой тщательностью улицам, открыв от восхищения рты, и переговаривались с прелестными воительницами, вышедшими из леса к костру, по приказу своей королевы, и теперь сопровождающих, повеселевших и улыбающихся путешественников.

Шествие гостей закончилось на главной площади, на идеально постриженной лужайке, перед королевским дворцом, который так назвать можно только потому, что в нем проживала сама хозяйка этих мест, в остальном мало отличавшимся от остальных строений. Те же бамбуковые стены, та же покрытая дерном, и засаженная цветами кровля. Все как у всех.

Здесь их уже ждали...

Сидя, а вернее полулежа, за столом, на греческий манер замененным расшитым, опять же цветами, покрывалом, и ломившемся от обилия разнообразных блюд, Федогран был погружен в себя и потому ел мало, ну а пить спиртное вообще отказался наотрез, отвергнув в довольно грубой форме, попытку налить ему в кубок вина, потребовав заменить его простой водой. К тому же ему постоянно приходилось одергивать пытавшегося дерзить шишка, что не способствовало улучшению настроения.

Так же, как и наш герой, поступил Вул, оборотень пил только воду, соблюдая разум незамутненным, и довольно скромно угощался плодами местной кулинарии. Бер наоборот, поднабрался хмельного и затанцевал сиртаки сразу с двумя прелестницами, вырядившимися по такому случаю в нарядные, довольно откровенные, платья. Так же, как и медведь, поступили и другие путешественники из команды Арго, развлекаясь с веселыми амазонками, и ни в чем себе не отказывая.

Минотавр сидел молча рядом с Мериной, и не сводил влюбленных глаз, с предмета своей страсти, забыв обо всем на свете. Огромная гора мышц, рядом с хрупкой маленькой девушкой, казавшейся на его фоне Дюймовочкой, из знаменитой сказки.

Утро, под непрекращающейся гомон, танцы и веселье, медленно сменилось жарким солнечным днем, все более разгораясь хмельным бесшабашным пиром, но всему приходит конец. Вечер навалился сразу, весь без остатка, наполнив пространство, вместе с кровавым закатом, еще и густым сладко кислым туманом.

Вот только что перед глазами танцевали с девушками друзья. Вот только что смеялись, разговаривали, ухаживали за прекрасными амазонками, и вдруг тьма. Сознание выключилось как лампочка гаснет от прикосновения пальцев хозяина квартиры, готовящегося ко сну, к выключателю. Мгновенно и полностью погасив разум.

Глава 21 Тартар

Федогран висел прикованный цепями, в форме звезды, на влажной, покрытой плесенью кирпичной стене в мрачном зале подземелья. В одном нижнем белье. Оружие и доспехи сняты. Неведомые похитители обобрали и распяли героя, пока тот был без сознания. Потрескивания горящих немногочисленных факелов, еле разгоняющих мрак и редкие, гулкие капли, нарушали гробовую тишину.

Тошнило, и во рту стоял сладковатый привкус чего-то фруктово-цветочного. Нестерпимо хотелось пить. Руки онемели от оттока крови, и ничего не чувствовали, а вот ноги, наоборот, опухли так, что готовы были лопнуть, и пульсировали тупой болью. Он огляделся затуманенным взглядом.

Справа висел Вул, а слева Бер, дальше вдоль стены, разместились вся остальная команда Арго и минотавр, безвольно опустившие на грудь подбородки. Прямо под собой у ног, в клетке из светлого металла, видимо серебра, валялся тряпичной куклой Илька.

На противоположной стене, так же прикованные цепями, висели еще несколько мужчин, на столько истощенных, что походили на бородатые скелеты, обтянутые кожей. А с боку зиял провал черного хода, ведущего куда-то вон, из этого жуткого узилища.

Федогран попытался окликнуть своих друзей, но опухший язык прилип к небу, и получилось только промычать.

— Это скоро пройдет. — Донесся до него еле слышный хриплый голос одного из незнакомых пленников напротив. — Как только они начнут мотать клубки, станет немного легче. Когда придут, лучше молчи, так проживешь дольше. Хотя, возможно, тебе этого и не захочется. Но в любом случае спокойно умереть они не дадут. Поверь, я знаю, что говорю.

— Где мы? — Смог наконец прохрипеть, на грани слышимости, иссушенным горлом Федогран, но собеседник его услышал.

— Точно не знаю, нам этого не сообщили, когда повесили. — Он криво усмехнулся одними губами. — Думаю где-то в начале дороги в Тартар, вернее в одном из ее ответвлений. Судя по тому, что нас похитили и не пускают вперед, но и не отпускают назад, выкачивая потихоньку жизнь, Аид ничего не знает о нас и о проделках своих слуг, иначе мы давно стали бы его гостями, переплыв реку Стикс. Но тише, они идут, помни, что я тебе говорил. — Он замолчал, выпучив в страхе глаза в сторону темного входа. Там послышался женский смех и голоса, обсуждающие какой-то забавный случай, они постепенно приближались, становясь все отчетливее, и вот под свет факелов вышли три закутанные в плащи женщины.

Стройные, высокие, они грациозно прошли по кругу, вдоль развешанных по стенам пленников, словно соблюдая какой-то ритуал, и не торопясь прошли в центр зала, где сели в полулежащем состоянии, кружком, на расстеленное там покрывало, откинувшись на пухлые подушки.

— Ну что же, сестры. — Произнесла одна из них, рыжеволосая красавица с пухлыми, чересчур красными, неестественно яркими губами. — Начнем, пожалуй, во славу Персефоны. — Она подняла лежащую рядом еле заметную нить, на столько тусклую, что Федогран только теперь смог ее рассмотреть в полумраке подземелья. Он присмотрелся повнимательней, от каждого пленника, к центру зала тянется такая же, от кого-то более яркая и толстая, а от кого тусклая, практически невидимая и тонкая.

— Да сестренка, надо поработать. — Черноволосая девушка, со слегка вздернутым, упрямым носиком, сделала характерное движение руками и в ее ладонях образовался небольшой светящийся голубыми искорками пробегающего электричества клубок.

Третья, блондинка с зелеными глазами, улыбнулась, и так же принялась за работу, быстро наматывая моток из нити, идущей к самому Федограну. Неприятное ощущение наполнило юное тело героя, такое чувство, что из груди, в районе солнечного сплетения стали нудно вытягивать что-то родное, сокровенное. Защекотало, тягучим жгутом медленно и неприятно выползая наружу, роющим кожу червем, который монотонно выгрызался из кожи, но зато богатырь, на удивление, стал чувствовать себя на много лучше, сухость во рту прошла вместе с неприятным привкусом, а кровь поступила в онемевшие руки наполнив их немного чувствительностью.

— Три девицы под окном, пряли поздно вечерком. — Усмехнулся Федогран посмотрев на девушек и вспомнив известные стихи Пушкина, почему-то сразу пришедшие ему в голову.

— Что? — Обернулись они к нему, сразу все три, подняв удивленные глаза.

— Ничего особенного, просто вспомнилось, глядя на вас, уж больно забавно выглядите. — Ответил он улыбаясь.

— Смотри, Клото, твой подопечный говорливый оказался. — Черноволосая красавица поднялась, отложив клубок в сторону и подошла к распятому богатырю, внимательно осмотрев его с ног до головы. — Красавчик, такой как ты любишь, Лахисис, кивнула она в сторону рыженькой. Все в твоём вкусе. И фигура, и лицо — Она засмеялась и провела ладонью по груди парня. Может перерезать ему ниточку? — В руках сверкнул серебряный кинжал, отразившись в карих глазах девушки тусклым бликом факела. — Не будем мучить юношу? Пусть спокойно отправится в Тартар.

— И расскажет об этом месте Аиду. Вот тот-то обрадуется. — Усмехнулась Лахисис. — Садись уже давай, да работай сестра. Только вытянув из него всю нить без остатка, и опустошив душу до конца можно будет отпустить на свободу, но и не убивая при этом. Там, наверху, никто не будет слушать сумасшедшего. Так что приступай к работе Атропос. Персефона настрого запретила тебе перерезать нити жизни ее пленников. Они должны сойти с ума и затем выпрашивать подачки у городских ворот у проходящих мимо них женщин, ползая на коленях и унижаясь, а затем сдохнуть в канализации в помоях и фекалиях, как того и заслуживают.

— Сколько ненависти в твоих словах сестра. — Покачала головой Клото. Но в ее словах не слышалось соучастия к страдающим пленникам, а сквозил жесткий сарказм, а в глазах сверкнула злоба.

— Не надо было воровать нашу хозяйку. — Прошипела Атропос. — Все их мужское племя сплошные выродки. Себялюбивые самцы. Ненавижу. Мотай быстрее клубок, хочу видеть его труп, облитый помоями, и обглоданный собаками.

— Не ссорьтесь красавицы. — Рассмеялся вдруг Федогран, казалось бы, совсем не к месту. — Лучше расскажите какую-нибудь историю, и вам развлечение за скучной работой, и мне висеть да помирать веселее.

— Ишь какой. — Ответила, улыбнувшись ехидно черноволосая. — Нашел чем удивить мойр, владеющих жизнью. Смелостью решил заслужить сочувствие? Неужели не страшно?

— Страшно, конечно. Вон как дрожу. — Усмехнулся богатырь.

— Это что еще тут за чучела? — Вдруг послышался хриплый голос пришедшего наконец в себя шишка, пытающегося пролезть через серебряные прутья клетки.

— Молчи недоразумение. — Рыженькая пнула своеобразную тюрьму Ильки, от чего тот, упал на четвереньки, а затем подошла ближе к распятому герою, и подняла глаза. — А ведь я действительно не чувствую я в нем страха.

— Нить не вибрирует, и спокойно наматывается без рывков, словно он совсем не волнуется. Он или дурак или герой. — Кивнула, соглашаясь третья сестра и присоединилась к другим, рассматривая пленника в упор.

— Я дурак. — Закивал головой тот, непонятно чему веселясь. Такая накатила безысходная пустота, что стало абсолютно все равно, что с ним дальше будет дальше. Смех сам полился прямо из души, вырываясь нескончаемым потоком из горла, видимо пытаюсь подавить зарождающуюся панику и осознание того, что выхода у него отсюда нет и не будет. Это конец. — Ну так что, расскажите какую-нибудь историю? Ну хотя бы о несчастной судьбе хозяйки вашей, Персефоны.

— Я, то же не прочь послушать. — Послышался рык со стороны висящего на цепях Вула. — Прежде чем перегрызу ваши глотки.

— От чего бы и нет. — Пробурчала ставшая внезапно угрюмой Клото. — Будете знать, за что страдаете, прежде чем потеряете разум и сдохните.

И вдруг, в этот момент, незнакомый женский голос зазвучал в голове Федограна. Как волшебный колокольчик, указывающий путь к спасению, уже почти отчаявшегося богатыря:

— Слушай меня внимательно, запоминай, и делай вид, что ничего не происходит, мойры не должны догадаться, что ты меня слышишь. У тебя будет всего один шанс. Запомни. Всего один. В дальнем углу, слева от тебя. Не поворачивай голову. — Довольно резко шикнул голос, прервав попытку оглянуться. — Просто слушай и запоминай. Там лежит твой меч и доспехи. Когда спадут оковы, а это произойдет очень скоро, мойры убегут, они не воины и трусливы, сражаться не будут, да и нечем им, их оружие это нити жизни, работа с которыми требуют покоя и сосредоточенности, а этого мы им не предоставим, то не мешкай, времени будет очень мало. Поднимется паника, и появится Горгона, главная воительница Персефоны. Сама богиня не придет, она боится гнева своего мужа Аида, и свое участие в том, что здесь творится, попытается скрыть всеми силами.

Так вот. Будет жесткая и тяжелая драка, и от того, сможешь ли ты победить, будет зависеть судьба, твоя и твоих друзей. Вы или погибнете, не сохранив даже свои души, или же освободитесь.

Запомни главное правило. Ни при каком случае не смотри ей в глаза. Окаменеешь мгновенно. Используй интуицию, только на нее надежда. Помни, что Горгона очень быстра и сильна. И еще одно. Вбей себе в голову, что она не женщина, она змея, превращенная волей Персефоны в то, что ты увидишь, поэтому никаких сантиментов. Просто убей. Лучше всего отруби голову и заberi с собой, она поможет тебе преодолеть стражу Тартара и выбраться на волю.

Это все, теперь, можешь послушать гневную речь Клото, и насладится видом, как эта психованная мойра плюется ядом славословий, но помни, как только она закончит, оковы спадут и время пойдет на секунды, ты должен будешь успеть отыскать свой меч и желательно доспехи. Я верю в тебя герой.

Голос смолк, но тишины не наступило:

— Аид, как и все вы мужики, подло взял свое. Он украл лучшие годы нашей богини. — До слуха Федограна, словно очнувшегося от сна, донеслось злобное шипение. — Использовал и забыл. Девочка не хотела за него замуж, а он выскочил на своей колеснице из

трещины в земле, и похитил несчастную юную богиню, а подлый трус, отец Зевс, не стал за нее заступаться. Прагматичная сволочь решила, что дружба с подземным царством важнее дочери. А о ее чувствах он спросил? Каково ей в мрачных подземельях Тартара, после облачного Олимпа и цветущих лугов предгорья? С мужем, который своего Цербера любит больше, чем жену. Одно сплошное насилие и грубость. Там, где мужчины, там любовь умирает.

И ты такой же, хоть и пытаешься прикинуться внимательным и добрым, все вы эгоистичные твари недостойные жизни. — Мойра плюнула в лицо богатыря и отвернулась, закончив гневную речь.

В этот же момент цепи, с громким лязгом метала о камень рухнули вниз, а вместе с ними и наш герой, которого не держали опухшие ноги, растянулся на полу, но тут же приподнялся на руках и пополз, отталкиваясь локтями, в угол, подсказанный голосом.

Сестры подняли жуткий визг, и заметались по помещению в панике забыв в какой стороне выход, это сыграло на руку нашему богатырю, давая лишние минуты на то, чтобы прийти в себя, и хоть немного восстановится.

Медленно, очень медленно ноги обретали чувствительность. В неосвещенном факелами углу он нашел то, что искал. Меч сразу опознал хозяина засветившись мягким желто-красным светом, но вот остальную амуницию одеть Федогран не успел. Стоя на коленях, и как раз доставая из сваленной в кучу амуниции кольчугу, он услышал предупреждающий крик шишка:

— Осторожно брат! Она сзади!

Ватные ноги помогли избежать мгновенной смерти, сами собой подогнулись, и богатырь рухнул боком на пол. Над головой, коснувшись волос, просвистело что-то острое, срезав как бритвой прядь. Послышался грудной вздох разочарования, и Федогран тут же рубанул мечом на звук, себе за спину, в надежде зацепить ноги врага, и тут же оттолкнувшись, перекатом ушел в сторону, он встал на колени скосив взгляд. Еле заметная тень, на грани видимости, заскользила шуршащими бликами, быстро приближаясь.

— Не смотрите ей в глаза, закричал богатырь, предупреждая друзей об опасности. — Это смертельно.

— Не поможет. — Зашипел сзади смехом женский голос, на манер змеи растягивая согласные. — Вы все уже мертвы, хотя этого еще не осознаете.

«Надо тянуть время», — промелькнула мысль в голове нашего героя, — «с каждой секундой чувствительность возвращается в ноги».

— Ты чего такая злая, красавица? — Произнес он вслух. — Тебя кто-то обидел, или зеркальце разбилось?

— Шутник. — Засмеялась Горгона. — Откуда ты знаешь, что я красива, если не смотришь? Взгляни на меня, ты не пожалеешь.

— Нет уж, уволь, ты видимо на столько прекрасна, что мужчины каменеют от одного только взгляда, а вот мне что-то совсем не хочется стать мраморной статуей.

Федогран наконец-то поднялся оперевшись на меч, ноги тряслись, но уже не подгибались. Чувства обострились. Боковым зрением он видел крадущуюся тень за спиной. Он замер в ожидании нападения. Атаковать самому глупо, в движении снижается концентрация, а она сейчас играет главную роль. Каждый шорох, любой запах, это подсказка богатырской интуиции, говорящая воину, как поступить, куда двигаться, и где опасность, поэтому он стоял и ждал.

Наконец до слуха донесся шелестящий смертью звук взлетевшего для атаки оружия. Быстрый наклон головы спас от неминуемого поражения острия вражеского клинка в область шеи и, с разворота, резкий, молниеносный удар в ответ, пылающего огнем меча. Ни вскрика, ни стопа, только тягучее сопротивление от прохождения стали сквозь разрезаемую плоть, и тут же глухой звук падающего тела, и гулкое постукивание подпрыгивающей, отрубленной головы по каменному полу. Победа. Быстрая, но унесшая столько сил, что Федогран, тяжело дыша, и капая потом со лба себе под ноги, упал на колени.

— Молодец. — Женский голос неизвестной помощницы, и крик шишка. — Ты ее убил! — Слились в одно целое.

— Теперь освобождай пленников. — Звучало в голове. — Забирай голову и идите прямо по тоннелю до реки, пока не увидите трёхглавого пса. Покажи ему голову, чтобы глаза Горгоны посмотрели на зверя, тот застынет в гипнотическом трансе, и ты сможешь привязать его к столбу, к которому пришвартована лодка для переправы в подземный мир Аида.

Ждите. Бог появится быстро освободить своего любимого пса. Расскажи ему обо всем, что здесь происходит. Этим ты поможешь амазонкам избавиться от проклятия, и сэкономишь в дальнейшем многие жизни героев.

Я знаю, что ты сможешь это сделать, избранник богов. — Голос замолчал, и Федогран начал действовать.

Огненный меч резал, металл как масло. Цепи падали на каменный пол освобождая пленников Персефоны одного за другим. Морщась и охая, они поднимались, растирая окаменевшие конечности, разминались, приседая со скрипом заостренных суставов и шли к куче с амуницией одеваясь и вооружаясь. Единственный, кто чувствовал себя более-менее сносно, был шишок, он перебежал от одного к другому и помогал в силу своих невеликих способностей, кому указывал на его меч, вытаскивая из общей кучи, кому растирал ногу, или руку, возобновляя кровоток и чувствительность.

Бер ревел, извергая из себя все известные проклятья, делая приседания и наклоны, и сверкая глазами с таким гневом, что едва не плавилась камни под метаемым молнии взглядом. Вул же напротив был абсолютно спокоен, задумчиво протирая вытащенной из кучи тряпкой меч.

— Что дальше? — Поднял он глаза на Федограна. — Есть какие-нибудь идеи?

Тот заворачивал в этот момент в чью-то кожаную куртку, вытащенную из общей кучи, голову Горгоны. Он медленно поднял глаза и посмотрел на друга.

— У меня в голове звучит, чей-то голос. По опыту знаю, что так могут обращаться только боги, и он, или вернее она, мне подсказывает что делать. На данный момент, нам предлагают встретиться с верховным богом подземного мира Аидом, и рассказать ему, что тут произошло. Думаю, стоит прислушаться, и выполнить просьбу. Немного жутковато, конечно, спускаться в царство мертвых, но оно того стоит.

Глава 22 Воля Аида

Любимое детище Аида, созданное из мрака и пламени, несло навстречу беглецам, оглашая своды подземелья рычанием ужаса, проникающего в сердца, и педализирующего волю, любого, кто его слышал.

Три огромные головы с оскаленными, в желании скорее порвать соперника белоснежными клыками, на фоне огненных пастей, клубились неизбежностью мучительной смерти срывающегося черной мглой под напором ветра бешеного бега. Спасения от такого нет. Само окончание бытия приближалось огромными прыжками гипнотизируя ужасом свою жертву взглядом кровавых глаз.

Кто назвал это создание собакой, или не понимал, о чем говорил, или лжец. Ничего общего с этим милым домашним животным оно не имело. Три вытянутые крысиные головы, с прижатыми к оголённым черепам короткими, кошачьими ушами, два ряда острых как бритвы клыков в бордовых огненных пастях, плюющихся ядом змеиных языков. Коротконогое тело таксы, покрытое черной антрацитовой рыбьей чешуей, и подрагивающий нервным ожиданием неминуемой поживы хвост.

Вот такое жуткое создание, защищало переправу через священные воды Стикса, и на данный момент оно было нацелено на внезапно появившихся гостей, намереваясь напугать, порвать, уничтожить, но не допустить проникновения чужаков на охраняемую территорию.

Непроизвольная дрожь прокатилась по телу волной ужаса, пытаясь парализовать волю, но Федогран справился с чувствами, и сбросил кожную куртку, с предмета, который держал в руках. Голова Горгоны, распахнув в последний раз глаза, обожгла взглядом летящего в ее направлении Цербера, и закрыла веки, теперь уже окончательно и навсегда. Верная воительница Персефоны выиграла свой последний бой, но только помогла не своей хозяйке, а тем, кого должна была до этого убить. Трёхголовое дитя Аида застыло в полете, и рухнуло бессознательной тушей к ногам героев.

— Я тебя не намочил? — На плече Федограна неожиданно громко заговорил шишок. — Первый раз вижу такое чудище. Если и намочил немного, то не вижу в этом ничего предосудительного. Имею полное право с испугу.

— Надо его к столбу оттащить и там приковать. — Не стал отвечать на глупую шутку парень, отбрасывая в сторону ненужную больше голову Горгоны.

— Это мы запросто. — Вышли вперед минотавр и присоединившийся к нему Бер. — Куда его нести? — Легко закинул Крепыш тушу монстра на плече.

— Может помочь. — Медведь завистливо посмотрел на человека-быка. Тот отрицательно мотнул головой и пошел к столбу на берегу реки, на который указал Федогран.

Рекой правда этот ужас назвать можно было с большой натяжкой. Черная туча мрака, плескающаяся о желтый, песчаный берег. Она несла мрачное ничто в пене облаков на гребнях вздымающихся бурунами волн, текло куда-то в неизвестность бесконечности, омывая огненные скалы, вздымающиеся из пучины загробного мира, клыками гигантского, пышущего жаром зверя.

Цербера намертво примотали к причальному столбу, теми же цепями, какими видимо крепилась до этого лодка, перевозящая души мертвых, которой на данный момент не было, и сели на берегу ждать возвращения хозяина этого жуткого места.

Времени прошло совсем немного, когда сквозь дымку стелящегося над волнами тумана,

стоя во весь рост и не шевелясь, медленно выплыла черная фигура. Ни единого движения не было заметно, ни единого звука не доносилось до слуха. Толькодвигающееся в их направление угловое суденышко с грозным богом смерти на борту, с копьём на плече, и горящими злобой глазами, приближалось все более и более увеличиваясь в размерах и обрастая деталями.

Стройный, высокий, с вьющимися черными волосами до самых плеч, перехваченных двумя переплетенными, живыми змеями в районе лба, с горящими, кровавыми глазами и капающей ядовитой слюной с острых клыков.

Нахмуренные, сведенные в гневе брови, прямой нос с раздутыми ноздрями, и сжатые в злости тонкие губы над квадратным подбородком. Весь вид Аида не обещал нарушителям спокойствия ничего хорошего.

Когда до берега оставалось пару метров, бог атаковал вставших при его приближении гостей Тартара. Молча, быстро, без всякого предупреждения. Скинул с плеча копьё и метнул с его конца сгусток мрака. Не ожидавший ничего подобного Федогран едва успел выхватить меч и отразить нападение, отбив сгусток словно мяч бейсбольной битой, тот отлетел в сторону и упал в реку, зашипев клубами серого пара. Клинок в руках богатыря вспыхнул огненной яростью Ярило, и засверкал молниями гнева Перуна.

Уже направивший копьё для новой атаки Аид, внезапно остановился, и опустил оружие. Он не шевелился, застыв черным изваянием, и не произнося ни единого слова внимательно рассматривал дерзкого человека, и его странный меч, посмевших сопротивляться одному из верховных правителей пантеона, плавно переводя задумчивый взгляд с клинка на парня и обратно.

— Кто ты смертный? — Голос бога зазвучал глухим шелестом смерти отразившись прямо от пространства зловещим эхом, пробежавшим по нервам неприятным ознобом. — У тебя оружие с силой моих старых врагов, на тебе кольчуга, выкованная в кузнице моих друзей, в горниле Олимпа, на тебе шлем с незнакомой черной силой и плащ, богини, которая меня едва не убила в последней войне. Странное сочетание божественных артефактов, собранных вместе на букашке, недостойной даже смотреть в сторону вершителей судеб. — Он поднял руку и направил указательный палец, с перстнем в виде черепа, в сторону Федограна. — Так кто же ты, воин?

Внутренним чутьем Федогран понял, что опасность миновала, и пока Аид не удовлетворит свое любопытство, нападать не будет.

— Я тот, кто идет по своей судьбе, помимо желания, ведомый волей случая и желаниями богов. Кто я такой, тебе знать необязательно, это не только моя тайна, но для чего я здесь постараюсь объяснить.

Наверняка, ты заметил, что теряешь силу, дарованную тебе когда-то создателем. — Аид непроизвольно кивнул, соглашаясь, и легкое недоумение скользнуло тенью по его лицу, но он тут же взял себя в руки, вновь изобразив изваяние, однако его растерянность и любопытство не скрылось от внимательного взгляда Федограна. — Вижу, что я прав. Силы тают, а причин ты не знаешь. Наши боги нашли разгадку. Виной скрижалей Рода, создателя этого мира. Ее захватили силы, мечтающие о власти. Им наплевать на старые устои и правила. Они не признают ничего кроме своего гипертрофированного эго. Так вот, я тут, чтобы освободить скрижалей, и вернуть правду и честь в этот мир. Чтобы сила, питающая пространство, вновь потекла, наполнив вселенную заветами создателя. — Он замолчал, и внимательно посмотрел в глаза бога.

— Однако... — После долгих раздумий ответил тот. — Не слишком ли велика ноша на плечах обычного смертного? Я бы назвал тебя лжецом, но артефакты, которыми ты владеешь, заставляют задуматься и поверить, хотя бы в часть сказанного. — Он подплыл ближе и величественно сошел на берег, нависнув над путешественниками. — Так что-же привело тебя, освободитель скрижалей, и друг моих врагов и родственников одновременно, в мои владения. — Усмехнулся он, показывая тем самым, что не особенно верит словам богатыря. — И что заставило напасть, и обидеть моего пса?

— Мы бы не тронули Цербера, если бы он не бросился на нас. — Ответил усмешкой Федогран богу. — И тут мы не по своей воле. А как мы сюда попали, стоит спросить у твоей жены, уже давно ненавидящих всех мужчин, и мстящей им за обиды, нанесенные кстати, тобой, владыка царства мертвых.

— Чтооо... — Взревел Аид, полыхнув огнем в глазах. — Как ты смеешь обвинять богиню в грехе мести, недостойный червяк. Она выше чувств присущих смертным, она над ними.

Но Федограна трудно было смутить гневом небожителя, опыт подобного общения у него был большой. Он развернулся, быстро поднял голову Горгоны и протянул с усмешкой Аиду, сунув практически под нос:

— А это, по-твоему, я нашел, собирая грибы в твоих подземельях. Или скажешь не знаешь, что это такое? Твоя Персефона, взяла целый народ Амазонок в заложники своей ненависти, и не дает им жить, создавая о прекрасных девушках впечатления в мире, как о кровожадных и жестоких стервах. Нас обманом и снотворным зельем пленили и приковали к стенам подземного зала, где мойры начали вытягивать из нас души, наматывая их себе на клубки пытаясь довести до безумия. Чудо помогло освободиться. Раскрывать детали не буду, кто его, вас богов знает, как вы отнесетесь к подобным сведениям, не хватало мне еще быть причиной ссор. Это все, что я готов рассказать, а ты услышать. Больше мне поведать нечего. Отпускай нас назад в мир под солнцем, у нас есть дела более важные чем разборки между жителями Олимпа. — Он швырнул голову под ноги Аида, и очнувшийся в этот момент Цербер залаял, перекликаясь между головами, как это делают его земные побратимы, гуляя стаей, и начал рваться на цепи, пытаясь схватить ее, клыками. — Не нравится она ему, усмехнулся Федогран.

— Ждите здесь — Буркнул Аид и запрыгнув в лодку, умчался, растворившись в мареве бесконечной смерти.

— Не знаю даже, восхищаться тобой или ненавидеть. — Заговорил Одиссей, рассматривая Федограна выпученными от ужаса глазами. — Так разговаривать с богом, не посмел бы ни один смертный.

— А он не один. — Встрял как обычно в разговор шишок. — У него есть братья. — И засмеялся довольный собой.

— Ага. — Закачал головой Бер. — Мы всегда плечом к плечу. Всегда поможем. Да и не впервой нам с богами биться.

— Давайте просто посидим и отдохнем. — Вздохнул устало Федогран. — Кто его знает, что нам дальше уготовано. Устал я что-то, да и вы я думаю тоже.

Ждать пришлось долго. Многие даже начали посапывать тревожным сном, а минотавр за это время успел подружиться с Цербером возясь с ним на манер борца сумо, вызывая зависть у Бера, и несколько раз даже пытался отвязать пса, но был остановлен гневным криком шишка, к которому искренне привязался, считая чуть ли не старшим братом, и во

всем слушаясь. Вул, как всегда, был на чеку, и точил о камень меч, что-то недовольно бубня себе под нос, изредка посматривая недоверчивым взглядом на реку.

Раскрасневшийся и злой Аид появился неожиданно, материализовавшись из мрака все в той же лодке, бесшумно скользящей по гребням волн. Неторопливо приблизившись, он сошел, немного нервно на берег, кивнул Федограну, и без всяких предисловий сообщил:

— Амазонки отныне свободны в своем праве выбора нитей жизни, никто не посмеет вмешиваться. Так же Персефона приносит свои извинения героям, за доставленные неприятности, и в знак примирения дарит им свое благословение. Вы будете немедленно отправлены назад. — Он стукнул древком копья о землю, и все исчезли, кроме Федограна. — Садись воин, я ненадолго оставил тебя в своих владениях, чтобы поговорить. — Он вновь стукнул копьем и появились два резных каменных стула. На один из них сел он сам, а на другой, вставший напротив, пригласил устраиваться богатыря. — Расскажи все, что знаешь о скрижали, о потоках силы и про врагов, мешающих ее выходу в наш мир. — Он небрежно коснулся наконечником копья цепей, сковывающих пса, и они с лязгом упали в песок, освободив Цербера, который тут же прыгнул к хозяину и сев рядом, заскулил, и опустил головы тому на колени.

Федогран посчитал что скрывать от богов Олимпа сведения о врагах, нет никаких причин, и более того, надеялся в лице местных небожителей обрести союзников в борьбе с Чернобогом, поэтому рассказал все, без утайки, кроме, разве что о своем появлении умолчал, ни к чему это знать, и делу никак не поможет.

Аид слушал внимательно, изредка задавая уточняющие вопросы, и по мере рассказа, все более и более хмурил лоб, и в конце концов встал и нервно забегал по берегу туда обратно, покрывшись черными языками тумана, окутывающими тело. Верная собака снова заскулила, вжав головы в плечи, почувствовав настроение, и злобно посмотрела на Федограна, посчитав его источником гнева хозяина.

— Теперь все встает на свои места. — Наконец, после долгих раздумий произнес бог. — И слабость, все более и более накачивающая на жителей пантеона, и жадность, и злоба, наполняющая наш мир, как зараза, быстро распространяющаяся между людей. Я вынесу этот вопрос на обсуждение, на ближайшем совете небожителей Олимпа, и смею заверить, ты найдешь в нас верных союзников. Мало того. Я хочу встретиться с Перуном. Если уж недолюбливающие друг друга до этого бог грома и Морена объединились в борьбе, то и нам пора прекратить с ним ненавидеть друг друга. Война давно закончилась. Передай ему при встрече, что Аид желает поговорить. — Он сел, на стул и внимательно посмотрел в глаза Федограна. — Ты уверен, что сможешь победить?

— Нет. — Честно ответил тот. — Но я постараюсь все для этого сделать.

— Спасибо за честный ответ. Отправляйся к своим друзьям и продолжай путь. Помех в наших землях тебе не будет. — Он стукнул копьем и Федограна ослепило яркое полуденное солнце, легкие наполнились свежим воздухом с ароматами цветов, а слух пением птиц и радостными криками друзей. Он вернулся из царства мертвых. Спасся сам, спас друзей и освободил амазонок от проклятья. Было чем гордиться, но почему-то это не радовало. Последний вопрос Аида: «Уверен ли он в победе?», — Как-то внезапно внес в душу смятение. «А если нет?», — То, что тогда? Он погибнет? Это-то как раз и понятно с этим он давно смирился, но что произойдет в этом случае с миром? Все, что он любил, все что ценит, все исчезнет. Скачущий сейчас от радости на плече шишок перестанет существовать по воле черного бога. Ягира с Чащуном уйдут за кромку, если и та, в конечном счете, не

растает от неверия в нее людей, растворится в небытие. А боги? Такие живые, реальные, равнодушные к просьбам верящих в них жителей. Что будет с ними? Они умрут? Тоже, как и кромка растают? Нет. Он не имеет права проиграть. Этот мир сделал ставку за свое существование на него, и он его не подведет. Зубами если надо вырвет победу, перегрызет поганое горло врага, но победит.

— Вот что ты за человек такой, Федогран? — Ткнул кулаком в плечо друга Вул. — Все вернулись, а ты, как всегда, в своем репертуаре, заставил верного оборотня волноваться. Меня убьют не враги, меня убьет собственный брат, разорвав сердце.

— Если я не задушу его до этого в своих объятьях. — Бер обхватил руками так, что затрещали кости.

— Дурак! — Заколотил медведя по голове кулаками Шишок подпрыгивая на плече. — Отпусти не то и в правду раздавишь. Кто тогда нас домой поведет?

Федогран оглянулся. Вот оно то, ради чего стоит жить, и побеждать. Светящиеся неподдельной радостью лица названных братьев. Восхищенные аргонавты, уже похоронившие себя в подземельях Тартара и вновь вернувшиеся к жизни его стараниями. Амазонки, еще не осознавшие до конца произошедших с ними перемен, и высыпавшиеся молчаливой толпой, с зарождающимся в глазах восторгом, из домов встречать пропавших накануне гостей. Минотавр, застывший напротив Мирины и пожирающий глазами, раскрасневшуюся, не в силах сдержать пылающие в душе чувства взаимности, девушку. Прочь сомнения. Теперь он уверен, что победит. У него нет другого выхода.

Гуляли два дня, прерываясь только на сон. Пили, ели, танцевали, пели хором песни, падали пьяные в клумбы с цветами, поднимались и шли снова веселиться. На каждом углу рассказывали о битве Федограна, победившего злобную Горгону, приукрашая иногда до абсурда подвиг, и восхваляли Афродиту, уверенные в том, что это она помогла освобождению героев. Пели гимны Аиду, его мудрости, поставившему на место свою злобную жену и вернувшему счастье амазонкам.

На третий день, с утра, начали собираться в дорогу. И тут всех удивил Крепыш. Он подошел к Федограну и сообщил, опустив глаза:

— Прости. Я не пойду с вами дальше. Я нашел тут свое счастье и остаюсь. Мирина согласилась стать моей женой.

— Вот всегда знал. — Воскликнул шишок. — Что все беды от женщин. А как же мед? Ведь ты мечтал попробовать?

— Ты приплывай в гости, и привози бочонок. — Улыбнулся минотавр. — Здесь всегда будут тебе рады. Вот я и попробую твоего хваленого напитка.

Вновь за бортом вздыхающее волнами, искрящееся на солнце море. Бесконечный, захватывающий душу восторгом простор. Впереди путеводная нить Ариадны, тонкой черточкой, чудодейственным образом появившаяся по курсу корабля. Наверняка Аид постарался. Вперед! Домой! К новым приключениям!

Глава 23 Оазис

Сзади — бесконечность морских просторов, впереди, уходящая за горизонт, иссушенная солнцем степь. Утро только вступает в этот мир наполняя светом восходящего солнца обдуваемое ветрами открытое пространство, а уже жарко. Морской бриз не приносит пролады, а наоборот создает впечатление работающего вентилятора в протопленной парной.

От самого острова амазонок до песчаного берега, долгожданного окончания морского путешествия, препятствий в пути не было. Аид сдержал обещание, и в паруса Арго всегда дул попутный ветер, а море, перекатывая плавные волны, без малейшего намека на шторм несла корабль вперед. Команда пела гимны, славящие бога загробного мира, а вместе с ним, Нептуна и Зевса, а четверка названных братьев скучала, не зная, чем себя занять, всматриваясь вдаль сонными глазами.

И вот наконец она, долгожданная твердь под ногами. Теперь нить Ариадны убегала куда-то вдаль, за горизонт, уже не по морской глади, а по жухлой траве, теряясь меж холмов, покинув наконец водную стихию, и манила за собой путешественников. Впереди новый неизвестный мир. Новая дорога к дому, которую надо преодолеть. Они готовы. Фляги наполнены пресной водой, запас высушенного до состояния хруста мяса уложен в котомки вместе с сухарями. Пора прощаться.

Они обнялись с командой Арго, похлопав руг друга по спинам. Пожали руки. Озвучили практически невыполнимое желание встретится когда-нибудь, и на этом расстались, растаяв навсегда в жаре парящего рассветом марева бескрайнего простора. Ушли не оборачиваясь. К чему все эти сантименты, мужчинам, знающим себе цену, и идущим к цели, ни к чему им долгие прощания.

Теперь названные братья угрюмо брели вперед. Шли по еле заметному следу клубка, убежавшему куда-то далеко за чахлые холмы. Море давно осталось за спиной, а под ногами пылила степь, больше похожая на пустыню, хрустя желтым песком под сапогами. Изредка, как напоминание о конечности бытия, встречались выбеленные солнцем скелеты животных. В общем подняться настроению было не с чего.

Воду экономили как могли, пили строго по расписанию в одно и то же время, маленькими глотками, но как не старались, на четвертый день она все равно закончилась, и пополнить ее запасы теперь было уже негде. Пять раз видели пальмы, как пятна надежды на горизонте. Кидались туда, но те исчезали, как только путешественники пытались к ним приблизиться, таяли, оказываясь миражами.

— Глупые шутки местных богов. — Пробурчал Бер, увидев впереди очередное видение, манящее прохладой усталых путников. — Сейчас произдевается над нами и растает, оказавшись очередным обманом. Надоело все. Домой хочу. В Яробудову конюшню, и что бы квасу ковш... , холодного... , с ледника. — Он мечтательно закатил глаза.

— Нет, этот уже не растает. — Улыбнулся Вул потрескавшимися от жажды губами. — Я чувствую запах цветов. Это уже не мираж. Это на самом деле место, где можно будет передохнуть, и напиться.

Такое радостное известие всех мгновенно взбодрило, и прибавило сил. Ноги сами собой ускорились, и шаг стал шире и веселее.

Это действительно был оазис. Совсем крохотный. Несколько финиковых пальм, как

потрепанный клочок шкуры дикобраза на фоне бескрайней засухи, и лужица чистой родниковой воды, бьющей из-под земли нескончаемым фонтанчиком и тут же уходящая обратно в покрытый прелой листвой песок, но все же успевающая при этом напоить несколько квадратных метров пустыни живительной влагой, превращая их в рай. Благоухание трав и цветов. Жиденькая, но такая долгожданная тень деревьев, едва прикрывающих от лучей палящего солнца, все это великолепие. Этот оазис, казался неестественным, как бриллиант на иссохшем, выбеленном солнцем скелете, зажигающим жадность обладания сокровищем в неожиданно нашедшем его путнике.

Но не был бы Федогран — Федограном, если бы не одно — но, проблемы сыпались на нашего с вами героя нескончаемым потоком. Особенно красноречиво свое отношение к такому положению вещей выразил взглядом Вул, ехидно при этом улыбнувшись.

У родника, скрестив в позе лотоса ноги, сидел мальчик. Ребенок в возрасте восьми лет, один, в пустыне, в десятках километрах от жилья, он смотрел с любопытством на приближающихся, удивленных его тут присутствием, путешественников, ни грамма при этом не беспокоясь и не испытывая ни малейшего чувства страха.

Раскосые, характерные для степняков глаза смотрели с ироничным превосходством взрослого мужчины, а тонкие губы улыбались, показывая острые зубы, некую сюрреалистическую смесь человеческого и кошачьего оскала.

Мотнув головой, характерным движением откинув за спину длинные, спутанные, черные волосы и резко подпрыгнув, ребенок поднялся на ноги, преградив, самым решительным образом, путешественникам путь, вытянув вперед руки, и развернув ладони в жесте: «Стоять! Дальше ни шагу!».

— Водички захотелось? — Прохрипел он иссушенным голосом глубокого старика. — А заплатить есть чем?

— Ты бы попил что ли, пострел. Горло видать пересохло, раз шипишь как змея. — Шишок с такой злобой посмотрел на него, что, если бы взглядом можно было убить, то мальчишка упал бы замертво. — Уйди с дороги. Напьемся, тогда и поговорим, заодно и узнаем: кто ты таков и что тут в одиночку делаешь, без сопровождения взрослых.

— Бичура?! — Внезапно воскликнул удивленно и немного растерянно ребенок, тыкнув в Ильку пальцем, видимо только, что того разглядев. — Но почему Мужчина?

— Какая еще Бичура. Чего выдумал-то? Не знаю я никакой Бичуры. — Опешил шишок.

— Но ты же при людях жить должна, дома охранять, за хозяйством следить, кого награждать, а кого и смерти придавать? Почему ты тут? Зачем? — Проигнорировал ребенок ответ растерявшегося Ильки.

Тот удивленно посмотрел сначала на Федограна, потом на Вула, то ли ища у них объяснений, толи поддержки, но получив в ответ такое же недоумение, вновь перевел задумчивый взгляд на мальчишку, и тут его глаза внезапно сузились, наполнившись хитростью, и он неожиданно для всех, гордо выпрямившись, заявил скороговоркой, с самым наглым и серьезным видом:

— Муж я ей. Илькой зовут. Жenuшка новое место для жилья искать послала, в сопровождение мне воинов вот дала. — Он обвел рукой, указав на застывших в непонимании происходящего друзей. — Вот присматриваюсь. Тут мне нравится. Думаю, дом поставим, в аккурат под деревом, и водичка рядом. Красота. Ты не против? Тебя звать то как?

— Так это... — Смутился от такого наглого напора мальчуган. — Су-Ияси, я. Только вроде Бичура не любит места менять? Не в ее это правилах.

— Я зато люблю. — Усмехнулся нагло Илька. — А она мне жена, и потому слушается. Давай, лучше показывай, что тут да как. Нужно план строительства составлять.

— Мне с дедом посоветоваться надо. — Совсем скис Су-Ияси. — Он главный, как решит, так и будет.

— А дед то где? — Шишок обвел взглядом округу, недоуменно выпучив глаза. — Спрятался что ли? Зови давай.

— Я быстро. — Глаза мальчика сверкнули подозрительностью, но он промолчал, и быстро развернувшись нырнул в лужу и скрывшись в зеркале воды.

— Что это было? — Наконец пришел в себя Федогран. — Зачем ты этот цирк устроил?

— Я тоже ничего не понял. — Бер почесал затылок. — Какая жена? Ты же вроде один живешь?

— Ты что задумал? — Вул отвязал от пояса флягу и присел у воды. — Он же сейчас вернется, и возможно не один, а с дедушкой, и судя по всему, очень суровым.

— Вот и пейте скорее, и фляжки наполняйте. — Ухмыльнулся беззаботно шишок. — В остальном моя забота... — Он видимо еще что-то хотел сказать, но, не успев, так как на берег выскочил Су-Ияси, и злобно сверкая глазами, с нескрываемой угрозой в голосе заорал:

— Падите на колени, презренные! Великий владыка вод. Могущественный Су-Бабасы, сам решил увидеть вас, и наказать лжецов праведным гневом. — Он упал на одно колено и вознес руки к небесам.

— Доигрался. — Стрельнул глазами Вул в опешившего шишка, невозмутимо при этом наполняя флягу.

— Су-Ияси радуется.

Небо и земля

Волнуются.

Ожидаем воли твоей.

Слава тебе Властелин воды, мир посетивший,

Радостью наполнивший,

Жизнь дающий.

Явись в славе своей!!!

О! Су-Бабасы светлоликий! — Запел торжественно мальчуган.

Вода вскипела поднимающимися со дна пузырями, лопающимися на поверхности грязно-зеленым, густым туманом, наполнив воздух запахом болотной тины.

Полупрозрачная фигура грозного старика, поднялась над поверхностью струясь потоками влаги. Включенные, словно пена прибоя волосы деда шевелились, переливаясь на солнце отражающимися искрами, а глаза горели гневным голубым огнем.

— Лгуны!!! — Прогредел булькающий громкий голос и с трезубца, в руках нового персонажа, сорвалась струя воды. Она, как копье, врезалась в голову Федограна, по какой-то непонятной причине выбрав из всех именно его.

Сильнейший удар, на миг помутил сознание богатыря. Когда же возможность видеть восстановилось, и шум в ушах прошел, то наш герой стал свидетелем удивительной картины:

Владыка вод сидел в луже, вытянув ноги и ошарашенно округлив глаза мотал головой. Он что-то бормотал, шевеля длинными усами, спускающимися к подбородку, с редкой, словно выщипанной бородкой, и пыхтел маленьким пухлым носом на манер вскипающего самовара.

Мальчуган, Су-Ияси прыгал вокруг него, пытаясь растерянно чем-то помочь,

разбрызгивая при этом ногами воду, и заламывая руки, но так как не понимал, что нужно делать, то лишь заунывно выл, оглашая округу отчаянием.

Бер хохотал, приседая и хватаясь за живот, а Вул стряхивая с себя брызги, ругался, при этом, пытаясь, прицепить к поясу флягу. Шишок же бежал откуда-то из далека, размахивая грозно кулаками и выкрикивая проклятия. Кромочника видимо сбило с плеча и унесло в степь струей воды, и теперь он быстро возвращался мокрый и злой.

— Что это было? — Федогран, стер с лица капли, и пояснил. — Я имею в виду, что произошло?

— Я и не подозревал брат, что ты умеешь так плевать. — Прохохотал в ответ задыхаясь медведь. — И ведь как попал... Точно в лоб.

— Ничего не понимаю. — Посмотрел на него удивленно богатырь. — Я ничего не делал. Помню только как этот. — Он кивнул в сторону Су-Басы. — Струю запустил, а я отреагировать не успел, все очень быстро произошло. Меня оглушило, а когда очнулся тут черти, что творится.

— Вода от шлема отразилась, и рикошетом назад. Тебе конечно досталось, но ты устоял, а вот хозяйина вод с ног сбила, теперь в себя приходит. — Пробурчал пояснения оборотень. — Хорошую ты вещь приобрел. Ценную. Врагу удар возвращает. Ну а этому недомерку поделом. — Кивнул он в сторону бегущего навстречу Ильке. — В следующий раз врать не будет, а то язык как помело. Мелет не думая.

— Вы кто такие? — Побулькал наконец пришедший в себя Су-Бабасы. — Пришли без спроса в мои владения, наврали про Бичуру моему слуге, а потом еще и на меня, на духа воды посмели напасть.

— Ты сам, выскочил как оглашенный, и давай со своего трезуба стреляться. Ни спросил, ни поздоровался. Кто же так поступает? — Подлетел к самому краю воды мокрый и раздраженный шишок, готовый кинуться в драку на обидчика.

— Уймись Илька. — Рывкнул на того Федогран. — Ты уже достаточно дел натворил, своим враньем. — А ты, то же думай, прежде чем что-то делаешь. — Повернулся он к местному водяному. — Не гоже так гостей встречать. Один не поздоровавшись, сразу плату за глоток воды просит, второй в драку кидается, не разобравшись. Не дело это.

— Кто, ты такой, чтобы стыдить самого Су-Бабасы? — Вновь начал злиться дух. — Меня бояться и уважают все местные племена. Приносят дары, поют гимны и славят мою щедрость...

— Мы не местные. — Буркнул в ответ Вул, прерывая зарождающийся монолог водного духа. — Что бы тебе несли, нужно уважение заслужить, а не вытягивать их угрозами при первой встрече у измученных жаждой путников. Странные у вас обычаи.

— Ты вновь за свое? — Су-Бабасы, внезапно схватил суetyщегося около него пацана за длинные волосы, прозрачной рукой, и приподняв над землей, поднес трепыхающегося мальчишку к глазам. — Сколько раз тебя предупреждал, сколько раз лупил, за такие проступки, но ты никак не уймешься. Все тебе мало. Как ты посмел требовать плату за воду? Кто позволил нарушить законы гостеприимства. Твоя жадность погубит тебя когда-нибудь.

— Да. Жадность сейчас как дерьмо для мух. Мало того, что сама по себе вещь неприятная, так еще и притягивает гадость всякую. Поддавшихся этому чувству, быстренько Чернобог к рукам прибирает, и служить себе заставляет, разрушая устои этого мира. Поганое чувство, особенно для воина. — Оборотень подошел ближе. — Отпусти пацана. Тумаками благородству не научишь. Тут осознать надо, что натворил. Устраивайся рядышком. —

Хлопнул он ладонью по земле, приглашая садиться отпущенного на землю духом мальчишку. — Я тебе сказку расскажу. Не поросшую мхом легенду, а самую настоящую быль, которой сам свидетелем был:

В одном городе, столице княжества Ураслав, жил воин. Звали его Сканд. Неплохой боец. Всем хорош, но был у него один недостаток: жаден он был, как до денег, так и до славы. И вот однажды, явился к нему новый бог. Пообещал и то и другое и в размерах немереных. Князем пообещал сделать, златом осыпать, почет и славу пообещал, и всего-то надо было предать. Предать свой род, предать землю свою, предать все то, что предки его ценили и уважали, за что кровь проливали на поле брани, и чему детей учили.

Дрогнула жадная душа Сканда. Наполнилась черной подлостью. Впустил он в город, обманом, дух нового бога, старого князя Сослава, едва ума того не лишившего, честных воинов, верно отечеству служивших, в порубь кинувшего. Стал тот жадный воин воеводой вместо славного и честного Ермохи.

Стал ждать прихода войска вражьего, чтобы ворота открыть, и предать разору, то, чем до этого жил, чем дышал сам и предки его. Спасибо богатырю, и мечу его, силой богов напоенному. — Оборотень кивнул в сторону Федограна. — Снес он с плеч голову жадную, раскрыл с помощью друзей верных замыслы подлые.

Знаешь, к чему я это все говорю. — Вул посмотрел в глаза внимательно слушающему его мальчишке, и не дожидаясь ответа продолжил. — Все, в ком поселилась эта страшная болезнь — жадность, все, когда-нибудь предадут. Предадут все, что для них дорого, потому что к ним придет Чернобог, и пообещает то, от чего те не смогут отказаться. Страшно это предавать того, кого любишь. Подумай пацан. Не пускай себе в душу нового бога. Счастья от этого ты не приобретешь, а все, что тебе дорого потеряешь. — Вул замолчал, и все вокруг замерли в тишине, осознавая сказанное им.

Тишину нарушил первым пришедший в себя Су-Бабасы:

— Что за новый бог, о котором ты говорил? — Пробулькал он задумчиво взглянув на оборотня. — Я ничего не слышал о нем.

— Бог намоленный людской подлостью и жадностью. — Вновь заговорил оборотень. — Он недавно поселился в этом мире, и начал перекраивать его устои под себя. С помощью адептов, он захватил скрижаль создателя, дающую энергию жизни, и не пускает теперь ее потоки в свет, перекинув их на себя. Привычный нам мир гибнет. Светлые боги теряют паству и власть, а духи чахнут.

— То-то я смотрю, тяжело мне становится последнее время. Словно вынимает кто-то из меня жизнь, вытягивая ее потихонечку, но неустанно. — Су-Бабасы вышел из воды и сел рядом с оборотнем, обхватив колени руками. — Так значит виной этому новый, незнакомый бог?

Вул кивнул:

— Да. Кстати, его стараньями мы с братьями тут и оказались. Мы боремся с ним. Вот в последней схватке, Федограна с Илькой, его силой черной, и затащило в чужие земли, а мы с Бером, на помощь к ним поспешили. Так и оказались тут. Теперь домой возвращаемся. По путеводному следу клубка, Ариадной подаренного, идем. И сколько еще впереди не знаем.

— Благое дело делаете — Водный дух обернулся и с одобрением посмотрел на стоящих за спиной друзей. Рад был бы вам помочь, да вот не знаю чем. А каким богам вы молитесь, чужестранцы?

— Перуну. — Ответил за всех Бер. — Еще Морене и Ярило.

— Слышал о таких. Соседи наши. Недалече вам осталось. — Улыбнулся Су-Босы. — Помогу вам. Тут рядом кочевье, племени меня почитающего, коней пасет. Идите туда вам помогут. А пока отдыхайте. Никто никакой платы с вас требовать не станет. Отныне и до окончания времен вы гости мои. А этого шалопаю. — Палец духа ткнул в грудь потупившегося в землю мальчишку. — Вам в услужение и в проводники оставлю. Заодно и волю мою, вам помогать, племени передаст.

Хороший дед оказался, умный, незлобивый и необидчивый.

Глава 24 Чувства друга

Снова в чистой глубине бескрайнего неба палящее солнце. Снова под ногами все также иссушенная жаждой степь, с желтой хрустящей под сапогами травой, обжигающий ветер в лицо, и постоянное, нескончаемое желание пить. Движения неторопливые и ленивые, но несмотря на это, все равно пот заливает глаза. Идет второй день как путешественники покинули оазис и двигаются вперед к своей цели, ведомые нитью Ариадны и слугой Су-Бабасы, Су-Ияси, оказавшимся довольно болтливым, веселым пареньком, быстро нашедшим общий язык с шишкой, и во всю подтрунивававшему теперь, на пару с ним, над флегматично огрызающемуся от них Бером.

Зеленая полоска леса показалась на горизонте неожиданно всплыв вдали еле заметной туманной надеждой, и воспринялась друзьями первоначально как очередной мираж, но Су-Ияси обрадовал изнывающих от жары путников, что это действительно то, что они видят. Впереди река, поросшая по берегам бурной растительностью, а также конец их совместного путешествия, так как кочевое племя, к которому их направил дух воды, сейчас проживает именно там.

Нетрудно представить, с какой радостью восприняли названные братья это известие. Словно крылья выросли за иссушенными зноем спинами, и понесли вперед, ускорив шаг.

Их встречали на опушке дубовой рощи. Шесть всадников на низкорослых, косматых лошадках, сидели в седлах без стремян, почти касаясь ногами земли, и держали наготове длинные, гнутые боевые луки, с наложенными на тетиву стрелами. Раскосые, карие глаза, на загорелых до коричневой корки, обветренных ветром степей до морщин лицах, смотрели с интересом и подозрительностью, но без страха, так как истинные воины смотрят на чужаков, не зная, чего от них ожидать.

Мальчуган-проводящий рванул к ним на встречу, размахивая в приветствии руками, и те, узнав его, опустили оружие, спешившись и приветствовали с самым радушным видом старых добры знакомых. Федогран остановился и его примеру последовали остальные. Надо было подождать и дать время Су-Ияси, поговорить с недоверчивыми хозяевами здешних мест, и не торопиться, как бы не хотелось поскорее оказаться в тени деревьев.

Переговоры длились не долго. Шестерка воинов вскочила в седла, и быстро приблизилась, лихо спешившись прямо на ходу в двух метрах от путешественников.

— Мы рады приветствовать вас во владениях гуннов. Друзья наших друзей — наши друзья. — Прижал один из них руку к сердцу. — Вы найдете в наших юртах тепло и пищу, достойных великих батыров. Я Камал, сотник племени, приглашаю вас в стойбище.

Кожаные легкие доспехи с медными нашивками в районе груди, прикрывают тела воинов, за спинами небольшие, круглые, щиты, владение которыми требуют ловкости и сноровки от своего хозяина, в ножнах кривые мечи на поясах, остроконечные шлемы с притороченными к навершиям лисьими хвостами, у всех, кроме вождя, у того серебряный обруч, символ права отдавать приказы, он стягивает длинные непослушные, черные с легкой сединой, волосы сотника, выделяясь светлой полоской на загорелом до коричневого цвета, морщинистом лице. Волевые, умные, пронизательные глаза, смотрят прямо и уверенно, с легким налетом недоверия к незнакомцам.

— Мы с большой радостью воспользуемся вашим гостеприимством. — За всех ответил Вул, также прижав ладонь к груди, в знак благодарности и чистых помыслов.

— Мы проводим вас. — Отступил в сторону сотник, приглашая жестом следовать гостей вперед.

— Помните, о чем просил Су-Бабасы. — Мальчишка-проводник, дернул за рукав Камала. — Эти люди не нуждаются в защите. — Он кивнул в сторону Федограна. — Им нужен отдых и помощь в путешествии по степи. Я волю духа воды выполнил, и уйду назад в источник оазиса, мне тяжело на чужбине. — Су-Ияси растаял, превратившись в легкое белое облако, и подхваченный порывом ветра улетел.

Если и существует где-то рай, то он находится именно тут, в этой тенистой дубовой роще, прохладой, встретившей измученных зноем путников. Вековые великаны, взметнувшие могучие кроны высоко над головами, самоотверженно закрывающие палящее полуденное солнце густой листвой, со стволами-монстрами с коричневой, полопавшейся от времени корой, которые не обхватить и четверым мужикам, взявшимся за руки. Сочная трава под ногами, не то убожество, убиваемое солнцем и жаждой в бескрайней степи, а настоящей зеленой, полной жизни травой, и еще серенады птиц, как симфония жизни, и ароматы цветов как символ любви. Что еще надо? Счастье наполняет в такие моменты душу, выплескиваясь произвольными, довольными улыбками на губах. Хочется петь, ну или на крайний случай, при отсутствии музыкального слуха, заорать во все горло, выразив таким образом свое восхищение и благодарность природе, и богам, создавшим такую благодать.

Стоянка кочевников располагалась на берегу широкой реки, неторопливо несущей свои прозрачные, хрустальные воды, вдоль пологих, песчаных берегов, поросших лесом. Встретили их дружелюбно. По существующей тут традиции поднесли по глиняной кружке с кумысом и пирогу с мясом — зур-бэлиш, обильно сдобренным перцем и травами. У непривычных к такой пище друзей даже слезы выступили из глаз, от остроты приправ, пробирающих до глубины души, огненной лавиной скатываясь по пищеводу в желудок. Но они не подали ни виду, сердечно поблагодарив хозяев за угощение.

Вождь племени Хан-Азхар, невысокий седой старик, с гордо расправленными плечами, покрытыми тигровой шкурой поверх красного атласного халата, тепло приветствовал названных братьев, пригласив их располагаться в стойбище как у себя дома, и выслушав просьбу обмыться с дороги, благосклонно кивнул сверкнув золотым обручем, символом власти, пообещав прислать свежую одежду для переодевания.

Прохладная вода — это бальзам на душу разгоряченных зноем и дорогой путников. Кто не страдал от палящего солнца, не заливался потом, выедающим глаза и хлюпающим в сапогах, тот никогда не поймет этого восхитительного чувства, мурашками блаженства, проникающего в само естество, неторопливо плывущего по хрустальному удовольствию человека.

Пропитанную потом и пылью одежду одевать не пришлось. Симпатичная девушка, с застенчиво опущенными глазами, принесла три льняных халата, и стрельнув взглядом из-под лобья по обнаженному телу Бера, покраснев, убежала в стойбище, не забыв при этом, ловко прихватить с собой грязные тряпки путешественников.

Медведь вообще притягивал взоры противоположного пола с удивительной силой. Высокий красавец с ежиком коротко стриженных рыжих волос, перечеркнутых зигзагом мужественного шрама, на голове, и перекатывающимися, фактурными кубиками мышц под покрытой бронзовым загаром кожей. По нему иссохло не одно девичье сердце.

— Какая симпатичная девчонка. — Потянулся он блаженно, хрустнув суставами. — И необычная. У нас в деревне все больше белокурые да дородные, а эта какая-то вся маленькая

и черненькая. Хочется на руки взять, понянчить, да так и носить всю жизнь не отпуская. — Улыбнулся он, накидывая на плечи халат.

— Вот охальник. — Рассмеялся шишок. — Тебя невеста дома ждет, а ты на чужие юбки засматриваешься. Узнает, Василиса, она тебе глаза-то бесстыжие по выцарапывает.

— А что тут такого. Я же без всякого умысла. Или ты скажешь, что девка не красивая? — Смутился медведь. — Кабы не моя Васька, я бы, Перун свидетель, посватался к этой, такой-то девахи во всей нашей округе не найти. Мужики обзавидуются.

— Пошли уже, Дон Жуан. — Рассмеялся Федогран. — Вон Хан рукой машет, к столу приглашает, не гоже заставляя себя ждать.

— Что за Ду-Жун? Кто такой? — С любопытством посмотрел Бер на парня.

— Тот, кто ни одной юбки не пропускает. Ему морду бьют, а он не успокоится никак. — Ответил сквозь смех Федогран.

— Положим я на юбки не засматриваюсь, а морду набить, это еще вопрос, кто кому. — Гордо повел плечами медведь.

— Если продолжишь девку глазами поедать, то найдется тут богатырь, а я ему помогу, чтобы не позорил тут воинов Сослава. — Пробурчал недовольно Вул, но в его глазах светились весельем чертенята, совершенно не сочетающиеся с суровым выражением на лице.

— Пошли уже. — Запрыгнул на плече Илька, предварительно встряхнувшись, как пес, и стряхнув с себя воду. — Оттуда мясом жареным пахнет так, что желудок сводит. Мне сухари, моряками греческими подаренные, уже поперек горла стоят.

Пир нашим героям устроили знатный. Зажаренный целиком на дубовых углях до хрустящей, лопающейся корочки барашек. Жирный рассыпчатый плов, который стекал расплавленным салом по рукам, ибо не гоже касаться бездушными ложками пищи богов, только перстами, берешь щепоточку из пузатого казана и в рот... Вкуснятина... Разнообразные овощи и ароматные, острые, обжигающие язык приправы, запиваемые холодным кумысом, непривычным для воспитанных в других традициях людям напитком, больше привыкшим к коровьему молоку, и гранатовый сок, красный и густой как кровь, в высоких глиняных кувшинах. Праздник истосковавшегося по горячей, свежей пище живота.

Степенные разговоры батыров, как называли здешних богатырей, улыбки девушек, подающих кушанья и убирающих пустеющую в мгновения ока посуду. Ощущение безопасности, покоя и тихого счастья, за уютным семейным столом дружного племени, правда, как и у греков являющимся всего лишь расстеленным прямо на земле, расшитым замысловатым орнаментом ковром, за которым сидели, на набитых конским волосом подушках, скрестив ноги.

Когда солнце опустилось к горизонту, уступив свое место всплывающей луне, слегка пригасившей высыпавшие как веснушки на темном небосклоне звезды, наступило время молитвы, зазвучал бубен шамана, и слегка хриплый голос служителя культа, позвякивающего многочисленными амулетами, запел молитву:

— Да будут благословенны духи предков моих, Да будет благословенна Земля, твердыня моя, И воды Денгиз, дарующие жизнь. Благословенно Небо, Тенгри, создатель мой. Я избрал путь следовать Твоему велению, Дай мне сил соблюдать закон Твой, И хранить его всем сердцем. Тенгри — меч мой, научающий руки мои битве, Щит мой, ограждающий от беззакония. Преклони небеса Твои и сойдти, коснись гор, Блесни молнией и рассеяй огненными стрелами врагов моих. Избавь мой народ и спаси от руки сынов иноплеменных,

несущих погибель. Счастлив народ, у которого есть Твой закон. Счастлив народ, у которого Небо есть Бог. -

Последние слова прозвучали особо торжественно, и после них люди начали расходиться, и готовятся ко сну. Федограну с друзьями выделили просторную юрту, с краю стойбища, ближе к реке. Расстеленные прямо на земле шкуры заменяли кровати, и были на много удобнее чем влажная от росы вечерняя трава, которой они пользовались в последнее время.

Было душно, еще и на внешний дискомфорт накладывалось впечатления бурного вечера в компании новых знакомых, и потому спать совершенно не хотелось. Федогран тихонечко вышел из юрты и пошел на берег реки, желая окунуться в чистую воду. Нырнуть с головой и плыть в тишине под звездами, наслаждаясь покоем и прохладой ночи.

На берегу, на фоне лунной дорожки, он увидел два сидящих рядом силуэта, один большой, а второй маленький, и услышал едва различимый женский голос.

— Ты такой большой. От тебя веет силой и надежностью. Твоя жена будет счастливой женщиной. Я ей завидую.

Под ногой Федограна треснула предательская сухая ветка, и разговор резко оборвался девичьим испуганным: «Ой», — и гибкая фигура метнулась в сторону юрт, растворившись в темноте, а мужская поднялась на встречу со сжатыми кулаками, не обещающими ничего хорошему возмутителю спокойствия, но увидев кто это такой со вздохом села.

— И чего тебе не спится? — Прозвучал угрюмый голос Бера.

— Ты лучше скажи, что ты тут делаешь? — Федогран подошел и сел рядом. — Тебя невеста дома ждет, а ты тут по девкам бегаешь.

— Она не девка. — Вспылил было медведь, но тут же успокоился. — Это дочка сотника, Агли, мы просто разговаривали. — Он замолчал, словно собираясь с мыслями, а потом вдруг развернулся, схватив друга за плечи, и заговорил скороговоркой, выплевывая болью, кипящей в душе слова. — Понимаешь брат..., я все осознаю..., и про долг, и про невесту..., но как посмотрю в ее глаза, становлюсь как телок несмышленный, не вижу ничего больше, все вокруг не имеет в этот момент значения, хоть убивай меня, не почувствую. Вот что это, скажи? Я на медведя с рогатиной идти не боюсь, с богами без страха воюю, а рядом с ней робею. Маленькая, хрупкая, а ухватила меня за душу, и держит, вздохнуть не дает. Хоть топись.

— Влюбился ты братишка. И что тут посоветовать я не знаю. Нет у меня подобного опыта. Одна у меня невеста и любовь одна. Дома меня Алинка ждет, и другую мне не надо. Тебе же, самому решать все придется. А сейчас, пойдем-ка лучше искупаемся да спать ляжем. Утро, говорят, оно мудрее вечера, может что на свежую голову и решишь. — Хлопнул Федогран по плечу медведя, и поднялся. — Пошли окунемся и на покой.

— Да погоди ты брат. — Вскочил тот, вновь схватив Федограна за плечи и заговорил тому прямо в лицо. — Ведь там, дома, у меня все по-другому. Сказали мамка с тятькой: «Жениться пора, время пришло», — ну я и согласился, надо так надо, но теперь-то все по-другому, теперь я увидел ее... — Он оттолкнул друга. — И вот что мне теперь с этим делать... Я не знаю. — Медведь резко скинул халат, разбежался, и прыгнул в воду, надолго скрывшись из вида, через некоторое время его силуэт показался в лунной дорожке на поверхности, с остервенением махающий руками и уплывающий вдаль.

Блаженное настроение Федограна исчезло. Он представил какого его названному брату сделать выбор между обещанием родителям и любовью. Как посмотреть в глаза невесте? Что

ей сказать?

— Дела. — Прозвучал под ногами задумчивый, знакомый голос, и на плече быстро вскарабкался Илька. — Вот же угораздило.

— Ты-то, чего не спишь? — Спросил Федогран не поворачивая головы, продолжая смотреть на плавающего в реке друга.

— Не спится с полным брюхом. Нельзя столько на ночь есть, да и ты ушел. Вот я и решил с тобой погулять, развеяться, а тут такое... — Ответил задумчиво, на автомате шишок, сам видимо думая о чем-то другом.

— Не хотел бы я быть на его месте. — Прозвучал еще один знакомый голос за спиной.

— Еще один полуночник. — Хмыкнул в ответ шишок, толкнув Федограна в щеку. — Подслушивал.

— Не подслушивал, а услышал. — Ответил тот садясь рядом со стоящим Федограном и засунув травинку в рот, спросил. Но это у него получилось так, словно спросил он самого себя. — Чем ему теперь помочь?

— А может эта Агли, ведьма? — Шишок перепрыгнул на плече Вула, и на его удивленный взгляд, говорящий: «Думай, что несешь», ответил. — А чего, бывают такие, я знаю. Наворожат. В себя влюбят, а потом всю душу выпьют, еще и поиздеваются всласть. Хуже упырей.

— Агли — дочка сотника, тут нечестью и не пахнет. Да и сама она на него смотрит как на божество. Я видел ее взгляд. — Ответил тому оборотень. — Взаимно это у них. Такое не подделаешь. Тут Лель свою руку приложил. Он тот еще шутник. Сыграл на своей дудке, и вот тебе двое несчастных, страдают от чувств.

— Идемте спать. — Федогран развернулся и пошел в юрту, не став поддерживать разговор. Купаться расхотелось, а говорить тут уже не о чем. Сам влюбленный решать должен, что делать, никто не поможет, любой совет будет неправильный, и кроме раздражения ничего не принесет.

«Утро вечера мудренее». — Говорит древняя как мир поговорка. Вот только такого решения проблемы, не ожидал никто. Мудрое утро оказалось слишком жестоким.

Глава 25 Просьба от которой нельзя отказаться

Разбудили друзей крики, и звон оружия. Полог юрты откинулся, открыв взору разгневанного Хана-Азхара, за спиной которого бушевала толпа кочевников.

— Мы приняли вас как дорогих гостей. — Кипел гневом вождь Гуннов, выплевывая злобой слова. — Мы разделили с вами пищу и кров, а вы ответили черной неблагодарностью и подлостью.

— Подожди, друг. — Вставший навстречу гостю Федогран вытянул руки ладонями вперед. — Мы ничего не делали такого, что можно назвать подлостью, мы мирно спали. Может ты объяснишь, в чем дело, что вас так разозлило? Мы ничего не понимаем.

— Пропала Агли, и ваш друг виновен в этом.

— Как понять пропала, и причем тут Бер? Объясни толком. Я ничего не понимаю.

— Вчера вечером она поругалась с отцом, который ей сделал замечание по поводу непристойного поведения. Она слишком уж откровенно переглядывалась с вашим здоровяком. Девочка всплила и убежала из дома. Камал не придал этому особого значения, так как она частенько так поступала, характер у нее взбалмошный и горячий, вся в отца дочка. Ночевать тоже не пришла, но и это не особо взволновало родителей. Перебесится, сама явится. Опасностей тут нет никаких, вся округа сто раз проверена. Поэтому искать не пошли. Но и утром ее не было, зато нашли спящего на берегу Бера с вот этим в руке. — Хан протянул вышитый замысловатым восточным орнаментом платок. Эта вещь принадлежит Агли. — Что он с девчонкой сделал?

— Бер что-то сделал с Агли? Бред какой-то, он на нее дышать боялся. Пошли поговорим с ним. — Федогран решительно отодвинул хана, вышел из юрты, и смело пошел напролом, сквозь гомонящую толпу.

На берегу реки стоял насупившийся медведь. Двое воинов держали его за руки, а еще четверо целились в грудь копьями. Увидев названного брата, тот поднял голову, и посмотрел на него с такой таской во взгляде, что у парня защемило в груди.

— Я ничего не понимаю. Мне говорят, что Агли пропала и обвиняют меня. Но я ничего не делал. Я спал. — Едва слышно произнес он, и едва не заплакал.

— Как у тебя оказался в руках ее платок? — Федогран, как можно спокойнее, задал вопрос, который волновал всех в поселении.

— Так она его обронила, когда убежала. Я когда из воды вылез, то нашел. Хотел утром отдать, а тут такое...

— Тебя обвиняют в ее исчезновении.

— Меня!!! — Они что с ума сошли. Ты же знаешь мои чувства. — Он поднял руки и прижал к груди, прямо с повисшими на них воинами. — Я быстрее сдохну, чем посмею ей навредить.

— Она была с тобой тут, это факт, или ты скажешь другое? — Из толпы вышел Камал, сверля с ненавистью медведя глазами, и с трудом сдерживая гнев. — Ты последний ее видел, после чего она исчезла. У тебя в руках ее платок. И это тоже факт. Я требую у хана суда, и расправы!

Все кочевье загудело, поддерживая выкриками своего сотника. Еще немного, достаточно небольшой искры, любого необдуманного действия и произойдет непоправимое. Дальше уговорить кровожадную толпу сможет только пролитая кровь. Разбираться, каяться

и сожалеть они будут потом, когда исправить уже ничего нельзя. Такое надо пресекать быстро и решительно.

— Стоять всем! — Рывкнул во все горло Федогран и встал рядом с Бером, и тут же рядом с ним появился Вул, а на плече взлетел шишок. — Вы обвиняете моего брата в преступлении, которое он не совершал. Сначала надо доказать, что к исчезновению девушки он имеет хоть какое-то отношение. Но даже не это главное. Сейчас важнее всего найти ее саму, и желательно живой, и только после этого что-то решать.

— Он прав. — Послышался сначала одинокий выкрик, тут же поддержанный многоголосым шепотом обсуждения. — Надо найти Агли. Не могла же она сквозь землю провалиться. Перероем тут все, но отыщем. Нельзя просто так обвинять гостя, это неправильно. — Несся со всех сторон гомон, и вдруг словно встав на недолгую на паузу, вновь зазвучал, но уже по-другому, взволнованно и ошарашенно. — Бичура... Сама пришла... Невиданное дело... Такого еще не было...

Сквозь расступающееся гудящее удивлением и гневом собрание кочевья шла малюсенькая, размером с енота, горбатая, седая бабушка в потертой синей рубаше, широких шароварах такого же цвета, босая и в расшитом бисером и золотыми монетками кашпау (женский головной убор в виде шапочки) на голове. Опираясь на кривой сучковатый посох, и улыбаясь желтым кривым клыком в правом углу тонких синих губ она двигалась уверенно вперед, не обращая никакого внимания на взволнованных людей. Черные как ночь глаза сверкали красными отблесками, внимательно кого-то высматривая в толпе, и разочарованно опускались в землю, чтобы тут же подняться вновь.

— Кто тут у нас Федогран? — Внезапно прозвучал ее тоненький голосок, заставивший всех смолкнуть, и обратить взоры на нашего с вами героя. — Значит это ты будешь батыром, богами на подвиг избранным? — Вытянула она палец с длинным кривым ногтем в сторону парня.

— Что-то я погорячился, назвав ее Су-Ияси, своей женой. — Хохотнул нервно шишок. — Чего-то мне еще похолостиковать сразу захотелось. Не нагулялся я еще.

— Помолчи зверюшка. — Палец переместился в сторону Ильки. — Твои шутки сейчас неуместны. — Она подошла ближе и подняв голову посмотрела в глаза Федограна. — Тебя зовет Зилант. Он хочет поговорить о будущем.

— Не до разговоров мне сейчас, бабуля. — Жестко ответил взглядом на взгляд богатырь. — Тут моего друга обвиняют, в том, чего он не совершал. Пока не найдем Агли, я никуда не пойду.

— Вы ее не найдете. Под землей она. Девушку Дэв забрал, понравилась ему, будет своей женой делать. Но и об этом тоже можно со змеем поговорить, он подскажет как поступить, на то и оракул.

— Дэв?.. — Выдохнула страхом толпа у нее за спиной.

— Дэв?.. — Осел на землю, закрыв лицо руками Камал.

— Дэв, дэв. — Повторила старуха, подтвердив свои слова усмешкой и кивком острого подбородка. — Этот батыр тут не причем, в его душе я вижу глубокие чувства. Он не причинил бы никогда вреда глупой девчонке, бегающей по ночному лесу в одиночестве. Она заплатила за свой вздорный характер.

— Как спустится под землю? — Бер стряхнул висящих на нем воинов, оттолкнул в сторону Федограна и упал на колени перед Бичурой. — Говори ведьма. — Протянул он трясущиеся руки, в каждую из ладоней которых она могла поместиться. — Быстрее, пока я

не раздавил тебя.

— Зилант ему вон расскажет. — Хохотнула та, кивнув в сторону нашего героя, ни грамма не испугавшись. — Ну так что, идем?

— Пошли. — Федогран поднял с колен друга, и обернулся к замершей толпе. — Надеюсь все обвинения с моего брата сняты? — И не дожидаясь ответа, вновь повернулся к старухе. — Веди.

— Один пойдешь. — Рывкнула та, с угрозой посмотрев на шагнувшего следом Вула. — Змей одного звал, остальные тут останутся. Разговор не для чужих ушей.

— Похоже на очередную ловушку. — Взял друга за плечо Вул. — Не верю я ей. Ты уже помог кикиморе, из-за чего мы тут и оказались. Кто поручится что сейчас по-другому случится? Одного не пущу. Не ходи.

— Посмотри на нашего медведя, брат. Ты видел его, когда-нибудь таким растерянным и убитым горем. Если змей этот сможет помочь узнать, что с девушкой, то я пойду на любой риск. — Федогран сжал ладонь друга. — Вы подождете меня тут, ну а если не вернусь, найдете гадину, и отрежете этой ящерице голову. — Улыбнулся богатырь как можно более убедительнее, и повернулся к Бичуре. — Веди. Я готов.

— Сам поедешь, меня тоже не приглашали. — Хмыкнула она, и вдруг быстро скрутилась, завернувшись в резиновый жгут, резко развернулась вновь, сунув два пальца в рот и свистнула так, что шапки полетали с голов, и заложило уши.

— Туплар!!! — Выдохнула восхищенная толпа.

На берег, раскрыв огромные крылья спускался паря кругами гнедой конь.

— Встречай помощника. — Рассмеялась Бичура. — Он доставит тебя напрямиком к башне Зиланта.

Застучав копытами по песку и захлопав крыльями, гася скорость взметнувшейся от ветра пылью и листвой, не доскакав несколько шагов до Федограна, замер, склонив голову красавец жеребец.

Стройный, длинноногий состоящий словно из одних перекатывающихся под тёмно-коричневой кожей мышц, с развивающейся по ветру черной с синим, искрящимся на солнце отливом, гривой, и огромными, воронными ястребиными крыльями за спиной, он стоял и спокойно ждал своего наездника.

— Запомни, батыр, он не слуга тебе, он друг. Ему нельзя приказывать, его можно только просить.

Федогран подошел и провел замороженно по лоснящемуся боку коня ладонью.

— Красавец. — Прошептал он, поглаживая бархатную подрагивающую от прикосновения кожу.

— Может хватит уже меня тискать. Садись да поехали. На меня сотни глаз смотрят, и больше половины из них тебе завидуют. Терпеть такого не могу. Это поганое чувство меня убивает. — Прозвучал всхрапывающий голос в голове богатыря.

— Ты читаешь мысли? — Задал тот мысленный вопрос и посмотрев в черные глаза с длинными ресницами.

— Только те, что непосредственно относятся ко мне лично. Хватит болтать. Поехали. — Конь в нетерпении передернул боками и всхрапнул. — Только вот седла у меня для тебя нет, не люблю, когда что-то сковывает движения. Надеюсь удержишься? Не хочется по дороге потерять наездника. — Федограну показалось что собеседник засмеялся, при таком способе общения эмоции определить сложно, голос в голове звучит бездушно-

искусственно.

— Сейчас попробую. — Хмыкнул богатырь и ловко взлетел на спину Туплара, сдавив ему бока коленями. — Ты не против если я использую твою гриву в качестве вожжей?

— Однако. — В голосе коня послышалось уважение. — Неожиданно, для неуклюжего жителя лесов, ощущение, что настоящий степной батыр оседлал. Голову прижми, держись крепче и полетели.

Резко сорвавшись с места, в несколько быстрых, длинных прыжков, мгновенно набрав скорость, Туплар расправил крылья и взлетел, быстро набирая высоту. Через несколько секунд, замершие в восхищении кочевники и друзья, выглядели уже муравьями, а впереди от края до края, пространство заполнила бескрайняя степь, где покинутый оазис в зеленом обрамлении голубой ленты реки, сочной змеей лежал на желтом фоне засухи.

Вы когда-нибудь летали? Нет, это некорректный вопрос, в наше время практически каждый путешествовал внутри самолета, преодолевая огромные расстояния за короткое время, засыпая в мягком кресле, но это совсем не то. Ощущения другие. Задам вопрос другому: «Вы летали на дельтаплане, или хотя бы прыгали с парашютом?». Вот где настоящие ощущения. Свобода бьет ветром в лицо, сердце замирает от восхищения, покрывая кожу мурашками. Смесь страха и восторга, сплетенные в одно целое. Это невозможно описать, это надо почувствовать.

У нашего героя уже был опыт полета на спине живого существа. Бой с Баш Челиком навсегда остался в его памяти жутким воспоминанием. Но это другое. В той схватке не было времени наслаждаться полетом, не было времени посмотреть на мир глазами птицы. Когда тебя хотят убить, и время между жизнью и смертью измеряется долями секунды, не до лицезрения красот, и не спазмом подкатывающих к горлу эмоций, ты отдаешь себя бою полностью, без остатка, не отвлекаясь на глупости.

Сейчас все было по-другому. Под ним дружелюбный жеребец, плавно, без рывков размахивающий огромными крыльями. Внизу колыхающаяся волнами на ветру степь, простирающаяся далеко за горизонт, с редкими островками оазисов, которые как оказалось не такая уж и редкость, для знающего местность путешественника. Ну и конечно же восторг, переполняющий душу желанием закричать и выплеснуть в мир рвущееся наружу из юной души счастье, поделится с ним, с этим черствым жестоким миром, своими эмоциями.

Летели довольно долго. Сколько, сказать сложно, но никак не менее часа. Когда впереди, на берегу небольшого озера, лежавшего как голубая клякса на желтом листе, показалась одинокая, серая, каменная башня, Туплар начал снижаться. Захлопали крылья, застучали копыта по древней брусчатке заросшей травой дороге, и конь остановился напротив арочного входа.

— Приехали. — Прозвучал голос в голове богатыря. — Слазь. Зилант ждет тебя. Я останусь здесь до конца разговора и потом отвезу обратно. Такова просьба оракула, и я ни посмею ее не выполнить.

Федогран спрыгнул со спины коня, и уверенно вошел в башню.

Серый полусумрак угрюмых стен, теряющихся в мраке невидимого свода, а посередине искрящийся, в непонятно от куда берущемся луче света, сугроб снега, слепящий глаза своей неожиданной нереальностью.

Белоснежная масса зашевелилась и из ее недр поднялась драконья голова. Следом, длинная змеиная шея вытянула гибкое продолговатое тело, которое опершись на две трехпалые лапы тяжело поднялось навстречу гостю опершись на мощный хвост.

Дракон, альбинос, у которого даже зрачки в глазах белого цвета, с интересом замер высунув вибрирующий раздвоенный язык, рассматривая зашедшего к нему человека. Почему его называли змеем Федогран не понял. Практически ничего общего. Драконья голова с двумя короткими бычьими рогами, и острым костяной наростом на подбородке, как своеобразным бивнем, опускающимся вниз, прикрывающим чешуйчатую длинную шею. Тело ящерицы, лапы курицы и огромные крылья, сложенные домиком на спине. Жуткая смесь, внушающая невольный страх и уважение к подобному сверхъестественному существу.

— Ты меня звал? — Федогран преодолел странное состояние полудремы охватившее тело, как только глаза Зиланта посмотрели на него. — Я пришел и слушаю.

— Да. — Прошипел тот едва приоткрыв пасть, усеянную иглами зубов. — У меня есть просьба. И она не моя, это воля богов, предаваемая через меня.

— Воля богов? — Удивился Федогран. — Но я не молюсь вашим богам. Я их даже не знаю.

— Достаточно того, что они знают кто ты. — Довольно резко ответил змей.

— Для них да, для меня нет. — Богатырь начал заводиться в ответ. — Какое мне дело до их желаний?

— Их желания согласованы с твоим Перуном, и совпадают.

— Вот что за создания такие, эти боги. Для них существуют только их хотелки. А меня спросили? Что хочу я? Вырвали из привычной жизни. Придумывают какие-то испытания, одаривают подарками, и все ради того, чтобы я помог изменить будущее, в котором им уже нет места. Все их помыслы только о себе любимых. А сами на что годятся? Перун с компанией завис в прошлом, и не желает менять существующие веками устои даже под угрозой смерти. Семейство Зевса погрязло в склоках и воровстве у собственных родственников, плодя монстров, и потихонечку ненавидя друг друга. Местных богов я не знаю, но сомневаюсь, что дела у них идут лучше, раз обращаются с просьбой к смертному. Люди верят им, молятся, надеются на защиту и помощь, а в ответ ничего не получают. Боги глухи к тем, чьими молитвами живут, чьей энергией питаются. Или я не прав. Если не прав, то зачем я им? Простой парень из другой эпохи. Чтобы победить Чернобога, освободить скрижаль Высшего, и чтобы все в итоге осталось как прежде, загнивающим тухлым болотом?

— Наверно ты прав. — Смутился змей от такого напора. — Но устои не позволяют им вмешиваться...

— Значит надо менять устои, или сдохнуть. Они боги или бараны, которых ведут на бойню, а они, потупив глазки молят пастуха пожалеть их бедненьких.

— А ты дерзок для смертного. — Зазвучал глухой бас в вышине темного свода башни. — Перун предупреждал, что ты непрост. Я Тенгри глава пантеона богов степи, говорю с тобой. Ты во многом прав, но многого и не знаешь. Есть у нас причины не вмешиваться в земные дела, цена этому жизнь не только нас, но и вообще всего сущего во вселенной. Но эта информация не для твоих ушей.

— Недостоин? — Хмыкнул Федогран.

— Нет. Это не так. Просто ты не поймешь в силу того, что мыслишь по-другому. Человеческими словами этого не объяснить. Просто прими это как данность.

Теперь, поговорим на счет просьбы. Именно просьбы, а не приказа, как ты почему-то решил. Отчасти она соприкасается и с твоими желаниями. Только не перебивай и дослушай до конца. Местным кочевьям грозит опасность. Смертельная и неминуемая. Ведомое волей Чернобога войско выступило войной. Степь ожидает смерть и рабство, и противостоять

этому они смогут только объединившись. Но у них нет единого вождя. Вот стать им боги тебя и просят. Сейчас, в силу сложившихся обстоятельств появился шанс.

— Меня вождем? — Засмеялся Федогран. — Какой из меня вождь, кто будет слушать незнакомого пацана?

— Ты недослушал. Я же сказал про обстоятельства. Ты с друзьями спустишься под землю, спасешь Агли из лап Дэва, и станешь героем которого будут слушать. С моим словом и благословением объединишь народы и разобьешь врага. Я помогу.

— Мне это зачем? Я просто хочу вернуться домой, к невесте. Жениться и жить спокойной жизнью.

— И тебе наплевать на чувства друга? Тебе безразлично что станет с Бером?

— Так это вы вселили в него чувство? С вашей помощью он влюбился до умопомрачения, забыв про свои обещания, и про то, что его ждет невеста, с которой медведь помолвлен? — Догадался богатырь.

— Нет. Мы не имеем к этому никакого отношения. Поверь. Все случилось само собой. Как любовь, так и похищение. Мы не планировали такого. Но почему бы не воспользоваться случаем и не помочь и твоему другу, и степи? Бер получит новую невесту, а кочевья жизнь. Согласись, что цель благородна.

— Только что делать со старой. — Пробурчал Федогран, не пояснив с кем именно, но Тенгри понял.

— Перун поможет, я поговорю с ним.

— Ладно. — Махнул рукой богатырь соглашаясь. — Где это подземелье находится?

Глава 26 Встречи в пути

— Что молчишь, Тенгри? Я жду. — Поднял Федогран голову пытаюсь рассмотреть невидимого бога в темном своде башни.

— Он не ответит. Он ушел. — Белый глаз змея сверкнул холодом. — За него буду говорить я.

Юноша пожал плечами, показывая, что ему безразлично, кто будет давать пояснения.

— Новый друг покажет путь,

К входу в логово проводит.

Но не этом цели суть:

Не терявший, не находит.

— Про друга понял. — Усмехнулся Федогран. — Это Зилант, а вот в чем смысл последних слов, не очень.

— Всему свое время, батыр. Не спеши. Знания не приходят сразу, они как капельки воды, медленно собираются в озеро мудрости. Ты все поймешь, когда придет время. Иди. Подвиг, достойный героя ждет тебя. И помни, что тот, кто ушел, может и вернуться, постарайся сделать так, чтобы возвращение принесло пользу. — Змей подогнул лапы, лег на землю, расправил крылья, потянувшись как зевающий человек, накрылся ими словно простыней и превратился в сугроб, потеряв всякий интерес к гостю.

— Одни загадки. — Пробубнил Федогран и вышел из башни.

Камал потребовал взять его с собой. К моменту возвращения Федограна, сотник довольно близко сошелся с Бером, перед этим долго извиняясь за вспыльчивость, а в ответ добродушный и незлопамятный медведь уверял, что все понимает, и не держит зла. Теперь они стали не разлей вода. Куда шел один, там оказывался и другой, появляясь в том месте как будто бы случайно и наоборот, там, где был Камал, непременно стоило ждать Бера. Общее горе сплотила мужчин, они стали словно близкие родственники, как заботливый отец с внимательным сыном.

Впереди ждала дорога. Гунны предоставили лучших лошадей, пусть низкорослых и с виду неказистых, но выносливых, и привычных к путешествиям в безводной степи. Воевать на них конечно было сложно, но никто и не собирался, их задача была доставить людей до нужного места, поэтому названные братья были довольны. Не надо будет бить ноги по пыльной степи, а можно с относительным комфортом доехать до логова Дэва.

Для Федограна лошадь кочевников не понадобилась, его верным спутником стал Туплар. Крылатый конь сообщил богатырю, что останется с ним до конца его прибывания в степи, сославшись на волю богов, и на то, что точную дорогу, знает только он, и будет проводником, чему наш герой был только рад.

В поход отправились на следующий день, после возвращения Федограна в стойбище. Провожало все кочевье, выстроившееся молчаливым коридором на пути выдвигающихся в дорогу воинов. Тишину нарушал лишь бой барабана и камлания шамана, поющего молитвы богам, и просьбы к духам, дающие удачу в пути и победу в бою.

Долго ехали вдоль реки, в тени деревьев, закрывающих от палящего солнца, настроение было подавленное и потому двигались молча, погруженные в собственные мысли. Когда желтый, палящий жаждой диск перевалил за полдень, свернули в степь. Туплар обрадовал новостью, что до очередного оазиса, где смогут отдохнуть на берегу небольшого пруда с

чистой водой, они доберутся только завтра к вечеру, чем окончательно испортил настроение.

Когда сумерки только-только начали опускаться на землю, на горизонте, в подрагивающем жаром воздухе показалась черная точка, при приближении оказавшейся старым брошенным тут кем-то возом наполненным душистым ворохом сена. Федогран с братьями удивленно переглянулись.

— Интересно, что тут такое произошло? — Вул объехал вокруг странной находки. — Почему бросили? И запах какой-то непонятный. Незнакомый. Сено вроде свежее, а гнильцой отдает. И следов никаких нет, словно она сюда с неба упала.

— Зато будет где переночевать. — Улыбнулся Камал.

— Это да? — Согласился Бер. — Все не на голой земле. — Дух тут приятный, как у Яробуда на конюшне. Нюх у меня не как у Вула, я ничего неприятного не ощущаю, под телегой спать лягу.

— А я в сено заруюсь. — Поворошил стог Камал. — Ночи холодные, а там тепло будет. Присоединяйтесь.

— Не. Я лучше немного в сторонке пристроюсь. — Оборотень недоверчиво покосился на телегу. — Подежурю немного, посмотрю, что ту да как.

— Ну а я с сотником. — Потянулся Федогран. — Устал. Хочется отдохнуть получше. — Он спрыгнул с коня. — Давайте устраиваться на ночлег. Скоро совсем темно будет.

— Поддерживаю. — Шишок спрыгнул с плеча, и нырнул в сено, мгновенно там исчезнув. — Здорово. — Прозвучал от куда-то изнутри его голос. — Всем спокойной ночи.

Накопленная за дорогу усталость, пережитые за последнее время волнения, плюс относительный комфорт, сделали свое дело, и спустя короткое время, только мирное посапывание нарушало перевозданную тишину степи. Даже Вул, не справился со слипающимися глазами и уснул, несмотря на желание немного подежурить. Ночь опустилась на мир темным звездным покрывалом.

Пробуждение было, мягко говоря, неприятным. Представьте себе проснуться от того, что падаешь под сдавленный крик Бера. Многочисленные тренировки не прошли даром.

Мгновенно сгруппировавшись и сделав кувырок через плечо, Федогран вскочил на ноги приняв оборонительную позу, выхватив меч, и подслеповато водя им по сторонам, в поисках опасности. Но волноваться уже было нечему. Телега исчезла.

На ее месте сидел, ошарашенно вращая глазами Бер, рядом на корточках мотал головой Камал, на спине которого топтался, дико озираясь по сторонам шишок, а рядом стоял оборотень, держа на вытянутой руке шуплого мужичка, пытающегося вырваться из мертвой хватки, отчаянно брыкающегося, и старающегося лягнуть своего пленителя.

Ростом с пятилетнего ребенка, с гривой спутанных желтых волос, сутулый, с впалой грудью и выпирающим как мячик животиком, он верещал, брызжа слюной проклятия, черным беззубым провалом рта, и обещал смертельную кару своим обидчикам.

— Оборотень. — Хохотнул Вул рассматривая пленника. — Только какой-то неправильный. Мы обычно в животное обращаемся, а этот в телегу с сеном.

— Он на меня навалился сверху. Думал задохнусь. Тяжелый гад. — Поднялся наконец Бер.

— Никакой я не оборотень, я Албасты. Злобный дух, гроза спящих путников. Ужас сна. — Гордо выкатил чахлую грудь новый знакомый, попытавшись втянуть круглый выпирающий животик, стараясь создать грозный образ, но бегающие глаза никак этому не

соответствовали.

— Какой ты гроза? Ты мелкий пакостник. — Шишок забрался на плечо Федограна, и сел, закинув одну ногу на другую. — Вот я да гроза, особенно для таких вот хулиганистых кромочников как ты. Зачем затаился? Зачем напал. Чего хотел? — Засверкал он гневно глазами.

— Ничего я ни хотел. — Сразу как-то сдулся тот. — Я все время в образе телеги отдыхаю. Спал я. А тут вы...

— Врет. — Встрял в разговор Камал. — Эти создания крадутся и преследуют путников, а когда те ложатся спать, наваливаются сверху и душат.

— Зачем? — Удивленно вскинул голову Вул? — Какой в этом прок?

— Нутро у них такое. Подлое. — Злобно ответил ему сотник. — Зачем только боги создали таких уродцев?

— Для того и создали, чтобы вы не расслаблялись. — Зыркнул на него дух, засопев маленьким носом-пяточком. — Нас опасаетесь, значит и других неприятностей избежите.

— Добродетель! — Захохотал Федогран. — Может избавим степь от напасти. — Он крутанул меч, перекинув с руки на руку ловко кувыркнув его в воздухе, вспыхнувшим огненным зигзагом, и незаметно подмигнул Вулу.

— Это можно! — Поддержал друга оборотень и встряхнул пленника. — Укоротим его?

— Вы чего? — Вжал тот голову в плечи. — Я же не знал, что вы избранники богов. — Покосился он на полыхающий огнем клинок Федограна. Не нужно от меня степь избавлять, и укорачивать. Я пригожусь. Отслужу если надо будет.

— Чего от тебя ждать, кроме пакостей. Я за укорочение. — Кивнул Илька, всем своим видом показав согласие с принятым решением.

— А я бы отпустил. Не по нраву мне головы пленникам рубить. Если в бою это одно, а вот так, беззащитному... Неправильно это, не по-нашенски. Не тати же мы, в самом деле. Да и что этот щуплый сделать сможет. Вон как дрожит. Жалко зверушку.

— Нет, медведь, тут ты неправ. — Подошел ближе сотник. — Этот дух пакостный, злопамятный и подлый, за избавление от него, вся степь спасибо скажет. Я за укорочение на голову.

— Да вы что!!! — Завопил Албасты. — Ну разбудил я вас неожиданно среди ночи. Признаю. Пошутил глупо. Согласен. Но за это казнить? Сума походили что ли. Ну хоть ты им скажи здоровяк. — Умоляюще посмотрел он на медведя. — Я ведь тебя не сильно душил... Скажи!

— Не дергайся. — Встряхнул его Вул. — Думать мешаешь.

— Нет, я против. — Насупился медведь. — Допустим, кнутом, пару раз пониже спины, он заслужил, но убивать, это неправильно. Взять с него обещание, больше не пакостить, и отпустить на все четыре стороны.

— Как кикимора лешака отпустила? — Рассмеялся шишок. — Так нет ее тут, а как разделить это чудо на четыре части. — Его палец указал на вращающего ужасом глаза Албасты. — Я знаю только один доступный нам способ. — Он сощурился и злобно прошипел. — Два раза мечем махнуть, крест на крест.

— Ладно. Пошутили и хватит. — Рассмеялся Федогран. — Отпусти его Вул, поговорим серьезно.

— Так сбежит. — Засомневался оборотень.

— А вот и проверим, что стоят его обещания. — Юноша перевел взгляд на затихшего, и

внимательно прислушивающегося духа. — Обещай, что не сбежишь.

— Даже не подумаю убегать. — Закивал тот. — Клянусь.

Оборотень с сомнением пожал плечами и опустил Албасты на землю. Тот обернулся, хмыкнул недоверчиво, посмотрел внимательно всем присутствующим в глаза, видимо что-то решая про себя, шмыгнул носом-пяточком, вытер его рукавом рубахи:

— Спрашивайте. О чем поговорить хотели?

— Нет, не поговорить. — Усмехнулся Федогран. — Предупредить. Если еще раз нападешь, на кого-нибудь из нас или из племени Готтов, то вот он. — Парень кивнул в сторону оборотня. — Тебя найдет и поймает, а я поделю на четыре части вот этим мечем. — Он крутанул в ладони клинок.

— Это все? — Сузил глаза дух. — И ничего больше не потребуете? Никакого выкупа? Ни золота, ни камней драгоценных? Так отпустите?

— Зачем нам твои богатства. — Вступил в разговор Бер. — Ими не напьешься, и на хлеб не намажешь.

— Странные вы. — Задумчиво посмотрел на путешественников Албасты. — Но я умею быть благодарным. Отслужу. — Он крутанулся вокруг собственной оси и обернулся парящей над землей копной сена, тут же подхваченной налетевшим порывом ветра и с удивительной скоростью устремился к горизонту, где уже поднимался край полыхающего восходом солнца. — Я вернусь, когда буду нужен. — Прозвучал на прощание его голос.

Наступило утро, и пришла пора выдвигаться в дальнейший путь.

Это только на первый взгляд выжженная жаром степь кажется пустынной. Когда проведешь в ней несколько дней, да еще в обществе бывалого кочевника, поменяешь свое мнение. Пространство наполнится красками. Своей, скупой на радости, суровой непривычной, для обитателей лесов, полной трудностей и лишней, тем не менее прекрасной своей самобытностью — жизнью.

Вон там, на песке, длинный волнистый след змеи, а вон и сама обладательница. Маленькие красные глазки кобры поблескивают из-под камня, внимательно, с опаской и предупреждением рассматривают проезжающих мимо людей. Не трогай и останешься жив.

Вон там, слева, столбики взволнованных сусликов. Свистят что-то друг-другу, разговаривают, видимо обсуждают странных гостей, внимательно их рассматривая, как бабушки на скамейке у подъезда перемалывают косточки случайным прохожим.

Справа столб пыли. Огромная ящерица спешит куда-то по своим делам. Огромный варан. Комодский дракон, по сравнению с ним жалкая гусеница. Такие экземпляры давно вымерли в наше время. Ему нет ни до кого дела. Для него тут не существует врагов. Он хозяин. И потому важно окинув взглядом гостей, не останавливаясь, и сразу потеряв всяческий интерес, важно скрывается за холмом.

Высоко в небе парит гигантская птица — черный гриф, другой, не тот измельчавший за последние тысячи лет наш современник. Ищет, чем бы полакомится. Его бояться не стоит, он не хищник. Любитель падали ищет труп. А вон там дальше, уже другой представитель пернатых. Этот, как говорит Камал, может и напасть, упав камнем сверху на невнимательного путешественника. Тому под силу и лошадь поднять, и сбросить с высоты на землю. Нет, не ради развлечения, он так охотится — этот степной орел, предок воздушных охотников.

В траве затаилась лисица. Внимательно следит за незнакомцами. Думает, что ее не видно, жарко, вон как тяжело дышит, высунув розовый язык. Она шла полакомится

сусликами, но ей помешали. Придется подождать. Человек не тот зверь, которого можно напугать острыми иголками зубов. Не убежит. Можно с легкостью переместиться к нему на плечи в виде воротника. Лучше спрятаться. Целее будешь.

К вечеру добрались до долгожданного оазиса. Напились, искупались в небольшом озерке с ледяной водой, поужинали, распределили дежурства, наученные горьким опытом встречи с Албасты, и завалились спать. Нашему герою досталось время дежурства под самое утро, последним.

Ночное звездное небо в степи, это то чудо, на которое стоит посмотреть. Огромное, черное покрывало бесконечности, усыпанное миллиардами бриллиантов, подмигивающих драгоценными каплями, манящих и завораживающих взгляд своей таинственностью звезд. Такого в городе не увидишь. Да что там в городе, даже в лесу, это чудо выглядит не так восхитительно. Кроны деревьев мешают насладиться величием бесконечности вселенной.

Все это меняется в один миг. Тьму разгоняет первый луч восходящего солнца, тонкой полоской окрасив горизонт и слегка пригасив звезды. С каждым мгновением огненный, подрагивающий диск поднимается все выше и выше, и вот уже полнеба на востоке заполнено его величием. Звезды окончательно гаснут, ночь уходит, под напором слепящего света и в свои права вступает утро.

— Не поможешь мне юноша? — Нежный женский голос заставил Федограна вздрогнуть, и подпрыгнуть, оголив меч. — Не будь таким нервным. Я всего лишь попросила о помощи.

На берегу озера, буквально в двух шагах от нашего героя сидела обнаженная девушка, прикрытая светлыми струящимися по плечам волосами, как плащом, и с интересом смотрела на него. Молодое, слегка бледное лицо, раскосые глаза, пухлые красные, улыбающиеся губы, и аккуратный вздернутый в упрямстве носик. Красавица Аленушка сошедшая с картины Васнецова, только без одежды.

— Ты кто? — Федогран шокированный столь неожиданным появлением, целился ей в грудь мечем.

— Я Су-Анасы. Живу тут, в озере. А кого ты еще хотел встретить? И убери это жало, не тыкай в меня, я не враг.

— Русалка. — Догадался парень, пряча оружие в ножны.

— Не знаю кто это, но если она женщина и тоже живет в воде, то тогда да, наверно русалка.

— И что ты хочешь?

— Гребень. У меня пропал золотой гребень, подарок матери, богини Ак-Аны, мои волосы растрепались и мне нечем их причесать. Он дорог мне как память, и необходим как незаменимая вещь. Не расчесавшись, я стану злой и раздраженной, и перестану помогать людям.

— Странная просьба к человеку, которого видишь в первый раз. — Усмехнулся Федогран.

— Вижу в первый, а вот слышать слышала. В мире духов новости распространяются быстро. Наслышана о твоей отваге и честности, стремлении помочь, тому кто нуждается. Потому и обратилась.

— Расскажи, как это произошло? — Я подумаю, что можно сделать.

— Здесь останавливался Дэв. Он нес девушку на плече, видимо как раз ту, что вы разыскиваете. Я спряталась под воду, не люблю я это создание тьмы, неприятен он, гребень

видимо выронила в спешке, а когда спохватилась, то не нашла. Видимо дух зла нашел и забрал с собой, он любит все блестящее. Ты идешь в его логово. Поищи мою пропажу, я умею быть благодарной.

— Для этого надо для начала победить. — Усмехнулся богатырь.

— Ты справишься, я верю. — Сказала она, улыбнулась и скользнула в воду.

Когда остальные путешественники проснулись, о Су-Анасы уже ничего не напоминало, даже круги на поверхности исчезли, вот только что была, озадачила и пропала.

Пора снова в путь.

— Ну и где тут эта дырка под землю? — Раздраженный шишок пыхтел в ухо и больно топтался на плече оглядывая местность. — Нет тут ничего. Не вижу. Может это не то место?

— И я ничего не чувствую. — Шумно втянул носом воздух Вул. — Запах хвои и полыни. Ничего необычного.

Вот тут он был неправ. Необычно было само место, куда привел их Туплар. Бескрайняя степь изменилась. Конечно, это произошло не мгновенно, друзья увидели это чудо превращения, за долго до того, как подошли, но от этого их удивление не стало менее восторженным.

Изрезанные скалистыми выступами, то ли холмы, то ли невысокие горы, поросшие огромными, попирающими облака колючими кронами, сосны, и в зеленой, устеленной сочным ковром бархатной травы, журчащей ручьями низинной долины, словно обручальное кольцо, потерянное рассеянной красавицей невестой, искрящееся на солнце, небесной голубизны озеро.

После пыльной, выжженной степи, оказаться в одно мгновение, в наполненном свежестью раю, это ли не чудо, заставляющее сердце сбиться с привычного ритма, замерев на мгновение, и вновь запустится, но теперь уже более быстро и гулко? Даже тот, кто никогда не брал в руки кисти, захочет нарисовать это будоражащее душу великолепие, попытавшись оставить изображение себе на память. Сохранить восхищение навсегда.

— Хватит озираться по сторонам. — Вул толкнул в плече Федограна, от чего шишок едва не слетел на землю. — Что делать будем? Где искать вход в логово Дэва?

— Лагерем встанем на берегу, и перероем тут все. — Очнулся от созерцания богатырь. — Туплар говорит, что это где-то здесь. Найдем. — Сказал он, хотя сам уверенности не испытывал.

— Дааа... — Протянул Бер почесав затылок. — Тяжеловато будет. Поползать придется.

— А когда нам легко было? — Засмеялся шишок. — Найдем. — Уверенно махнул он рукой.

Стоянку друзей назвать лагерем можно назвать с большой натяжкой. Ехали на легкой, дополнительными вещами себя не обременяли. Поэтому никаких палаток, и прочих походных изысков не было. Кулак под голову, для мягкости и удобства, и плащ под спину, растянувшегося у костра, спящего, уставшего тела. Много ли мужчине надо, для счастья, когда он идет к цели. Ночь провели спокойно и без приключений, а с утра приступили к поискам.

Шишок нырнул куда-то под кочку и исчез, а остальные разбрелись по округе, внимательно осматривая местность, вглядываясь в каждую травинку, ища любой след, любой намек на чужое присутствие, но все тщетно. Девственная, первобытная, никем не потревоженная первозданная природа. Полное отсутствие каких-либо следов. Проползав весь день на коленях, расстроенные друзья вновь собрались вечером в лагере.

Перекусив сушеным мясом, и хрустящими, пересушенными жарой лепешками, запив все это травяным чаем, собранным и заваренным угрюмым, неразговорчивым Бером, они расположились вокруг жиденького костерка, делясь впечатлениями.

— Вы не заметили странность в этом месте? — Произнес Вул ковыряя палкой угли. — Птиц неслышно. — Пояснил он свои слова.

— А ведь точно. — Камал словно очнувшись от сна, поднял глаза. — Я ведь даже муравьев не видел. Словно вымерло все живое.

— Я тоже обратил внимание. — Кивнул Федогран. Слишком тихо. На озере ни одного всплеска. Такого не бывает. Уж лягушки-то должны здесь жить, они всегда есть там, где вода... А их нет.

— Еще вас обрадую. — Откуда-то с боку вылез перепачканный землей шишок. — Духов и других кромочников тут тоже нет. Даже следы отсутствуют. Не может лес без духов существовать. Мертвый он, хоть и красивый. — Илька подошел к воде и плеснул себе в лицо. — Неправильно это. Не бывает такого.

— Бессмысленно все. — Вздохнул Камал, вытерев слезы, с обожженных дымом костра глаз. — Не найти нам мою Агли. Никто еще не возвращался от Дэва.

— Я не уйду отсюда, до тех пор, пока не найду. — Процедил сквозь зубы Бер. — Или сдохну, или освобожу твою дочь.

— Давайте спать. Может с утра, на свежую голову что-то придумаем. — Федогран откинулся на спину заложив руки под голову, словно поставив точку, подводя итог над мрачными мыслями.

Ночь вступала в свои права. Солнце утонуло в кроне деревьев, а узкий серп луны всплыл с другой стороны горизонта, едва посеребрив пространство. Путешественники молча лежали в мерцающем круге освещенном едва колыхающемся пламенем костра, пытаясь уснуть, но угрюмые мысли не давали этого сделать. Мертвая, гробовая тишина. Ни шороха, ни всплеска. Страшно.

— Пришло время отдать долги. — Внезапно прозвучал из тьмы голос, заставивший вздрогнуть своей неожиданностью, и в освещенный огнем круг вошел Албасты. — Не ждали? — Засмеялся он и сел швырнув в костер вспыхнувшую шишку. — Не вижу радости на лицах?

— Ты откуда тут? — Поднялся Федогран.

— Помочь хочу. Вы же отпустили меня, не взяв даже выкупа, а я не люблю оставаться в долгу. — Пожал плечами тот. — Логово ищите? — Хмыкнул он. — Это не так просто сделать, не знаючи. Но на то есть мудрый я. То, что скрывается от света, хорошо видно во тьме. — Поднял он многозначительно палец в верх. — Нужно только немного подождать.

— Ты о чем? — Поднял зажегшиеся надеждой глаза Бер.

— О входе в логово конечно. — Пожал плечами нежданный гость. — О чем же еще? Не суетитесь. Сядьте. — Махнул он рукой на подпрыгнувших при его словах друзьях. — Не время еще. Нужно подождать, пока окончательно сгустится мгла.

Время потекло тягучей, обволакивающей нервы слизью. Месяц поднимался все выше и выше, звезды наливались мерцанием, темнота сгущалась в черный непроглядный кисель. Тяжелее всего — это ждать, а ждать неизвестность тяжелее многократно. Хочется вскочить, бежать, действовать. Вот только куда? И потому приходится сидеть, и наступив себе на душу терпеть, отсчитывая нудные секунды.

— Пора. — Голос Албасты прозвучал как спасение для готовых свихнуться безумием мозгов. — Пошли.

Тот камень, около которого они проходили многократно, и на который не обращали никакого внимания, поросший мхом, наполовину вросший в землю валун, светился голубоватым внутренним светом, причем это сияние можно было обнаружить только зная, что оно существует, для неискушенного взгляда его не было. Если бы не помощь Албасты,

ткнувшего него пальцем, то названные братья прошли бы мимо не заметив.

— Вот. — Дух степи сел на землю, словно говоря, что я все сделал, дальше ваша очередь. — Это и есть вход. Но тут существует одна проблема. Его еще надо как-то открыть. Ту мои познания заканчиваются, но по слухам, это сделать может только очень глубокое чувство, например ненависть, или наоборот любовь на грани страсти. Но это должно быть чувство, сметающее препятствия, искреннее и неудержимое. Во всяком случае я так слышал. Есть среди вас пылающие страстью сердца?

— Что нужно делать. — Бер навис над камнем сжав кулаки.

— Не знаю, я же сказал. — Пожал плечами Албасты.

— Уничтожу. — Кулак богатыря врезал по валуну, но удара не последовало, а рука по локоть провалилась.

— Вот это камешек. — Хохотнул нервно шишок.

— Пошли. — Федогран уверенно шагнул вперед, погружаясь в гранитную твердь как в туман.

— Плечом к плечу. — Следом последовал Вул, и сверкающий нетерпением глазами Бер.

— Я иду доченька. — Устремился вперед Камал.

— Пойдем глянем, что это за Дэв такой. — Подмигнул ошарашенно выпучившему глаза Албасты шишок и пропал внутри камня.

— Одно из двух. Или они не знающие страха герои, или полные дураки. Лучше, конечно, первое. — Прошептали губы оставшегося в одиночестве духа. — Во всяком случае боги им в помощь. Да хранит их Тенгри.

Кромешная тьма, спертый запах гнили и тягучий звук капающей где-то воды встретили героев, едва не погрузив их в отчаяние. Федогран выхватил меч, в надежде осветить божественным пламенем пространство, но не тут-то было. Меч засветился, но не осветил, окутавшись вязким облаком мрака, не пропускающего свет. Тьма осталась непроницаемой. Названные братья были слепы.

— Федогран. Бери меня за плечи, следом Бер за ним Камал, и так, гуськом, двинем вперед. Я хоть и не вижу ни зги, но зато чувствую хорошо. Пойдем по запаху.

— Мне бы такой нюх. — Усмехнулся шишок, и наигранно обиделся. — Остается только завидовать.

— Заткнись. — Одернул его Федогран, взял Вула за плечо, и тут же почувствовав на своих, чьи-то сильные, вздрагивающие нетерпением ладони. — Веди. — Сказал он уверенно, и шагнул следом за другом в мрак пещеры.

Что чувствовали в этот момент друзья? Это легко представить.

Выйдите ночью в лес, завяжите плотным шарфом глаза и попробуйте вернуться назад, домой. Каково? И это вы еще знаете, что кроме разбитого о дерево лба, вам ничего не грозит, а если ожидать в любой момент нападения, а если за каждым пройденным шагом смерть? А идти надо. Страшно? А они шли. Вперед и вперед, преодолевая себя, к невидимой цели, даже не представляя, чем это все обернется.

Медленно. Прислушиваясь к каждому шороху, они продвигались сквозь мрак. Напряженные как струна нервы, и постоянное присутствие невидимой опасности впереди. Страшно. Но в том то и состоит смелость, чтобы не поддаться этому поганому чувству, не сдать назад, а преодолеть себя и дойти до конца, победить, в первую очередь самого себя. Это ли и есть настоящий героизм, недоступный валяющемуся на диване под теплым пледом, рассуждающему за чашкой чая о победах мечтателю?

Первый отблеск света рассеявший подрагиванием тусклых лучей мрак, и серая видимость мрачных сырых стен, появилась за очередным поворотом. Наконец-то можно ориентироваться не на плечи друга и нюх оборотня, а на собственное зрение. Вместе с видимостью появилась и уверенность.

— Аккуратно парни. — Прошептал Федогран. — Не торопитесь. Мы не знаем, что ждет нас впереди. Это в первую очередь тебя касается, Бер. Я понимаю твои чувства, но не стоит губить нас всех необдуманной спешкой.

В ответ медведь только недовольно засопел, но прислушался к совету, и не бросился вперед, как хотел до этого.

Еще сильнее засиял огнем, в руках богатыря, выставленный вперед меч.

— Пошли. — Богатырь сделал первый шаг.

Он сидел в центре освещенного факелами зала, и с интересом рассматривал неожиданных гостей так, как кошка рассматривала бы пойманную мышь, не пытающуюся убежать, а приготавливающуюся кинуться в драку. Радость и удивление совмещались в вертикальных красных зрачках монстра, и еще безумство маньяка, мечтающего лишь об одном — убивать.

Жуткое создание. Огромная гора мышц под коричневой с красным отливом кожей, возвышающаяся, даже в сидячем положении, в два раза выше самого большого из всей компании Бера. Голова чудовища, чем-то напоминающая формой змеиную, с всегда открытым ртом, закрыться которому мешал частокол желтых кривых клыков, не способных жевать, а только рвать, впиваясь в плоть, и выхватывая куски живого мяса из жертвы, лежала на массивных узловатых ладонях с длинными, переходящими в черные когти пальцами, обхватывающих квадратные колени. Одна из массивных ступней постукивала в нетерпении по каменному полу, высекая голубоватые искры костяными пластинами, заменяющими пальцы ног.

Атака была мгновенной. Волна ультразвука разметала по пещере воинов, оглушив и обездвижив, превратив в безвольные куклы. Только Федогран остался на ногах. Волшебный шлем отразил удар лишь слегка оглушив героя, вернув его зеркальным отражением врагу, но тот успел отреагировать, махнув рукой, и отведя в сторону, где тот врезался в стену и осыпался каменной крошкой.

— Однако, хорошая шапка. — Хмыкнул шепелявый голос Дэва. — Придется сразиться всерьез. Шлем потом заберу себе. — Он подпрыгнул, прямо с места, и вытянув руки, словно ныряя в воду, бросился в бой. Теперь уже Федограну пришлось уворачиваться от стремительно разрезающих воздух когтей. Уйдя в перекаат, под просвистевшими над ухом кривыми пальцами, он вскочил на ноги и полоснул с разворота по врагу клинком, целясь в шею. Дэв принял удар на согнутое, словно окаменевшее запястье, и поморщился.

— Больно. Ты заплатишь за это. — И вновь плюнул ультразвуком, но теперь уже в сторону ног. У него получилась хлесткая подсечка, и Федогран рухнул на пол, но все же успел сгруппироваться и откатится в сторону, жуткие клыки, брызжа слюной и высекая искры, проскрипели по каменному полу, там, где только что была его голова. Богатырь оттолкнулся и попытался запрыгнуть врагу на спину. Не тут-то было. Его встретила ладонь с выставленными как копыта когтями. Спасла кольчуга, не дав пробить тело, и богатырь вновь упал, задохнувшись болью на землю, где встретил летящую в лицо ступню Дэва огненным мечем, едва удержав двумя руками, мощную атаку.

— Что же ты такой упрямый? — Капля едкого пота, скатилась с уродливого лба, нависшего над богатырем монстра и капнула на губы парня жгучей кислотой. — Другой бы

сдох давно, а ты трепыхаешься. — Нога все ниже и ниже опускалась, преодолевая сопротивление лопающихся от напряжения мышц, и целясь дрожащим от напряжения костяным наростом в горло. Еще немного, и наступит конец неравной схватки.

— Убью. — В шею монстра вцепились сзади пальцы пришедшего в себя Бера, видимо от клокотавшей в нем ярости забывшего про меч. — Удавлю гниду.

Давление сразу спало, дав возможность богатырю откинуть ступню в сторону и откатится в безопасное место. Федогран быстро оглянулся.

Камал с трудом поднимался на ноги опираясь на меч. Вул, перекинувшись в волка, летел в сторону Дэва, целясь ощерившимися клыками тому в горло, а сам монстр заваливался на спину, подминая не разжимающего пальцы, душащего его, медведя, пытаясь переломать тому своим весом кости.

Вновь удар ультразвука, и вновь катящиеся по полу безвольными куклами тела друзей. Медлить нельзя.

Федогран прыгнул, на лежащего врага целясь тому в грудь, но был жестко встречен пинком ноги, отбросившим его и приложившим позвоночником о стену. Сознание на миг погасло, потушенное спазмом задохнувшихся легких, но он тут же пришел в себя, стоя на коленях, и хватая глоткой, почему-то горячий воздух. Вовремя. Мгновения хватило богатырю, чтобы отвести мечем в сторону острые когти, и полоснуть по открывшемуся боку. Рев боли сотряс пещеру, осыпавшись каменной крошкой с потолка. Но это еще была не победа. Дэв отпрыгнул, и уставился немигающим взглядом на героя.

— После того, как я убью тебя, то сохраню голову, как самый дорогой трофей. Гордись батыр. Ты будешь удостоен великой чести, висеть на стене в моем логове.

— Много слов, уродец. Кто много болтает, то мало делает. — Федогран быстро приходил в себя, восстанавливая дыхание. — Одно могу тебе пообещать, твою башку я не понесу с собой, тут оставлю, слишком тяжелая и уродливая.

Последние слова Федогран встречал с выставленным вперед мечем, так как Дэв попытался прыгнуть в очередную атаку, но у него ничего не вышло. Он внезапно оступился и завалился на бок, а из-под его ступни выскользнул, зловеще улыбающийся шишок. Тут же в глотку монстра вцепился пришедший в себя Вул, а в спину воткнулись одновременно два клинка, один Бера, второй Камала. И конец в сражении поставил Федогран, одним махом полыхающего оружия снеся с плеч уродливую голову.

— Этот гад едва меня не раздавил. — Отплевываясь, и вращая бешеными глазами, Ильяка сплюнул на вздрагивающую конвульсиями тушу.

— Ты его что, укусил? — Хохотнул нервно Вул.

— Ну да, чем его мне еще прикажешь было резать. Ножей у меня нет, не люблю я эти железки.

— Спасибо, брат. — Федогран опустил и сел изможденный на землю. — Если бы не ты, мы бы не справились.

— А! Ладно. Какие тут счеты. Свои. Да и весело с вами.

— Агли! Дочка! — Зазвучал внезапно напеченный болью, взволнованный голос Камала.

— Любимая, ты где?! Отзовись!!! — Забегал по пещере заламывающий в отчаянии руки Бер.

Ответа не последовало.

Глава 28 Путь назад

Отчаяние плескалось во влажных глазах, готового расплакаться от бессилия медведя.

— Что делать? Брат! — Голос дрожал, а руки тряслись. За его спиной стоял не менее отчаявшийся Камал, хватаящийся то за сердце, то за яблоко меча. — Мы перерыли все, но тут нет никаких следов. Нас обманули!

— Успокойся. — Угрюмый Федогран смотрел в землю и думал. — Не суетись. Ты много бегаешь. Суета никогда не приносит результата. Вспомни Яробуда. Дед, был бы жив, сейчас бы врезал тебе подзатыльник, для успокоения.

Бер прав. Девушки нет. Но к чему тогда этот обман. Зачем это змею, а тем более богу. Для того чтобы привязать богатыря к степному племени? Что бы он помог отбиться от нашествия? Бред. Такими действиями можно только оттолкнуть, но никак не привязать. Значит обмана никакого нет. Девушка где-то тут. Только вот где. Кругом камень. Даже намек на проходы в стенах, а тем более на двери, нет. Есть от чего впасть в отчаяние.

В памяти всплыли пророчества змея-оракула:

— Новый друг покажет путь,

К входу в логово проводит.

Но не этом цели суть:

Не терявший, не находит.

С первыми двумя строками все понятно. Тут про крылатого коня, и про Албасты, а вот то, что дальше, наконец приобретает смысл. Бер с Камалом потеряли дорогого их сердцу человека, значит они и должны его найти. И еще. Вход в логово. Если бы не Албасты, они его бы никогда не нашли. Что он сделал? Да просто обратил их внимание на то, мимо чего они проходили много раз по невнимательности. А значит...

— Попробуйте представить Агли, такую, какая она существует в ваших воспоминаниях. Не отвлекайтесь ни на что. Полная концентрация. Ищите не глазами, а сердцем, идите в ту сторону, в которую ведет оно, а не разум, и присматривайтесь, обращая внимание на все, даже на самые мелкие детали. Вы двое потеряли самое главное в своей жизни — любовь, и теперь только вы сможете ее найти. — Посмотрел Федогран на застывших около него, отчаявшихся Бера и Камала. Едва заметная искра надежды вспыхнула в глазах мужчин, совсем слабенькая, на грани затухания? Но не из искры ли рождается огонь, не она ли дает начало бушующему пламени? Просто нужно вовремя поддержать. Не дать погаснуть. — Я верю в вас. Вы найдете. Таково пророчество. — Добавил уверенно богатырь.

Вновь потянулись скребущие душу ожиданиями минуты. Как всегда, время замедлилось. Числобог любит издеваться над чувствами людей, ускоряясь, когда не надо, и почти останавливаясь, когда что-то ждешь. Такова его сущность. О чем думают, и почему так, или иначе поступают боги, нам, простым смертным не понять. Неподсудны они.

Камал и Бер ходили по залу, угрюмые и сосредоточенные, полузакрыв глаза, и сконцентрировавшись на собственных ощущениях. Долго ничего не происходило. Сначала Камал шел в одну сторону, а Бер в другую, потом они менялись местами, и так несколько раз.

— Нашел! — Внезапно Бер подпрыгнул и опустился на колени посередине пещеры. Его трясущиеся руки опустились в пустоту, и та расступилась, открыв спящую девушку, волосы которой гладили покрытые шрамами огромные ладони богатыря. — Она спит. — Прошептал

он, нежно всматриваясь в лицо.

— Дочка. — Согнулся над бесчувственным телом сотник. — Что с тобой. Проснись. Это я, твой отец. Ты меня слышишь?

— Спящая красавица. — Пробурчал Федогран. — Это похоже на сюжет сказки. Попробуй Бер ее поцеловать.

— Да не в лоб. Дурак. — Рывкнул шишок на склонившегося над девушкой парня. — Чай не покойница она. В губы целуй. Авось даст, проснется.

Богатырь припал к губам девушки поцелуем, долго не мог оторваться, несмотря на протестующее шипение за спиной Камала, но, когда поднял голову с влажными от слез глазами, все осталось по-прежнему.

— Она не встает! — Простонал он, вытерев руками глаза.

— Как же так? Доченька. — Обнял девушку сотник. — Что делать? — Повернул он голову и посмотрел с надеждой на Федограна. — Помоги богатырь. Ты богами избран. Попроси за нее. Молю. Бери что хочешь, все отдам, только помоги.

— Жизнь отдам. — Пополз на коленях к ногам Федограна медведь. — Спаси Агли.

— Ты сдурел! Брат! Встань немедленно! — Отпрыгнул назад ошарашенный происходящим юноша. — Как ты мог подумать только, что я посмею что-нибудь у тебя просить. Бери ее на руки и пошли отсюда на свежий воздух. Нечего тут больше делать. Хотя стой. — Внезапно осекся он. — Есть еще одно. Су-Анасы просила меня найти гребень. Мне кажется это важно.

— Этот? — Ладонь Камала разжалась, и на ней сверкнул маленький, ажурный гребешок. — В волосах нашел. Не дочкин он, точно знаю. Думал из-за него она не просыпается. — Пояснил сотник, и протянул находку Федограну. — Бери.

Они выходили из камня по одному, и их встречал улыбающийся и пританцовывающий Албасты:

— Я понял, что у вас все получилось. Жизнь возвращается в этот лес. Смотрите. — Вытянул он руку. — Это бабочка. — Пояснил он свои слова недоуменным героям. — Насекомые первыми почувствовали изменения. Скоро запоют птицы, появятся звери, и снова гордый лось придет на берег на водопой, а бобры построят плотины. Жизнь заполнит пустоту. Я рад, что стал участником великого подвига. Помог свершиться справедливости. Но почему вы грустны? Я не вижу радости на лицах. — Его взгляд стал озабоченным, и в этот момент вышел Бер с бесчувственным телом девушки на руках. — Что с ней?

— Спит. Не видишь, что ли? — Недовольный шишок сверкнул гневными глазами. — Разбудить не получается. — Он спрыгнул с плеча Федограна, подошел к воде и плеснул себе в лицо. — Чему тут радоваться?

К Беру подошел Туплар. Обнюхал лицо Агли. Фыркнул, отвернувшись в сторону.

— Нужно к Су-Анасы ехать. У нее прямая связь с богиней Ак-Аны. Она поможет. — Прозвучал в голове нашего героя голос крылатого коня.

— Точно. — Закивал головой Албасты, видимо тоже слышавший голос. — Жеребец истину говорит. Нужно в оазис возвращаться. Водная дева может помочь. Это в ее силах.

— Немедленно едем. — В Глазах медведя загорелась надежда.

— Поддерживаю. — В седло своей низенько лошади вскочил Вул. — Отдыхать потом будем.

— Согласен. — Кивнул Федогран.

— А я тем более. — Илька вскарабкался обратно на плечо. Тем более, что я еще не

видел эту самую Су-Анасы. Проспал. А лучший друг не удосужился разбудить. — Он укоризненно посмотрел в глаза Федограна, и дернул его за ухо. — Припомню при случае, я, конечно, не злопамятный, но на ус мотаю.

— Поехали. Мститель. — Усмехнулся Федогран, и отдал мысленную команду Туплару. И в тот же момент, где-то вдалеке прокуковала кукушка.

— Я же говорил. — Подпрыгнул Албасты. — Жизнь возвращается в эти места. Слава Батырам!

К оазису, как не торопились, но подъехали на следующий день в полдень. Солнце нещадно палило летним жаром, и тени деревьев блаженной прохладой опустилась на плечи друзей. Остановились только когда, въехали на берег глади голубого озера. Спешились с лошадей. Бер, бережно опустил девушку на заботливо подстеленный Камалом плащ, и с нетерпением посмотрел на Федограна.

— Зови брат, свою русалку. — Шагнул он навстречу другу. — Сил нет терпеть больше!

— Да, уж. Кликай быстрее ее, а то сгорю от любопытства. — Засуетился шишок.

Богатырь подошел к самому краю воды, сложил ладони характерным образом, изобразив этакий рупор и закричал:

— Су-Анасы! Отзовись, русалка! Это я, Федогран! Я нашел твой гребень!

Сначала ничего не происходило, но спустя какое-то время, посередине озера начал образовываться смерч. Первые капельки, оторвавшись от поверхности закружились в легком танце, присоединяя к себе искрящихся сестер, все более и более наливаясь мощью, и вот уже пенящаяся воронка, устремившаяся к небу, побежала, но поверхности, на удивление спокойной воды, быстро приближаясь к берегу. Зашуршала песком, практически выпрыгнув на сушу, и остановилась гудящим водоворотом в одном шаге от нашего героя.

— Ты его нашел? — Су-Анасы вышла, откинув рукой длинные, спутанные, черные волосы, с лица, открыв искрящиеся радостью глаза. — Я знала, что тебе это по силу. А что с Дэвом?

— Он мертв. Пришлось убить. Я выполнил твою просьбу, но и у меня есть желание, которое ты можешь исполнить. — Он сделал шаг назад и в сторону, открывая обзор. — Агли. Бывшая пленница Дэва. Ты ее наверно помнишь? Монстр как раз тащил ее в свое логово, когда остановился в твоём оазисе и украл гребень. Она спит, и что бы мы не делали, разбудить не можем. Туплар говорит, что богиня Ак-Аны может прислушаться к твоей просьбе и разбудить девушку, и Албасты имеет такое же мнение. Помоги красавица. Выполни нашу просьбу.

Су-Анасы подошла и склонилась над Агли, опустила ладони ей на лоб и задумалась. Долго молчала, хмурия брови, и что-то беззвучно шептала, на непонятном языке.

— Сильное заклятие. — Наконец произнесла она в слух, поднялась и улыбнулась. — Но богиня нам не нужна. Не стоит беспокоить небожительницу там, где можно справиться своими силами. Я развею чары Дэва. Сделаю это ночью. Сегодня. Но есть одно условие.

— Я так и думал, что без оплаты тут ни как. — Пробурчал шишок.

— Ты хороший дух. — Посмотрела на него Су-Анасы. — И верный друг. Но в тебе слишком много недоверия к другим созданиям богов.

— Были, понимаешь, поводы. — Огрызнулся Илька.

— Хорошее и плохое идут всегда рядом, взявшись за руки, и поддерживают друг друга. Не закливайся на чем-то одном, позволь и второму посетить твою душу. — Улыбнулась она и перевела взгляд на Федограна. — Разочарую твоего друга, и не потребую взамен

ничего. Мое условие простое. Вы покинете оазис до утра, и что бы ни случилось не вернетесь. Магия, которую я буду творить, принадлежит женщинам, и мужчины не должны ее видеть.

Ночь провели в степи. Костер не зажигали и не спали. Настроение менялось от полыхающего радостью надеждой, до отчаяния прыжка в пропасть. Их можно понять. Одного взгляда на трясущихся от нетерпения Бера и Камала, было достаточно. Два любящих мужчины, то подпрыгивали, в желании бежать куда-то, то садились, опуская понуро голову, в необходимости смириться и ждать.

Федогран лежал, закинув руки за голову и смотрел в звездное небо. Редкие минуты отдыха за все время нахождения в этом мире, и те какие-то нервные. Полностью расслабиться не получается. Сон не идет. Голова кипит от проблем, которые ждут впереди. Как помочь степнякам? Их война с нашествием, это продолжение его войны с Чернобогом. Объединить племена, создать армию, способную побеждать. Что может сделать он? Простой, не закончивший даже школу парень из далекого будущего. Вся заслуга которого, это катиться по наваливающимся на него обстоятельствам, обрастая все новыми проблемами, как снежок по сугробу.

По большому счету, он давно уже должен был умереть, еще тогда, в схватке с медведем. Но жив. Четверо друзей, названных братьев, двое из которых вообще не люди, идут теперь с ним по жизни помогая во всем. Куча знакомых, из которых четвертая часть духи, а еще одна боги. Скажи ему кто такое раньше, рассмеялся бы в лицо: «Какие боги? Какие духи? Сказки это». Не принято в его прошлом мире в них верить. Наверно это потому, что бог лжи победил, в той реальности. Теперь от Федограна зависит, чтобы этого не случилось.

— Пора. — Подпрыгнул Бер. — Светает. Пока дойдем, солнце встанет над горизонтом. Как раз вовремя подойдем.

— Ты как та блоха. — Засмеялся шишок. — Вроде безобидная, но покою не дает. Пошли уже, торопыга. Все равно ведь уже отдохнуть не дашь.

В оазис они попали с первыми лучами солнца. Волновались все. Получилось ли ворожба? Очнулась ли от сна Агли. Сотник с медведем шли рядом, сдерживая друг друга, чтобы не рвануть вперед. Все сомнения развеял донесшийся с берега озера смех, и два женских голоса, обсуждавших что-то веселое.

Девушки сидели рядом и беззаботно кидали камешки в воду. Более высокая Су-Анасы расчесывала длинные черные волосы, и что-то весело рассказывала, а Агли слушала, кивала головой и хохотала соглашаясь.

— Дочка. — Прошептал остановившийся в нескольких шагах от них Камал. Его услышали. Девушки обернулись, вскочили на ноги, и одна из них бросилась в объятья к отцу, а вторая, смущенно опустила голову.

— Мы не слышали, как вы подошли. — Извиняющимся голосом произнесла она.

— Женщины. — Хмыкнул шишок, и попытался еще что-то добавить язвительное, но подавился словами, получив подзатыльник от Вула.

— Спасибо тебе. — Оборотень склонил голову. — От всех нас, а это насекомое не слушай. — Его палец ткнул в спину Ильки. — Он не умеет быть благодарным.

— Чего это я не умею? Очень даже умею. — Пробурчал тот себе под нос.

— Не за что благодарить, это было не очень сложно, а за друга не извиняйся, такие, как он, просто стесняются своих чувств, скрывая их за сарказмом. — Улыбнулась девушка.

— Спасибо тебе. — Бер упал на колени.

— Встань богатырь, не делай глупостей, я понимаю твои чувства. Но на данный момент любовь застилает тебе глаза, за свои поступки потом может быть стыдно. У тебя впереди трудные решения, иногда объяснится людям между собой сложнее, чем убить друг друга, а у тебя впереди еще трудный разговор с родителями отвергнутой невесты и своими мамой и папой, но ты справишься. Ради нее. — Су-Анасы кивнула в сторону Агли. — Я верю. — Она повернулась в сторону обнимающихся отца и дочери. — Ну что, Камал, отдашь свою кровинку за чужеземного батыра? Калым то ему платить нечем?

— Отдам, если свадьбу в степи сыграют. В чужие земли только женой отпущу. Не пойми кем нет, не поедет. — Улыбнулся сотник. — А калым... — Он нахмурился, и сделал вид, что задумался, но потом махнул рукой. — Потом отдаст, когда разбогатеет. — И рассмеялся.

— Папа! — Прыгнула ему на шею Агли и поцеловала с заросшую бородой щеку.

— Спасибо отец. — Склонил голову медведь. — Я буду хорошим мужем.

Задерживаться в оазисе путешественники не стали. Поблагодарили местную русалку, сами благодарности выслушали, набрали воды в фляги и в путь отправились Дел впереди много, а времени на их осуществление мало. Кто знает когда врага ждать? Только Чернобог ведает, но он не ответит, сколько не спрашивай.

Снова палящее солнце над головой и хрустящая, высушенная до состояния сена трава под копытами лошадей. Снова текут нудные минуты, складываются в часы ожидания окончания путешествия. Шишок перебрался на плече Вула, и о чем-то там с ним переругивается, видимо обсуждает несправедливый подзатыльник, полученный от оборотня. Бер везет Агли, усадив ее впереди себя, нежно придерживая за плечи, и, кажется, даже не дышит, боясь повредить этот бриллиант своего сердца. Камал, что-то напевает про себя, тягучее и нудное, подрагивая голосом в такт шагам лошади, а Федогран кемарит, склонив голову на гриву Туплара.

Нудно, скучно и жарко. Дневное светило катится медленно к горизонту, скоро начнет темнеть. Ночевать придется в поле. До ближайшего оазиса еще сутки пути.

Федогран поднял голову, и неверующе протер кулаками глаза. Впереди, на горизонте, на фоне тускнеющего, теряющего в сумерках жар солнца стоял черный всадник, с поднятым в верх копьём. Закованный в латы витязь, поднял вверх руку, в приветственном жесте, и направил своего коня навстречу путешественникам.

— У нас гости. — Привлек внимание друзей юноша.

— Кто это? — Удивленный Вул приподнялся над крупом лошади. — Один в степи. Странно это. Не нравится мне. Опять неприятности.

— Ого. — Воскликнул восхищенно шишок. — А ведь я его знаю. Вот уж кого не ожидал тут встретить, так это его. Легендарная личность.

— Не томи? — Все обернулись к Ильке. — Что ты все загадками. — Камал подъехал ближе к будущему зятю и дочери, опустив руку на меч.

— Сын Дажьбога и Морены. Богумир. — Хмыкнул шишок. — Серьезный воин.

Глава 29 Богумир

Остроконечный шлем, с полоской стали, прикрывающей переносицу, с бармицей, спускающейся позвякивающей при движениях волной, на широкие плечи, и сливающейся в одно целое с кольчугой двойного плетения, вполне достаточной для защиты могучего тела от ран, но вполне легкой, удобной, не сковывающей плавных, уверенных, кошачьих движений воина.

За спиной щит — капелька, в руках копье, а под седлом богатырский конь, нервно всхрапывающий при виде чужаков, словно спрашивающий разрешение укусить белоснежными зубами стоящих напротив людей, и роющий землю нетерпеливым копытом.

Все черное, синевой бликов отражающее солнце, и только жесткие глаза, оценивающе смотрящие в душу небесной голубизной бесконечности, и волосы, выбивающиеся из-под шлема кучерявой шапкой, и словно специально завитой бородой, цвета свежей, высушенной солнцем соломы, контрастируют с тьмой экипировки, оттеняя ее и подчеркивая.

Он подъехал медленно, и грациозно, как и подобает сыну богов, гордо выпрямив спину вдоль задней луки седла, придерживая повод одной рукой и управляя жеребцом одними ногами. С достоинством склонил голову в приветственном поклоне, и протянул руку, приглашая поздороваться, как это принято, крепко сжав предплечье.

— Я ждал вас. — Прозвучал его приятный, слегка приглушенный бас. — Приглашаю посетить мой лагерь. Погостить, отдохнуть, поговорить, и обсудить наши совместные планы.

— Совместные планы? — Удивился Федогран. Отвечая на рукопожатие. — Я снова игрушка в руках богов, уважаемый Богумир? Я не знаю никаких совместных планов, кроме того, что должен объединить степь и победить врага. Хотя и считаю это невыполнимым. Или что-то изменилось? Богам вновь нужно развлечение?

— Не горячись богатырь. Ничего не поменялось. Я прислан Перуном тебе в помощь. Вот об этом я и хотел поговорить.

— От помощи я не откажусь, тем более божественной. — Усмехнулся Федогран.

— Тогда прошу ко мне в гости. Славуня приготовила ужин. Не хорошо заставлять ждать хозяйку. Не любит она этого. — Богумир дернул поводья, развернув коня, и пригласил жестом следовать за ним.

Назвать лагерем то, что предстало перед взором путешественников, мог только избалованный комфортом, создаваемым повсюду его женой, Богумир. Для уставших путешественников открывшаяся картина виделась раем.

Сухая степь резко обрывалась, и дальше на небольшом участке, вполне достаточном, чтобы принять в себя нескольких человек с лошадьми, словно накрывшись расшитой цветами скатертью, преображалась в поляну. Радовала и удивляла одновременно изможденных дальним переходом путников чудом необычного перевоплощения из чахлой местности в цветущую опушку соснового бора.

Посреди этого великолепия стоял дубовый стол с расставленными по кругу стульями с высокими спинками. И рядом, льющий из неоткуда, и уходящий в никуда источник, с чистой журчащей водой.

Для лошадей висащие в пространстве ясли с овсом, и чистые поилки. Воздух наполнен ароматами хвойного леса, цветов и свежей выпечки. Чудо посреди выжженной солнцем степи.

Хозяйка встречала их, как и положено, перекинутым на вытянутых руках расшитым полотенцем, и караваем теплого ржаного хлеба, с небольшим белоснежным холмиком соли посередине румяной корочки. Проголодавшиеся путники непроизвольно сглотнули.

— Прощу к столу, гости дорогие. Славуна по обычаю поклонилась в пояс, и отступила в сторону. Очень красивая женщина. Прекрасная той своей естественной природной красотой, которой любые вмешательства макияжа только пойдут во вред. Высокая, статная, гордая, уверенная в себе, но в то же время излучающая доброту и заботу всем своим видом.

Белокурые волосы, косами спускающиеся на высокую полную грудь, как два ручейка вытекающих из-под венка из ромашек. Белоснежный воздушный, словно вытканый из воздуха сарафан, расшитый жемчугом, волнующий взгляд таинственностью скрывающейся под ним стройной женской фигуры, и сапожки, едва выглядывающие из-под скользящего по бархатной траве длинного подола, плавно и грациозно несущие молодую богиню.

Легенда об их любви потерялась в веках, и дошла до нашего времени обрывками, обрастая ложью и домыслами. К сожалению, Федогран тоже упомянул об этом в своих дневниках вскользь. Жаль. Но и того, что я узнал уже достаточно, чтобы восхитится его мужеством и ее нежностью. Это истинная история о том, что великое чувство, способно противостоять всему на свете История о верности жертвенности и чести. О том, что простая смертная женщина, может стать богиней, и что даже бог может влюбиться, наплевав на все устои, и пойдя наперекор всем, обрести простое человеческое счастье.

Но я отвлекся. Это другая история, и может, когда-нибудь, я ее вам расскажу. Но это будет потом. Сейчас же время других героев. Вернемся к делам другим, не мание эпическим и важным.

Стол ломился от угощений. Кувшины с медом и морсом, кипящий самовар с взваром, перепела, зарумяненные на углях, поросёнок, манящий румяной хрустящей корочкой, обложенный печеными, плачущими соком яблоками, осетр целиком на серебряном блюде, словно кричащий ароматом: «Съешь меня», и конечно пироги, всевозможные курники, расстегаи, шанюшки, разящие на повал восхитительными запахами, голодных путешественников.

Небольшой конфуз случился из-за Камала с дочерью, никогда не видевших стульев, и не понимающих, зачем они нужны. Но он быстро разрешился стараниями хозяйки, тактично, с улыбкой объяснивших значения незнакомых предметов.

— Привыкай, девочка. — Погладила она голову Агли, — Ты будешь женой воина, в землях которого принимать пищу положено именно так. Со временем ты привыкнешь, и еще будешь удивляться, что как обходилась до этого без стола и стульев. Поверь, что это очень удобно.

Первоначальный голод утоляли молча. Соскучившиеся по знакомой пище путешественники отдавали дань голоду, и с благодарностью поглядывали на улыбающуюся хозяйку, а та порхала вокруг них подливая в высокие кружки напитки, и приглашая попробовать все новые и новые блюда.

— Еще немного, и я ни смогу не только говорить, но и дышать. — Откинулся на спинку стула Федогран.

— А я еще курничком закушу. — Бер потянулся через стол и подхватил с блюда румяный пирог.

— Куда в тебя только лезет. — Прохрипел шишок и сыто икнул. — Вы, как хотите, но я все. — Спасибо хозяйка, наелся. — Он встал и поклонился. — Во век не забуду ваше

гостеприимство.

— Ну что же. — Поднялся из-за стола Богумир. — Тогда Братину по кругу пустим и поговорим, опосля. — Он поставил на стол огромный ковш, и налил его до краев стоялым, тягучим медом. — Рад знакомству. — Он припал губами к краю, отхлебнул значительную часть и передал его стоящему рядом Вулу.

— Знакомство с таким легендарным воином как ты, честь для меня. — Оборотень кивнул хозяину, принял ковш и припал к нему губами. — И за тебя хозяйюшка. — Вытер он губы и поклонился, в сторону улыбающейся Славуни.

— Мне оставь. — Не смог сдержаться от ехидного замечания шишок. Богумир, посмотрел на него и улыбнулся:

— Ты, как всегда, неподражаем, пересмешник. Обижаться на твои выходки глупо, это все равно, что обижаться на ветер. Он все равно будет дуть, плевав чье-то мнение.

Илька крикнул в ответ, но замолчал и сел насупившись.

— У меня в деревне все парни от зависти попадают. Я братину с самим Богумиром пил. — Бер взял в руки ковш. — Здоровья хозяевам, и удачи во всех начинаниях. — Смачно отхлебнул он из чарки, и протянул ее Федограну.

— Будем добрыми друзьями. — Отхлебнул тот и хотел вернуть ковш хозяину, на шишок дернул его за ухо.

— Куда? Я еще не пил. — Ухватился он за чашу обеими руками. — Будь здоров и ты, воин, и женка твоя. Счастье в дом, или что там у вас у богов вместо него. — Он склонился над краем и высосал все остатки. — Вот теперь все. — Улыбнулся блаженно и сел.

— Ну что же. — Рассмеялся Богумир. — Теперь можно и поговорить. — Он сел и пригласил жестом всех последовать его примеру. — Как уже говорил ранее, я вас ждал. Послан Перуном, при согласии и поддержке всех богов, в помощь вам. Сразу поясню, почему не вмешивался раньше. Здесь чужие земли и другие законы со своими порядками и своими высшими силами, без согласия с которыми, я не мог действовать. Теперь все изменилось, Тенгри одобрил мое присутствие и благословил. Объединение степи идет полным ходом. За время вашего отсутствия были посланы гонцы во все кочевья и старейшины не посмели противиться воле высшего. Все собрались в оазисе, и ждут вашего возвращения, дабы избрать верховного вождя. По их мнению, им должен стать победитель Дэва. — Он посмотрел на Федограна. — Надеюсь у тебя хватит ума отказаться? — Хмыкнул, и отвел глаза. — По задумке богов, им должен стать Камал. — Он перевел взгляд на сотника.

— Я недостоин. Это слишком великая честь для простого воина. — Покраснел тот.

— Ты будешь спорить с богами? — Богумир нахмурился. — Мы видим на много дальше, и больше, и считаем, что это на данный момент верное решение. — Он замолчал, дав всем возможность осознать сказанное и спустя время продолжил:

— Сила, с которой мы столкнулись, странная. Не в том смысле, что войной идут необычные люди, пусть и под знаменем лживого бога, а в том, что воюют они новым способом, до этого нам неизвестным, и противостоять которому мы пока ничего не можем. Все надо будет придумывать на ходу.

Я видел их сражения. Там южнее, на западе, они схватились с войском местного царя, разгромив его начисто. Порабощение тех земель произошло быстро и жестко. Шантажируя жизнями семей, они поставили под меч, на свою сторону всех воинов, того царства перед этим публично-показательно посадив бывшего правителя, с женой и детьми, на кол. Мерзкое я вам скажу зрелище. Людская кровожадность, подпитанная безнаказанностью,

меня иногда поражает. — Передернул он брезгливо плечами.

— Так вот, что я увидел необычного в сражении...

Костер потрескивал дровами, кидая искры в звездное небо. Общее собрание старейшин кочевьев степи молчало, переваривая новости, донесенные им странным черным воином, посланником богов из соседних земель, и благословленным на эту речь самим Тенгри. Новости пугали. Первый раз за много веков, после великой войны, горе пришло в степь. Пришло неожиданно, навалившись все сразу, без остатка, и не давая никакой возможности убежать или спрятаться. Выбор отныне стоял простой: вступить в бой и победить, или погибнуть и исчезнуть, став рабами.

Предстояло выбрать единого вождя, который поведет их мужчин в бой. Предложенного Богумиром Камала, они знали и уважали, но относились скептически: «Молод еще. Опыту мало. Дочку не уберег от похищения. Лучше чужака Федограна выбрать. Он проявил себя с лучшей стороны. Конечно то же больно молод, но зато уверен в себе, решителен и умен, богами так же обласкан, а потому и удачлив чрезмерно, что так же является плюсом. Лучше его» — Стреляли они в сторону богатыря глазами, не решаясь противиться предложению божественного посланника.

Камал сидел в общем круге понуриив голову, как преступник на скамье подсудимых и молчал, пережевывая желваками скул угрюмые мысли. Федогран, тоже не знал, что сказать, и изредка посматривал искоса на возвышающегося в свете пламени Богумира, ожидая от того продолжения...

— Я вижу, что вы не в восторге от моего предложения. — Сын богов провел глазами по лицам собравшихся старейшин. — Обоснуйте свое мнение. Не надо бояться. На кону существование вашего народа.

— Кхе. — Один из дедов поднял лицо. — Не нам, конечно, спорить с высшими силами... Но не лучше бы нам выбрать более достойного. — Его палец, искривленный тенью костра, указал на Федограна. — По моему мнению этот батыр более достоин звания вождя. — Он с надеждой посмотрел в глаза парня. — Да и молод еще Камал.

— Молод...! — Захохотал Богумир. — Ты смеешься, на до мной, выбирая еще моложе?

— Ну... — Замялся тот. — Годами да, но мудростью и отвагой он достоин звания старейшины.

— Еще он удачлив, а сотник нет. — Встрял в разговор еще один из собравшихся черноволосый крепыш, отбросив прядь черных волос со лба. Камал потерял дочь, а он ее освободил, и вернул в кочевье. И еще ему покровительствуют боги. И наши, и ваши. — Его слова поддержал гул одобрительных голосов.

— Может тогда мы спросим его самого, что он об этом думает? — Богумир посмотрел на богатыря. — Скажи воин. Ты хочешь стать верховным вождем?

— Нет. — Произнес очень тихо Федогран, поднимаясь на ноги, и с каждым следующим словом его речь начала наливаться жесткостью, силой и уверенностью. — Я чужак, не знающий ваших законов, я чужак, не знающий ни ваших правил, ни уклада жизни, ни ведения боев, и еще, я не намерен оставаться здесь после завершения войны. Меня дома ждет невеста. Меня ждет невыполненный долг перед богами и своим народом. Я не в праве брать сейчас на себя ответственность. Тем более, что любовь богов под частую оборачивается жесткими испытаниями. — Он скосился на Богумира, и тот отвел глаза. — Считаю, что Камал достоин стать вождем, а я помогу, поддержу советом, и подставлю плечо.

— А мы поможем! — Вскочил Бер, рядом с другом.

— Плечом к плечу. — Встал рядом с ним Вул.

— И пусть враги сдохнут. — Поднял гордо подбородок шишок, встав и выкатив грудь.

— Ну если так. — Почесал затылок черноволосый. — То, пожалуй, у нас нет другого выбора. Признаю старшинство Камала над собой и своим кочевьем.

— Согласны. — Загомонили остальные. — Пусть командует. Поддерживаем.

Сотник преобразился. Ответственность внесла свои поправки. Он и без того был серьезным мужчиной, а теперь весь его вид показывал, что он достойный своего звания вождь.

Заняв почетное место у костра, он поднял руку, в знак внимания.

— Вы знаете, что я не стремился к лидерству, но обстоятельства заставляют меня его принять. Клянусь, быть честным, отважным, достойным гордости предков вождем, во всяком случае до окончания войны. Потом ваше решение можно и пересмотреть.

А пока... — Он грозно обвел всех сидящих отблеском пламени в зрачках. — Все мои приказы будут неукоснительно выполняться. Мы вступили в войну, и потому будем жить на военном положении, пока не разобьем врага. Я готов выслушать все ваши предложения и советы, но решать, как действовать буду сам, лично. Я все сказал. Теперь слушаю вас? Как будем воевать?

— Ну что же, мне такой подход нравится. Улыбнулся Богумир, сядя рядом с сотником. — Еще раз напомню, что тактика у нашего противника необычная, но действенная, тем более тут в ровных как стол степях.

— Закидаем стрелами, и всех делов. — Подскочил худосочный вождь восточного племени. — Так наши деды воевали, и всегда получалось. — Постреляли, отошли, снова постреляли, пока не полягут все.

— Они очень хорошо экипированы. Прикрыты большими щитами, как крепостная стена. Идут медленно, но неукротимо. Им ваши стрелы, что быку солома. Только смеяться будут. Выдавят вас с ваших родных степей, к морю прижмут, сойдется в рукопашной, и все поляжете. Тут надо что-то новое придумывать.

— Если все что ты описал на самом деле так и выглядит, то я знаю подобную тактику. Но вот как с ней бороться имею очень смутные представления. — Произнес Федогран задумчиво глядя в костер, и замолчал. Повисла гнетущая тишина, только шелест листьев деревьев, цокот цикад и потрескивание дров в огне, освещающего угрюмые лица, внимательно всматривающиеся в силуэт нашего героя в надежде на чудо. — Единственное, что помню, то, что они сильны в строю, если разрушить, то как отдельные поединщики они не страшны. — Вновь заговорил воин, не поднимая глаз. Есть у меня одна задумка, но ее надо обсудить, и даже наверно опробовать, потренировавшись между собой в слаженности действий. Но я не уверен, что получится.

— Говори. — Дотронулся до плеча Федограна Богумир выразив общее мнение. — Все равно других предложений нет.

— Хорошо. — Кивнул парень. — Слушайте.

Глава 30 Война

Два войска стояли друг напротив друга. Угрюмые и молчаливые. Разношерстная, кто во что горазд одетая, нестройная толпа степняков, и стройные коробочки, отливающих золотом доспехов, в восходящем зареве солнца, захватчиков.

Время текло, медленно отсчитывая тягучие секунды лучами поднимающегося над горизонтом светила. Федогран выехал вперед на Тупларе, с поднятым вверх копьём с подвязанным к острию белым шарфом. Вражеский строй загомонил восхищенными голосами при виде крылатого коня, расступился и вперед выехал закованный в латы рыцарь. Обернувшись нерешительно, он пришпорил черного жеребца и двинулся на встречу.

— Ты пришел сдаваться? — Дрогнул его голос из-под забрала круглого шлема, украшенного разноцветными перьями, и сквозь узкий разрез сверкнули встревоженные глаза. — Сложите оружие, и мы вас не убьем. Мало того, вам будет оказана честь служить Гай Юкалию, в доблестных войсках солдатами, и даже получать долю трофеев. Я оказываю вам великую милость, предлагая такое.

«А ведь он боится меня», — осознал Федогран, его нерешительный тон и бегающие глаза.

— У меня другое предложение. — Он придержал попытавшегося ударить копытом врага Туплара. — Вы бросаете на землю мечи и щиты, разворачиваетесь, и уходите туда от куда пришли. Обещаю, погони не будет. Уйдете здоровыми и не калеченными. — Усмехнулся он.

— Это не приемлемо. — Буркнул сквозь железо забрала противник.

— Я так и думал, поэтому воспринимай мое предложение как шутку. — Мило улыбнулся Федогран, но внезапно стал серьезным. — В наших краях принято перед сражением проводить бой поедищиков. Два лучших воина, выезжают навстречу друг другу от каждой из противостоящих сторон и бьются до смерти. Один на один.

— Зачем?

Действительно. Зачем. Богатырь никогда не задумывался над этим вопросом. Принято и все. Что-то вроде ритуала, поддерживаемого с двух сторон. Если бы окончанием этой схватки решалась судьба войны, то тогда можно было бы понять, а так... Рационального объяснения этому нет. Как объяснить то, чего сам не понимаешь? Он пожал плечами:

— Пусть воины перед смертью насладятся красивым сражением, вдохнутся подвигом лучших бойцов.

— Моим воинам этого не надо. Их вперед ведет железная дисциплина и возможность разбогатеть на добытых трофеях. Я не буду рисковать. Мое войско сильно слаженным строем, и повиновением, нам не нужно разогревать свои эмоции, мы победим и так. Еще раз предлагаю сдаться.

— Ну, что же. Я выполнил то, что требовала от меня вековая традиция. Предки не будут ко мне в претензии, не моя вина, что вы отказались. — Пожал плечами богатырь, и перешел на зловещий шепот. — При следующей нашей встрече ты умрешь. — Он склонил голову и развернув Туплара неторопливо вернулся в строй. Отпустил коня, встав рядом с друзьями, и присоединившимся к ним Богумиром.

Воевать было решено на собрании старейшин в пешем строю. Кидаться легкой конницей на тяжеловооруженную, слаженную пехоту, посчитали самоубийством.

— Отказался? — Усмехнулся Богумир кивнув в сторону удаляющегося вражеского генерала. — Я так и думал. Он когда-то был хорошим воином, но после того, как продался Чернобогу, измельчал. Трусоват стал. Жаль его, ведь он не сам выбрал этот путь.

— Ты его знал? — Вул снял шлем и удивленно посмотрел на сына бога.

— Да. — Кивнул тот. — Давно это было. — Их род поклонялся моему отцу, Дажьбогу. — Теперь все изменилось, и он мой враг. Жаль. Он предал веру отцов, пусть и под страхом смерти. Но страшно не это, страшно другое... — Он замолчал и нахмурился.

— Расскажи. — Повернулись к нему все.

— Не сейчас. Может быть, когда-нибудь в другой раз. Вон уже у врага барабаны зазвучали, скоро пойдут. Завораживающее я вам скажу зрелище будет. Если бы мне не нужно было бы их убивать, то смотрел бы и восхищался.

— Почему ты с нами в одном строю. Ведь ты бог? А они не вмешиваются в дела людей. — Федогран задал давно волнующий его вопрос.

— Меня низвергли из Прави, за связь со смертной, и потому я неправильный бог, мне можно. — Горько улыбнулся Богумир. — Я не буду стоять в стороне как они. — Он ткнул рукой в небо. — И наблюдать как рушат мой мир. Мне есть что защищать кроме своей жизни. — Он повернул голову в сторону вражеского строя. — Готовьтесь. Они пошли. — Перекинул он щит из-за спины, и достал из ножен меч. — Славная будет битва.

— Плечом к плечу. — Рывкнул на плече Федограна шишок.

— Плечом к плечу. — Услышал Ильку и загудел, и заколыхался весь строй степняков в едином порыве.

Зрелище, движущегося вражеского войска, было действительно завораживающим. Под бой барабанов, отбивающим монотонный такт, в ногу, единым организмом, они продвигались вперед, гремя при каждом шаге металлом доспехов.

Двенадцать укрытых со всех сторон щитами коробок, спрятанных под такой защитой воинов, одновременно поднимали и опускали ноги, и приближались несокрушимой стеной, на фоне кровавого восхода. Сзади гарцевала латная конница. В нужный момент она ударит, бронированным клином в слабое место, чтобы окончательно сокрушить врага, развеять его, и уничтожить. Поработить того, кто сдался и добить упрямых, не желающих стать рабом, должна будет уже легкая кавалерия. Ее еще не видно, но она есть. Богумир видел все этапы сражения своими глазами, и все описал, так что сомневаться в ее присутствии не стоит.

— Братья! — Перед строем выехал на своей низкорослой лошадке Камал. — Пришел тот день, когда решается наша судьба! Тот день, после которого, мы или так и останемся свободным народом, почитающим своих богов, и живущим собственным укладом, или станем рабами, предав память и веру предков! Не посраим память ушедших поколений, давшим нам жизнь, воспитавшим в нас отвагу, честь и справедливое отношение к жизни. Лучше смерть чем позор рабства! Урагша!!! — Рывкнул он боевой клич.

— Плечом к плечу! — Выкрикнул кто-то из строя ставший популярным девиз.

— Плечом к плечу! — Вскинул вверх меч Камал, и войско взорвалось ревом:

— Плечом к плечу!!!

Кто-то не выдержал и выпустил стрелу. Провожаемая взглядами двух войск, она прорезала пространство, и звякнув по вражескому щиту, рикошетом ушла в рассветное небо тремя обломками, словно сигнал к началу. Бой взорвался сразу, одновременно, воплями, проклятиями и стонами. Первая кровь пролилась. Теперь или победа или смерть, назад дороги нет.

Побить бронированную коробку казалось невозможно. Край одного щита перекрывал, соприкасаясь край другого, создавая неприступную стену. Время от времени, по приказу от куда-то из недр строя раздавался каркающий приказ, и образовывались узкие щели, в которые вылетали короткие мечи, и разили упирающихся степняков. Враг слаженными движениями продавливал строй неумолимо двигаясь вперед. Шаг. Щиты раздвигаются. Удар клинков. Щиты смыкаются. Следующий шаг. Вновь щиты. И так раз за разом. Монотонно и неумолимо.

Федогран попытался воспользоваться моментом и прорваться в эту разомкнувшуюся щель, но был отброшен мгновенно сомкнувшимися щитами назад, и не погиб только благодаря кольчуге, отразившей вражеский клинок. Спасибо кузнечному искусству Гермеса. Только синяк остался.

Спрыгнувший с плеча внутрь вражеского строя Илька, через некоторое время вернулся взлохмаченный, потрепанный, недовольный, и взобравшись на свое место прошипел прямо в ухо:

— Не прокусить. Чуть зубы не поломал. Даже ноги в железе. Ох, и тяжело нам придется.

— Пора бы уже. — Прохрипел в ответ загадочно Федогран, и в этот момент, словно повинувшись приказу невидимого командира, строй врагов рассыпался. Сработала задумка героя. Выдернутые протянутыми под дерном веревками опоры, держащие замаскированные щиты над глубокими ямами с острыми, заточенными кольями, рухнули вниз, увлекая за собой врага, протыкая и калеча падающие в них тела. Вой боли и страха пронесся над полем сражения, и тут же утонул в боевом кличе степняков:

— Урагша!!!

— Гойда. — Взревели Федогран, и названные братья и кинулись в общую свалку, работая мечами как мясники топорами.

— Гойда!!! — Махнул клинком Богумир, разрубая чье-то тело пополам.

— Гойда. — Пел Вул, виртуозно отсекая чью-то цепляющуюся за края ямы руку, и тут же, без остановки, плавным отточенным движением, перерезая открытое горло другого врага. — Что же вас так много. — Недовольно сопел он, метая кинжал в грудь третьего.

— Гойда. — Хохотал довольный Бер, любую схватку воспринимающий как игру, с хрустом опуская клинок на чью-то голову. — Ай да я. — Кулак в латной печатке свернул скулу орущего что-то противника. — Не кричи, не люблю я этого. — Сопроводил свое действие довольный медведь, и краем щита заехал еще одному в подбородок.

— Гойда, тьфу. — Выплюнул шишок оторванное ухо уворачиваясь от кулака. — Не дергайся, перепрыгнул он на переносицу, воющего противника. — Я еще только начал. Все твои приятные ощущения еще впереди. — Рассмеялся он в выпученные от страха и боли глаза.

Сколько нервов и сил понадобилось, чтобы совершить это чудо. Сколько слов было сказано упрямым старейшинам, упиравшимся: «Наши предки так не воевали, зачем придумывать что-то новое. Мы не черви, чтобы в земле ковыряться», вплоть до угроз и даже рукоприкладства нового главного вождя, по отношению к особо упертым упрямам. Сколько хитростей и уловок было применено для того, чтобы вражеское войско пошло именно здесь, и именно здесь приняло бой на условиях степняков. Только боги это знают, хотя и они, что лукавить, приложили к этому свои руки.

Без их участия. Без сильнейшей жары и восхитительных, напитанных свежестью видений оазисов на горизонте, в нужном направлении, без нужных следов, виртуозно

нарисованных небожителями на земле, задумка могла и не получиться. Все удалось. План сработал. Войско захватчика там, куда его вели. В нужном месте и в нужное время, и вот он результат.

Вражеские командиры еще пытались удержать порядок и собрать строй, но степняки не давали этого сделать, напирая всей мощью, и яростью, остервенело вырезая растерянного противника. Единственное, что мог предпринять генерал, это кинуть в бой латную кавалерию. Сбить напор, и дать время на перегруппировку, чтобы вновь собрать в кулак, объединить мечущихся в панике в одно целое воинов, что он и сделал.

Земля содрогнулась от удара копыт сотен закованных в железо лошадей, устремившихся клином вперед, подняв облако пыли, закрывшим солнце.

Опущенные к гривам стальные шлемы, выставленные вперед копыта и небольшие кавалерийские щиты, прикрывающие тела. Красиво, если со стороны, особенно если доспехи начищены и отражают солнце. Но когда эта лавина несется на тебя, нервы начинают барабанить страхом, а тело цепенеет ужасом. Не каждый может выдержать такое. Рвется выдержка, гася храбрость. Ноги сами несут прочь. Глупо осуждать побежавших, тем более тому, кто не стоял и не ждал таранного удара конного клина. Легко рассуждать сидя в кресле с бутылкой пива.

Не выдержали степняки, побежали. Сначала тоненьким ручейком потекли, но быстро превратились в полноводную, наполненную паникой реку, и вот уже разрушительный поток страха, воя от ужаса, несется в степь.

Взревел враг. Победа. Теперь. Догнать, порвать, связать, ограбить, превратить в рабов, и заставить себе служить, это безвольное стадо. Теперь им больше не нужен строй. Теперь для погони не нужны приказы. Они знают, что надо делать. Уже не в первый раз побеждают. Привычная рутина. Теперь вперед к богатству. Преград больше нет. Они бросились догонять, забыв обо всем, упиваясь заклокотавшей в душе алчностью.

Но что это? Сопротивляются? Степняки внезапно передумали бежать? Они выстраиваются позади своего вождя в монолитный строй. Глупцы. Сейчас латная конница пробьет их, порвет порядки, с ходу прорвавшись одним мощным ударом, останется только ловить разбегающихся аборигенов, тому, кто успеет ворваться следом, вязать веревками, собирать в вереницы и вести на продажу, а потом, когда с воинами будет покончено, можно будет заняться семьями.

Стариков перебить для острастки. На кол их, вдоль дороги. Красиво, кроваво, жестко и сбивает спесь с остальных выживших. Попользоваться бабами, а затем, вместе с детьми, следом за мужиками — продать. Богатство уже застилает взгляд, поблескивая в глазах золотыми монетами.

Удар был страшным. Валящиеся друг на друга лошади и всадники. Ломающиеся с сухим треском копыта и кости. Кровь, взметнувшаяся туманом в небо. Вопли, стоны, лязг железа. Страшно.

Казавшаяся неизбежной победа обернулась сокрушительным поражением. Встречающий всадников строй степняков, перед самым ударом прыснул в стороны, открыв огромный камень на пути, валун, непонятно каким образом занесенный в чистое поле. Избежать жесткого соприкосновения не удалось. Первые ряды буквально размазались по граниту, а следующих за ними и попытавшихся остановиться всадников, смяли скачущие, и не ожидающие подвоха другие, и тут же им на головы посыпались разъяренные степняки.

— Урагша!!!

Легкая конница врага, несущаяся следом, мечтающая о легкой поживе, была встречена ураганом стрел. Легкие доспехи не предназначены для защиты от летящей смерти. Пока сообразили, что и как, половина уже валялась в траве, захлебываясь кровью, а в спину рванувшей назад, удирать, другой половине, вновь плюнули луки.

Это была победа. Страшная, доставшаяся ценой жизни многих, но от того не менее славная победа. Еще ни разу ранее несокрушенная никем, слаженная железной дисциплиной, закованная в сталь армия, не была разбита только что собранным из разношерстных степняков войском.

Богумир стоял задумчиво посреди трупов. Федогран спрыгнул с коня и встал рядом. Под ногами лежал вражеский генерал. Шлем валялся рядом, показав наконец лицо. Простое, обычное лицо сорокалетнего мужчины. Рыжие кудрявые волосы, нос картошкой, смешные веснушки на щеках, коротко стриженная бородка, вислые усы, голубые глаза. Только вот, что выделялось, это злоба, буквально льющаяся из этих самых глаз. Он был еще жив.

— Вы зря радуетесь. — Плевался он кровью пробитых легких. — Вы победили в сражении хитростью, но за нами придут другие. Вы все равно все станете рабами императора Гай Юкалио, и пожалеете, что не стали ими добровольно. Кровь зальет эти земли. — Он замолчал и забился в конвульсиях.

— Отходит. — Рядом спрыгнул с коня Вул.

— А шапка у него хороша. — Склонился подъехавший Бер и поднял с земли шлем, протер его об штанину, и улыбнулся. — Себе заберу. Вы не против? — Посмотрел он на друзей и опустил глаза на умирающего. — Надеюсь тот рай, который ему пообещали за предательство, его разочарует. — Сплюнул он.

— Страшно. — Загадочно произнес Богумир.

— Что? — Не понял Федогран.

— Страшно, что делает с людьми Чернобог. Этот человек. — Его палец указал на уже затихший труп. — Был рабом, и радовался этому. Готов был жизнью защищать новый порядок. И ведь чем его купили? Это смешно. Пленили, задурили голову, обратили в раба, и самому позволили иметь рабов. Униженный, имеющий возможность унижать безнаказанно сам, вечно боящийся своего хозяина. Ради этого пошел на смерть. Ради возможности быть хозяином над судьбами других, возвеличится за счет них, и не понимал дурак, что сам прожил остатки жизни невольником. Вот что страшно. Неужели мы не выстоим и весь мир превратится в загон для рабов. — Он замолчал, махнул рукой, словно хотел что-то добавить, но передумал. Надел шлем. Запрыгнул на коня и уехал не оборачиваясь.

Не такой уж сладкой оказалась победа. На долго ли мир пришел в степь? Сколько еще войн предстоит пережить? Справится ли Камал? Сможет ли объединить кочевья. Остается только надеяться. Оставаться дальше не имеет смысла. Задания богов выполнены. Долги отданы. Пора возвращаться домой. Там ждет невеста.

Глава 31 Тайный враг

Возвращение было нерадостным и хмурым. Нет, погода тут не причем. Наоборот. Начало осени это прекрасная пора. Бабье лето, это великолепно. Деревья только еще подергиваются золотом желтеющей листвы, отражая нежаркие уже, но все еще веселые солнечные лучики, трава еще зеленая, сочная, а Ярило по-летнему радуется глаз, пусть даже по утрам уже и попахивает морозцем. В этом отношении все прекрасно. Все так, как и задумано создателем. Другие обстоятельства заставляют путешественников беспокоиться и хмуриться. Новгород встретил их угрюмым молчанием прохожих, отводящих глаза, и отсутствием улыбок на лицах. Тяжелым, гнетущим чувством чего-то непоправимого.

Не было обычного ажиотажа. Не ликовала толпа, и самое главное Алина не встречала как это было обычно своего жениха, не шла рядом держась за стремя и гордо поднимая подбородок не улыбалась.

Воевода встретил их у крыльца терема. Он стоял, опустив голову, не смея поднять взгляд:

— Прости, богатырь. Не уберегли. Нет твоей невесты.

Как Федогран слетел со спины Туплара, он и сам не понял. Очнувшись только тогда, когда сильные руки Бера отрывали его от Митроха, которого он тряс, схватив за ворот рубахи, выплевывая в лицо слова:

— Где она?! Что с ней?! Как?! Говори!!! Убью!!!

Тот не сопротивлялся, и не оправдывался. Стоял и терпел, молча опустив голову. Он все понимал. Чувства они такие, тем более в молодости они взрывные. В них нет злобы. В них отчаяние и несдержанность юного характера.

— Успокойся Федогран. Нет в том его вины. Никто не ожидал предательства от близкого человека. Если уж кого и стоит обвинять, то меня. Недоглядел. — Чашун подошел незаметно сзади, и вытянувшейся рукой взяв парня за плечо, развернул к себе. — Иди к Елею. Он просит тебя позвать, когда приедешь. Он сам не свой после потери дочери. Пьет горькую и ждет. Он все расскажет. Только не делай глупостей. Не принимай скоропалительных решений. Поговоришь с отцом возвращайся в терем воеводы, мы будем там, и обсудим, как поступить дальше. Иди. — Он подтолкнул парня в спину, обрывая попытку того задать вопрос. — Все потом.

— Может надо было самим рассказать? — Услышал тихий голос воеводы в спину Федогран.

— Нет. — Сказал, как отрезал дух жизни. — Они почти родственники. Разберутся.

Как горе мгновенно меняет человека. Прошло чуть более двух месяцев с их последней встречи, более точно в отсутствии часов сказать нельзя, а Елей уже превратился в старика. Седой, изрезанный морщинами, как шрамами, старый убитый горем и жизнью дед.

Когда Федогран вошел в избу, он спал, сидя на лавке, и положив белую голову на сгибы локтей. Тяжелый запах перегара, и еще чего-то кислого наполнял пространство. Парень подошел и присел рядом на краешек скамьи.

— Отец. — Положил богатырь руку на плечо Елея. Он решил называть его так, пусть и не положено вроде до свадьбы, но плевать он хотел на все эти «положено». Отец его невесты отныне и его отец, чтобы не случилось.

— А? — Мутные бесцветные глаза поднялись и посмотрели в лицо — Сынок. Ты

приехал... А я вот не уберег Алинушку нашу. Прошляпил... — Слеза скатилась по изрезанным морщинами пьяному лицу.

— Ты можешь толком мне объяснить, что случилось. — Взвелся Федогран. — Кругом одни недомолвки. Она жива?

Тот пожал плечами, отхлебнул из деревянной кружки, пролив половину себе на грязную рубаху.

— Вроде жива. Но он тебя требует.

— Кто он? Хватит пить, в конце концов. Я не узнаю тебя. Действовать надо. — Парень вырвал из рук кружку и швырнул в стену. — Рассказывай.

— Седмицу назад она по грибы пошла. Время сейчас самое то, закрома набивать. Лес щедро делится с тем, кому не лень. Любава, жена кузнеца, чтоб она сдохла, змея подколотная, ее с собой позвала, мол она место тайное знает, где белых много. Ушли вместе, а назад эта гадина, одна возвратилась, и сразу в терем воеводы. И ведь как изменилась. Всегда застенчивая, незаметная. Откуда наглость такая в ней образовалась.

— Кацикин. — Говорит она. — Федограна к себе требует. Ежели не придет, то Алинушку мою по кусочкам возвращать будут.

— Ничего не понимаю — Юноша посмотрел в трезвеющие глаза. — Причем тут Любава?

— Так она и есть тот подсыл. — Врезал по столу кулаком Елей и зашипел от боли. — Купили ее тем, что пообещали дочке мужа хорошего сосватать. Дура баба верит, что Вул ее дочери лживым богом подарен, авансом за измену. Я ее едва не убил, когда узнал.

— А что же Перл?

— Что Перл. Любит кузнец ее. Говорит. Задурили женке голову. Готов идти Алинку спасать, дабы прощенье бабе своей вымолить. Да только Чернобог только тебя видеть хочет, и непременно одного, или убить Алинку грозит. Так бы давно дружиной княжеской спасать отправились. Вот тебя ждем.

Елей встал, пьяно покачиваясь, и вдруг упал на колени:

— Федогранушка, помоги! Все что есть отдам! Спаси дочку.

— Ты сдурел старый. — Вскочил Федогран и склонился над рыдающим у его ног отцом невесты, пытаясь его поднять. — За кого ты меня принимаешь. Встань немедленно.

— Верни Алинушку, заклинаю. — Не унимался тот.

Много уже пережил за свою недолгую жизнь Федогран. Смерти в лицо смотрел. Но вот такое с ним случилось первый раз. Он растерялся. Как себя вести с отчаявшимся человеком. Молящим тебя о том, чего ты и сам хочешь сделать. Совсем еще недавно гордым воином, а теперь ползающим у ног и унижающимся перед тем, кто его уважает.

Парень сел на лавку, пододвинул к себе две кружки и налил в них хмельного стоялого меда.

— Сядь отец. Выпьем.

Поддействовало. Тот поднялся и рухнул рядом на скамью. Вытер рукавом мокрые от слез глаза выпил одним залпом напиток:

— Прости. Веду себя как баба истеричка. Дошел до отчаяния. Столько всего передумал, пока тебя ждал. Ничего на ум не идет. Дочку спасать надо, а как это сделать не знаю.

— Я поеду и встречу с Кацикином. — Федогран коснулся вздрогнувшего плеча Елея.

— Он убьет тебя. — Покачал головой воин.

— Не первый раз мне на смерть идти, пока выкручивался как-то. Жив еще как видишь.

Да и в этот раз помирать не собираюсь. Да и жениться я на твоей дочке хочу, а мертвым такого не получится. — Улыбнулся Федогран, и Елей улыбнулся в ответ. Встал, расправил плечи и обнял парня.

— Надежду ты мне подарил. Спасибо.

В дверь избы громко, видимо чем-то тяжелым постучали, и вошел Щербатый. Поморщился недовольно, подошел к столу, сел на лавку, налил себе в кружку меда, отхлебнул, и выплеснул остатки на пол.

— Гадость. Сколько судеб это зелье сгубило, не считаешь. Тебя Елей я ему не отдам. Вставай. Пошли к воеводе. Ждет он вас с Федограном. Меня вот послал. А сюда сейчас девки придут, приберутся и проветрят. Неча славному воину в хлеву жить. Горе хмельным не лечится, его делами исправлять надо. Нака вот. Выпей. — Он вытащил из складок плаща темный пузырек, и налил темно-зеленую жидкость в кружку. — Голову поправь. Разговор серьезный будет.

— Я с Любовой хочу поговорить. — Встал Федогран.

— Сначала к воеводе. — Поднялся знахарь.

— Нет. — Парень упрямо мотнул головой и сверкнул глазами. — Подождет воевода. Сначала к Любове пойдем. Веди старик. Пока с подсылем Чернобоговским не поговорю, разговора с Митрохом не будет.

Она сидела на ворохе соломы, одной рукой прикованная цепью к бревенчатой стене узилища, другой прикрываясь от света факела. Бабушка божий одуванчик с глазами служительницы, в церкви продающей свечи, сама невинность. Не старая вроде женщина, ей не было еще и пятидесяти, выглядела старухой. На фоне своего огромного мужа — кузнеца она всегда оставалась незаметной. Никто не мог подумать, что она способна на подлость.

— Почему? — Федогран не стал пояснять вопрос. Зачем? И так все понятно. Он воткнул в держак на стене факел, и опустился рядом на массивный табурет.

Она вздрогнула, словно получила пощёчину, опустила глаза, и не ответила.

— Говори, Любава. Хочу понять. Я же был твоим другом, я помог твоей дочери обрести счастье, а ты ударила меня в самое больное место. За что?

Слеза капнула на морщинистую ладонь. Голова в цветастом платке поднялась и потухший взгляд голубых глаз устремился мольбой в лицо героя.

— Прости. Это как наваждение. Дура. Поверила. Он пришел ко мне во сне. Сказал, что дочь моя останется старой девой, и не видать мне внуков, но обещал помочь. Тут как раз ты со слезой Морены, и сватовством. Он все приписал себе:

— Видишь! — Сказал. — Это тебе авансом. Будешь меня слушаться, получишь еще больше, и дочь будет счастлива и внуков будет много. И богатства неисчислимы, и здоровье и долголетие. Все будет. Все для тебя сделаю. Только служи мне и моему богу. Уверенно говорил. Поверила я.

— Кацикин?

— Я не знаю. Он всегда являлся во сне, в черном плаще, с накинутым капюшоном, закрывающим глаза. Я не видела.

— Что он хочет?

— Тебя. Он ждет встречи. У Глухого леса, там, где река Волдан, берет начало. У истока. Ты должен быть один. Прости меня богатырь. Виновата я. Убей если хочешь, только семью не трожь. Они тут не причем.

Федогран резко встал и сделал шаг к выходу, но передумал, остановился, и обернулся.

— Глупо тебя винить. Смертью наказывать за глупость? Еще большая глупость. Бог лжи только этого и ждет. Ты слабая женщина. Нет не телом. — Он покачал головой. — Ты верой своей слаба и духом. Чернобог любит таких. Но главное ты поняла, что совершила ошибку, потому нет у меня на тебя обиды. Только как ты теперь своим близким в глаза смотреть будешь? — Он еще что-то хотел добавить, но не найдя нужных слов вздохнул, махнул рукой и вышел вон.

Шишок ждал тут же, на входе, и вскочил на плечо:

— Ну что? Что сказала? Голову рубить будем или сожжем как ведьму? Что решил?

— Не за что ее казнить. Она не предательница, а дура. — Вздохнул Федогран. — Сама себя наказала. Смерть для нее теперь облегчение. Пусть живет. Не у меня злобы. Недостойно воину бабе мстить. Счастья она дочери хотела, но на чужом несчастье... — Он резко оборвался не договорив, и перевел разговор на другую тему сверкнув глазами. — Пошли к воеводе. Другой у меня враг. Вот тому пощады не будет. — Он еще раз вздохнул и словно поставив точку еле тихо добавил. — Дура. — И пошел прочь.

— Не пуцу я его одного. Это ловушка. Сгубим пацана не за грош. — Гремел за дверью воеводского терема голос Чащуна. — Не для того его пестовали, не для того он через смерть и испытания прошел, чтобы вот так сгинуть. Сказал не пуцу. Все равно Кацикин девку прибьет, еще и богатыря сгубит. Не один там будет тать, я эту подлую натуру знаю. Западня это.

— Все мы понимаем. — Оправдывался Митрох. — И про подлость и про западню. Только так, хоть какой-то шанс у Алинки будет. Мы подстрахуем, как сможем. Дружина на подхвате будет, недалече, с братьями его, да и сам я в стороне не останусь. — За дверью одобрительно загудели. Федогран не стал дальше ждать и потянул за массивную ручку.

— Я в любом случае поеду. — Прямо с порога выпалил он. — Даже не пытайтесь меня задержать.

— Сгинешь дурак. — Встал ему на встречу раздраженный Чащун. — Кто с Чернобогом воевать будет?

— Плевал я на все. Ты с богами в свои игры играешь. За жизни свои беспокоитесь? А меня кто спросил? Моя война уже идет, и жизнь девушке для меня важнее всех жизней небожителей вместе взятых. Не стой у меня на пути дед. Я уже не тот сопливый пацан, что попал сюда год с лишним назад. Могу осерчать и обидеть ненароком. — Он сжал кулаки и зажевал желваками скул.

— Раздухарился. — Колдун обиженно сел на лавку. — Не за свои жизни мы боимся. За мир, который рушится переживаем. Тьма его поглощает. — Забухтел он, покрывшись облаком дыма. — Подлость зависть и ложь сожрет нас всех, если ничего не предпринять. На Любаву посмотри, что с милой, доброй женщиной сделали. А ты говоришь за жизни свои... — Он не договорил и махнул рукой.

— Что делать-то будем? — Воевода встал со своего места, обошел стол, и сел рядом с Чащуном. — Надо бы помочь.

— Надо. — Согласился он клубами дыма. — С Перуном посоветуюсь. Он не меньше нас заинтересован. Пусть то же участие примет. — Дед встал и поднял руки вверх:

Перуне! Вми призывающим Тя,

Славен и Триславен буди!

Здравия и множество Рода всем чадам Сварожьим дажди,

Родам покровительства милость яви,

Прави над всеми, вще из-Родно! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Яви лик свой, мудрость и силу громовержец

Защитник Рода, судеб Владыко.

— Хватит уже. — Воздух сгустился, запахло озоном и прямо из стены вышел Перун. —

Прекращай воздух сотрясать. Иди присядь с Митрохом рядом, не мельтеши перед очами. — Махнул он молнией колдуну, потом подошел, не торопясь к Федограну, и задумчиво посмотрел ему в глаза

— Значит за жизни мы свои боимся? — Пророкотал громом его бас, и молнии сверкнули в рассерженных глазах — Щенок! Что ты можешь понимать, смертный, в деяниях богов?

— А тут и понимать нечего. — Парень без тени страха, с вызовом посмотрел в глаза громовержца. — Бойтесь вы! На меня все поставили?! Так вот что я вам скажу. Пока невесту не освобожу, не будет от меня помощи. Не ждите. Сгинет она, и я за ней следом к Морене уйду. Плевать на то, как меня там примут. Вот мое слово!

— Вот же воспитали на свою голову. — Выдохнул Перун, затрепав электричеством, развернулся, подошел к лавке, на которой сидели Чашун с воеводой и опустился рядом, толкнув Митроха плечом. — Ну и что вы об этом всем думаете?

— Ты бог, ты и думай. — Пробурчал себе в бороду колдун. — Парень в чем-то прав. Мы свои проблемы решаем, а о его чувствах не думаем. Он чай не чурка стоеросовая, а человек, да еще малой совсем, в нем кровь бурлит. В его возрасте весь мир в черно-белых тонах. Он и так свой долг выполняет. Другой сгинул бы давно, а мы только требуем. Никакой помощи. — Он выпустил струю дыма и замолчал.

— Н-да. — Перун почесал затылок. — Что-то мы действительно... — Что он хотел сказать осталось загадкой, он хлопнул ладонями по коленям, встал и вновь подошел к парню. — Вот, держи. — Протянул он золотой перстень с изумрудом. — Вещь непростая и ценная. Не безделушка перед девками хвастаться. Врата это. Переход с одной точки мира в другую. Здесь, у терема воеводы, его на указательный палец наденешь, и в землю ткнешь, место отметишь, где одна створка откроется, а там, где помощь будет нужна, снова в землю пальцем да представишь как дверь в избу открывается, вторая створка пространственная распахнется. Дружина сможет пройти немалая. Придешь к Кацикину один, а помощь тут ждать будет сигнала, явится незамедлительно.

— Спасибо. — В глазах парня блеснула радость. — Простите меня за грубые слова. Не со зла я. Волнуюсь.

— Да что там. — Махнул рукой бог. — Понимаю все. Мы действительно слишком много тебе на плечи свалили. Тяжка такая ноша и для матерого мужика, а уж для тебя... — Он не договорил, махнул рукой и растаял, как и не было, только запах озона и остался.

— Собирайся в дорогу. — Чашун подошел сзади и положил ладонь на плечо. — Все что надобно в пути будет, говори, не стесняйся, все дадим. — Он задумался ненадолго и продолжил еще более уверенно. — И не сомневайся. Помощь будет ждать твоего сигнала. Лично поведу в бой.

— Спасибо. — Поклонился в ноги Федогран, и вышел.

Копье и щит ждали его в доме, подаренном воеводой еще за первый подвиг. Все так же необжитой и пустой. Не было на обустройство ни времени ни желания. Этим должна была заняться уже молодая жена, а во как оно вышло. Парень снял со стены щит.

— Долго тебя не было. — Пробурчал. То, не знаю, что. — Думал. Уж сгинул ты в чужих

землях, мы с Коломраком переживали, что не свидимся с тобой более.

— Да уж. — Хмыкнул из кончика копья Мор. — Заставил поволноваться. — Давай, рассказывай, где был, кого без нас убил.

— Не до рассказов мне. Алину похитили, выручать еду. Вас собой беру. Вы не против?

— Когда это оружие против хорошей драки было. Глупости спрашиваешь. — Рассмеялся Коломрак. — Когда едем?

— Прямо сейчас. Времени нет.

Глава 32 Игла в яйце, яйцо в...

Она стояла прямо на тропе, загоразивая поезд, держа внучку за руку и не отошла, и даже не пошевелилась, едва не попав под копыта вставшего на дыбы Туплара.

— Поговорить хочу. — Кикимора ухватилась за сапог. — Поблагодарить, извиниться и предостеречь. Удели бабушке несколько минут своего драгоценного времени, богатырь.

Федогран поморщился. Он спешил. Очень спешил и не хотел останавливаться. Невеста. Его Алинка в опасности. Какие тут могут быть разговоры.

— А я тебе подарок приготовила. — Удивительный голос взрослой распутной женщины и милая улыбка пятилетней девочки совершенно не сочетались в одном образе. С одной стороны хотелось послать подальше наглуую бабу, а с другой немедленно взять на руки и поиграть, погладить по кукольной головке милого ребенка. — Правда — правда, я не обманываю, сама делала. Очень забавная игрушка получилась, нужная. Пригодится тебе, от комариков отбиваться помогает. Слезай с коняги, поговори с бабулей, а я тебе за это подарок свой отдам. Ой, а что это у твоей лошадки? Крылышки. — Голубые, с зеленью глаза распахнулись в восторге. — Она как стрекоза? Летать умеет? А меня покатает по небу? Ну пожалуйста, дядя Федогран. Я еще ни разу по небу не летала.

— Чего это она меня как женщину называет? Какой я — она? Я вообще-то мужик. — Зазвучал в голове возмущенный голос Туплара. — Какая я ей лошадка? Я вообще-то легендарный жеребец. Обидно такое слышать

— Ой, да ладно уже так возмущаться-то. — Девочка видимо тоже слышала голос коня, и стрельнув оценивающе по его телу глазами продолжила. — Сама вижу, что ты не кобыла. Подумаешь какой обидчивый. Я ведь любя. Нежненько. Не ценят мужланы женскую ласку. — Фыркнула и обратилась снова к Федограну задрав головку. — Ну так что? Слезешь наконец, или нет. Нам действительно с бабулей поговорить с тобой надо.

Федогран нехотя спрыгнул на землю, и едва не упал. Ноги затекли от долгого сидения на неудобной спине, сделались ватными, и противно закололи иголками возвращающейся чувствительности. Он поморщился одновременно и неприятным ощущениям и неожиданной задержке в пути, прогнулся потянувшись хрустнувшим позвоночником.

— Говори Евей. — Голос его прозвучал глухо и раздраженно. — Только быстро. Спешу я.

— Тише едешь, целее доедешь. — Улыбнулась кикимора. — Некуда спешить. Никуда Кацикин не денется от тебя, дождется. И с невестой ничего не сделает, пока с тобой не расправится. А вот ты прямо в ловушку лезешь. Дурень дурнем. Подготовится надо. Не-то и сам сгинешь и дело провалишь.

— Если есть что сказать, то говори, не томи старая.

— Как не быть. Есть конечно. Присядем, отдохнем. Я тут вот молочка у крестьянок на лечебную травку выменяла, да пирогов с яйцом, да луком требовала за услугу. Присядем. — Махнула она рукой и на лужайке появилась расстеленная на траве скатерть с крынкой и корзинкой, накрытой расшитым зелеными нитками полотенцем. — Перекусишь, что Мокошь послала, отдохнешь с дороги, да меня выслушаешь.

Федогран хотел было отказаться, но в нос ударил такой аромат свежей выпечки, что рот моментально наполнился слюной.

— Только не долго. — Сглотнул он и пошел следом за бабкой и крутящейся под ногами

внучкой.

— Кацикин бессмертен, он полубог, полу дух, причём умерший, но так и не ушедший за кромку. — Начала рассказывать старуха, протягивая крынку с молоком и пирог гостю. — Только одна вещь способна его убить.

— Знаю рассмеялся Федогран. — Слышал эту сказку: «Смерть его на конце иглы, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце и так далее по тексту, до сундука на дубе»... — Его монолог был остановлен шипением Евеи.

— Что за глупость? — Глаза кикиморы округлились в возмущении. — Кто тебе рассказал подобный бред? Какая игла, и причём тут утка? Стрела воды способна убить твоего врага, и больше ничего.

— Вот это интересно. — Парень даже перестал жевать, весь обратившись в слух. — Рассказывай, что за стрела, и где ее найти.

— Вот так бы сразу, а то утка, заяц, стрела, да еще дуб сюда како-то приплел. — Успокоилась старуха. — Слушай.

Водяного ты уже знаешь. Мне Русалка рассказывала, как ты его в споре хитром обманул. Веселая история. — Хихикнула она, закатив глаза воспоминаниями, но быстро вновь стала серьезной. — Так вот. Стрела эта должна быть в закромах хозяина вод запрятана. Он ее сделал еще во время великой войны. Влил в нее всю мощь рек и озер, да еще приливной волной моря-окияна напитал. Да вот не пригодилась. Сила в ней такова оказалась, что не удерживается на кончике остря, пузырями из воды поднимается. Особливо это видно когда луна полная, да круглая на небо выплывает. Булькает так, что за версту слышать. К нему тебе ехать надобно. Испросишь стрелку, он и отдаст на благое дело. Водяной сам Кацикина не любит. Рад помочь будет. Поезжай соколик.

— Стой! Куда! — Схватила за руку собравшегося было вскочить на Туплара Федограна внучка. — А мой подарок? Я же обещала. — Надула она губки. Вот. Держи. Плеснешь в их сторону, они и сомлеют. — Протянула она тёмно-зелёный пузырек заткнутый скомканной тряпицей.

— Кто они? — Не понял парень.

— Вот глупенький. Я же тебе говорила. Комарики, что кровушки твоей испить захотят. Не уж-то ни помнишь?

— Бери, бери. — Улыбнулась Евея. — Она сама зелье варила. От души кусочки отрывала и в котелок складывала. Знатно получилось, я проверяла. Береги до нужного момента, когда он наступит сам поймешь.

Водяного искать не пришлось. Он лежал на берегу озера и нежился в лучах осеннего солнца, блаженно жмурясь. Хозяин озера едва не отбил на радостях спину парню, выражая таким образом, с помощью ладоней-лопат, свои эмоции.

— Богатырь-пройдоха. — Хохотал он. — Рад тебя видеть. Какими судьбами? А где твой маленький плут-помощник? Шишок?

— По делу я, хозяин вод. С просьбой. Евея сказала у тебя стрела есть волшебная, силы немереной. Дай ее мне. Очень нужно.

— Что значит дай? — Сощурился водяной. — Давай соревноваться. Выиграешь у меня, стрела твоя, проиграешь, не обессудь, не видать тебе чуда, не отдам. В загадки посостязаемся?

— Не до развлечений мне, хозяин вод, рад бы тебя позабавить, да некогда. Кацикин мою невесту украл, меня на бой вызывает. Бессмертный он, даже мечем волшебным не

убить.

— Кацикин. — Подпрыгнул водяной сжав кулаки. — Опять этот проказник? Прошлый раз только чудом я его не убил. Во время гаденьш к Калиновому мосту сбежал. Теперь вновь у меня на пути встал. С тобой пойду. Посчитаться с ним больно хочется.

— Не получится. — Вздохнул Федогран. — Одного он меня требует, в противном случае грозит Алинку мою убить.

— Ну вот что за нежить подлая. Как так можно? Бабой прикрываться. Дам стрелу, не переживай. Для такого дела не жалко. Только ведь для нее и лук нужен добрый. Простой не подойдет, тетива сгорит, а плечи треснут, не выдержит он силы в стреле собранной.

— Так что же делать? — Расстроился парень.

— Подскажу, и даже плату возьму весьма скромную. — Хмыкнул тот. — Можно даже сказать не плату, а еще одну услугу тебе окажу. Русалку помнишь?

— Как ее забудешь. — Улыбнулся богатырь. — Ради нее тебя круги по озеру нарезать заставили. Как кстати у Солы с парнем тем, что утопился ради нее, дела?

— ООО... — Захохотал водяной. — Отлично все у них. Пацаненка народили намедни, мне на забаву себе на радость. Шустрый такой рыбенок получился, смышленный. Вон что вчера удивил. Омутника за хвост укусил, а зубки то у него, что у той доброй щуки, длинные да острые. Так старый сом от боли и неожиданности едва на берег не выпрыгнул. Ох, и гонялся он потом за пострелом, всю муть со дна подняли, едва волной поднявшейся берег не смыли. Не догнал. Смеху было, до сих пор успокоится не могу. Как вспомню, так в животе бурлить начинает и наружу выплескивается. Уморил пострел меня своей выходкой. Так о чем это я? Ах, да. О луке. Так вот. У Березении спроси, а чтобы попусту не бегал, привет от сестры передай. Ей радость, а тебе не в тягость, и русалке службу справишь, и мне радость доставишь, и себе поможешь.

Есть у нее лук подходящий, самой Мокошью с дуба векового сотворенный, более сорока лет в водице реки Смородины мореный, с тетивой из судеб татей неупокоенных свитой. Тугой очень, простому человеку, какой бы сильный ни был не натянуть. Только тому под силу, кому богиня дозволение даст. Вот такому, словом Мокоши одаренному, как раз под силу, из него стрелу в ворога пустить. Промаха не будет, тут ты мне на слово поверь куда бы не выпустил стрелу, везде она цель найдет. Тебе где Кацикин встречу назначил?

— У Глухого леса, там, где река Волдан, берет начало. У истока. — Ответил богатырь.

— По пути все. Возьмешь лук, и наведайся к Баюну. Совета у него спроси. Он конечно кромочник неприятный, но дюже умный, много чего знающий. Не побрезгуй вопросом. Он может совет толковый дать. Ну теперь все на этом. Жди. Сейчас стрелу принесу.

Всё-таки прекрасная она девушка — Березения, стройная тростиночка, на фоне исполинских деревьев, единственное, что неприятно отталкивает глаз, это неестественная, какая-то загробная бледность кожи, нет даже намека на румянец.

Она вышла из ствола пожелтевшей осенью березы навстречу воину, сделала несколько шагов на встречу, улыбнулась, как умеет только она, мило, приветливо, с ноткой скрытой где-то глубоко в душе грусти, и поклонилась по вековому обычаю низко в пояс.

— Что привело ко мне моего друга — Федограна? — Зазвучал нежный колокольчик ее голоса. — Проходи, будь дорогим гостем. Сейчас звери накроют стол, и я буду рада угостить тебя дарами леса. Она взмахнула рукой, и сорвавшийся с пальцев порыв легкого ветра разметал опавшие листья на поляне, и на траву опустилась расшитая под осень скатерть. — Присаживайся, отдохни с дороги.

— Некогда мне, прекрасная Березения. Очень спешу.

— Все потом. — Прижала она тонкий указательный палец к его губам. — Сначала надо перекусить. Не обижай хозяйку отказом.

Как и в прошлый раз угощение было вегетарианским, но от этого не менее обильным и вкусным. Как и тогда дикие звери прислуживали за столом под открытым небом, делясь своими дарами. Нет смысла описывать то, что уже и так описано. Все по-старому, и все так же прекрасно.

Когда последний глоток клюквенного морса был сделан, и голодный, с дороги желудок, больше не вмещал в себя угощение, готовый взорваться от прикосновения, хозяйка леса мило улыбнулась и подняла глаза.

— Вот теперь можно и поговорить.

— Я с приветом к тебе от сестры и водяного, и с просьбой. — Федогран посмотрел прямо в глаза. — Отдай мне лук Мокоши. Очень прошу.

Она задумалась, став в один миг серьезной. Даже природа насупилась закрывшей солнце тучей, вторя девушке-березке. Ветер замер, не смея отвлекать ее от мыслей.

— Странная просьба. — Наконец произнесла она. — Лук этот не в силах натянуть смертный, пока не получит благословения богине. Зачем он тебе. Даже если ты с ним совладаешь, то простые стрелы не подойдут, сгорят в его мощи. Я знаю только одну, которая предназначена для него.

— Эта? — Федогран достал из заплечного мешка подарок водяного.

Темно-голубая, тонкая как вязальная спица бабушки, оставшейся в далеком будущем, с перекатывающимися под стеклянной кожей волнами бушующего океана, с темно-зеленым наконечником в виде скальпеля хирурга со стекающей с жала осязаемой мощью, стрела, подрагивающая нетерпением легла на ладони богатыря.

— Она. — Восхищенно округлились глаза девушки. — Даже не думала, что когда-нибудь ее увижу. Очарование и смерть в одном предмете.

— Мне нужен лук, Березения. Очень нужен. Моя невеста похищена Кацикином. Мне предстоит бой, в котором без чудесного оружия я проиграю и погибну. Но не это страшно. Страшно то, что со мной вместе уйдет к Калиновому мосту и ни в чем не повинная девушка — Алина.

— Без разрешения Мокоши, я такого решения принять не смогу, только она может отдать лук. Я всего лишь хранительница этого оружия. — Вздохнула хозяйка рощи.

— Я уже приняла решение. — Поднявшийся внезапно порыв закружил опавшую листву смерчем, образовав фигуру пожилой женщины с добрым лицом, и развивающимися по ветру локонами каштановых волос с зелеными оттенками весеннего леса. — Отдай ему лук, а я благословляю богатыря на владение им. Зло пришло в наш мир. Никогда еще до этого воин, кто бы он ни был, и кому бы не служил, не закрывался телом женщины от врага. Подлость не должна вползти змей в нашу реальность. Останови это Федогран. — Она положила холодные ладони на голову юноши. — Даю силу земли, силу зреющего урожая и даров леса осеннего тебе воин. Владей мощью божественной. Сокруши зло.

К месту, где обычно спал Баюн, Федогран подъезжал рассматривая темно-коричневый, с черными с зеленью, прожилками мореного дуба лук. С виду простой, только тетива, словно едва заметный тонкий луч солнца светится силой. Гнутые плечи, обвитая живым плюющим рукоять. Стрела ложится, словно прилипает к телу оружия. Изделие богов, что тут еще можно сказать.

— Слезай с коня, подойди и присядь, послушай сказку путник. — Промурлыкал проснувшийся кот, протирая глаза и зевая. — Поверь, она тебе понравится, ты запомнишь ее навсегда.

— Только это «всегда», будет недолгим. — Засмеялся Федогран.

— Ты! — Возмущенно воскликнул кот, наконец рассмотрев гостя. — Что еще тебе надо? В прошлый раз я все исполнил, и никаких обязательств больше перед людьми не имею. Заставил старика покинуть насиженное место. Приспичило видите ли ему посмотреть как папоротник цветет. — Он вдруг осекся. — Ты что, еще жив? Ааа... Испугался, сбежал, не стал смотреть на чудо...

— Почему сбежал. — Взглянул в глаза коту Федогран. — И посмотрел, и даже сорвал цветок. Вот спасибо тебе приехал сказать, да заодно и совета спросить.

— Брешешь. — Баюн сощурился недоверчиво. — Хотя нет, вижу что правду говоришь. Но ведь я советы бесплатно не раздаю. Есть что предложить?

— И не спросишь, что за совет прошу.

— Какая разница.

— Что в оплату хочешь.

— Сказку новую. Старые надоели. Придумаешь чем меня удивить, и я в долгу не останусь.

Как теперь кстати оказался спор Федора с отцом в ушедшем навсегда прошлом. Он тогда выиграл себе новый велосипед, доказав предку, что не лентяй. Выучил поэму Пушкина «Руслан и Людмила» наизусть.

— У лукоморья дуб зеленый.

Златая цепь на дубе томб

И днем и ночью кот ученый.

Всё ходит по цепи кругом...

Целый день Федогран декламировал стихи великого поэта. Размахивал руками, изображая Руслана, прижимал ладони к груди и застенчиво опускал глаза, словно был Людмилой, теребил бороду, пытаясь ее пустить по ветру как Черномор. Как мог, передавал интонации. Старался, читая с выражением.

Ищу напрасно впечатлений:

Она прошла, пора стихов,

Пора любви, веселых снов,

Пора сердечных вдохновений!

Восторгов краткий день протек —

И скрылась от меня навек

Богиня тихих песнопений...

Прозвучали уже в сумерках последние слова. Тишина в ответ. Кот сидел открыв рот и дышал через раз, ожидая продолжения.

— Все. — Усмехнулся Федогран. — Конец сказки.

— Это было... — Баюн не смог выразить словами захлестнувшие эмоции. — Это не просто сказка, это колдунство такое. — Развел он лапы в стороны, попытавшись изобразить величие. — Ты покорила меня. Неужели сам придумал такое? Не поверю.

— Нет, не сам. — Не стал себе приписывать славу будущего гения Федогран. — Но какое это имеет значение?

Кот вскочил, встал на две лапы и пошел вокруг огромного, в три обхвата, дерева,

бормоча себе под нос:

— И ведь как сказано... Прямо про меня... «Кот ученый». Прямо в самую суть угодил. А слог какой...

— Кот. — Рассмеялся Федогран.

— А? Что? — Очнулся тот. — Прости. Совсем с твоей сказкой про обещастья забыл. Ты это... Не тяни. Бей первым. Сразу. Не ввязывайся в драку, она впереди будет, но не такая безнадежная. А чтобы тебе полегче было. — Он подпрыгнул и ловко вскарабкался по стволу дерева скрывшись в кроне. — Тут ведь где-то был. Точно помню. Сюда прятал. — Донеслось его недовольное бормотание. — Ага, вот он. — Черная тень скользнула вниз. — Вот держи. — В когтистой лапе Баюн держал кнут. — На землю перед боем бросишь, какая ни какая, а помощь. Это тебе подарок, за то удовольствие, что мне доставил. Довесок к совету.

— Ничего не понял. — Пожал плечами Федогран.

— Потом поймешь. Тут особого ума не надобно. Иди. Не отвлекай. Мне запомнить сказку надобно, пока свежа еще в памяти. Иди. Иди. Не отвлекай.

Глава 33 Спой еще!

Вы видели когда-нибудь скелет? Согласен. Глупый вопрос. Конечно же видели, и даже если не обглоданные червями останки эксгумированного трупа, так хотя бы макет в кабинете биологии, в школе, или на крайний случай картинку в интернете. Сейчас таким невозможно кого-либо удивить. Иногда даже в мультфильмах для самых маленьких, в наше время, человеческие кости являются главными героями.

Но тут другое. Человеческие остатки, вживую, ехали на выбеленных солнцем останках лошади, на встречу нашему герою. На желтом черепе, с провалами клубящихся мраком, с проблесками огненных искр глазниц поблескивал стальной, рогатый шлем. Кольчуга спадала с узких плеч на круп коня, закрывая заднюю луку седла и позвякивая на острых коленях всадника. Костяшки пальцев одной руки придерживали позеленевший плесенью повод, а другой держали бьющееся в попытке освободиться тело девушки. Это была Алина.

Ярость заклокотала в груди Федограна. Скелет улыбнулся. Думаете это невозможно в отсутствии губ и кожи на лице? Попробуйте это сказать богатырю смотрящему в глаза черепа. Челюсть скелета со стуком опустилась на грудь, в желании заговорить.

«Как он только не разваливается? Что удерживает кости между собой?». Внезапно для самого себя подумал Федогран, и тут же вспомнил совет Баюна: «Не тяни. Бей первым. Сразу. Не ввязывайся в драку, она впереди будет».

От решения до действия один миг. Руки сами знают, что делать. Стрела взвизгнула нетерпением и яростью, слившись звуками с хлопком волшебной тетивы. Кацикин, а как наверно вы уже догадались, был именно он, умер не сразу, процесс происходил медленно. Он содрогнулся застучав костями, и начал распадаться. Первым рассыпался прахом череп, прямо от торчащей из лобовой кости стрелы, голубыми зигзагами крошащими кость, осыпался на кольчугу, рухнувшую водопадом ржавых колец, к ногам мертвого коня, который и сам осыпался вслед за наездником, кучей пепла. Один выстрел, и все. Победа. Как легко она далась.

Федогран прыгнул с Туплара, и упал на колени перед извивающейся в прахе скелета девушкой. Один взмах кинжала, и путы упали, освободив тело. Слезы радости, благодарности и счастья намочили рубаху под кольчугой плече героя. Она рыдала в его объятьях, а он целовал ее мокрые щеки и смеялся. Плевать на то, что до свадьбы не положено. Плевать на всех. Она тут, рядом с ним, его Алинка, и теперь ничто не разлучит их, даже смерть. Они и по Калиновому мосту пойдут рядом, взявшись за руки. Любовь великое чувство, вершащее и не такие чудеса.

Темнеть начало быстро. Накатили тучи. Мрачные, низкие, наполненные ливнем, они закрыли мраком солнце. Ночь посреди дня. Даже звезды показались на небосклоне. Чужие, те которые не видны при обычных обстоятельствах. Не их сейчас время, подглядывать за деяниями людей.

Земля сотряслась мелкой дрожью, вздыбилась барханами чернозема, раскидала в стороны куски дерна с пожелтевшей от прихода осени травой.

— Упыри. — Выдохнул Федогран.

Да, это они. Вроде немного, всего сотни две. Но даже с одним справится воину тяжело, а уж с таким количеством, богатырю не совладать. Это конец. Они поднимались шипя и плюясь грязью, разгребая когтями землю. Но и это еще не все. Хлопком раскрылось

пространство. Черным потоком оттуда потекло войско. Основательно подготовился к встрече со своим врагом бог лжи. Уж с таким-то количеством воинов, ни один богатырь не справится. Задавят массой. Никакое чудо оружие, никакие волшебные доспехи не помогут.

— Увози ее, я задержу. — Прохрипел в сторону Туплара богатырь, вставая, и отталкивая девушку от себя. — Сохрани ей жизнь.

— Уверен. — Прозвучал в голове голос коня.

— Да. — Федогран выхватил из ножен полыхнувший яростью меч.

— Нет. — Обиженная девушка поджала упрямо губы и мотнула головой. — Вместе. Не удалось пожить, так хоть умрем в одно время. Она взяла в руки копьё героя.

— Вот это у меня какая восхитительная воительница! — Захохотал в наконецнике Коломрак. — Повоюем напоследок. За спину можешь не сомневаться, богатырь, прикроем.

— Тогда и меня ей отдай. — Засопел. Не знаю кто из щита. Не хочу у тебя за спиной весь бой провести.

— Домой я сказал. — Рывкнул раздраженный Федогран.

— Она не уйдет. — Ответил за всех Туплар. — Да и я не хочу убежать. Как-то это неправильно, бросать друга.

— Чтоб вас... — Только и смог произнести парень. Бери щит и вставай сзади. Не высовывайся. — Кивнул он девушке.

— А ехали полем, вышли на другое,

А радили раду, раду новую:

“Врага в поле стретим, того в смерть уьем,

Ай хоть загубим, ай хоть застрелим”.

Насустречу им все калечищё,

Все убогое, все безногое.

А у него шляпа сорока пудов,

А у него костыль двадцати сажон,

Становился он в стороне пути,

Костыль становил среди пути,

Вешал калека шляпу на костыль,

Здевши шляпушку, низко кланялся...

Тоненький девичий голосок зазвучал неожиданно, и с каждым дальнейшим словом наливался силой. Алина пела древнюю как мир песню, подбадривая своего жениха, и такая вера звучала в ее голосе, что мурашки забегали по коже. Нет. Рано еще себя хоронить, а уж ей то и подавно рано к Морене в гости.

Федогран представил как открывается дверь в подаренную ему воеводой Новгора избу, и на пороге стоит Алина, в голубом, расшитом цветами платье и улыбается.

— Выручай Перун. Очень помощь твоя нужна. — Прошептал он и ткнул пальцем в землю.

Пространство заклокотало недовольным ветром. Засверкали, забили в землю молнии, громыхая зигзагами электричества и лупя в огромные барабаны невидимыми кулаками грома. Распахнулись огромные ворота, облаками за клубившегося вспышками зарницы тумана. Княжеская дружина, хлынула оттуда нескончаемым потоком, выстраиваясь за спиной богатыря в боевые порядки. Сдержал слово воевода. Даже князя на помощь позвал, и тот не остался безучастным. Пришел.

— От куда их столько надуло? Каким таким поганым ветром? — На плечо взлетел

трясущийся нетерпением шишок. — Ты как, не соскучился? Ничего, что я тоже поучаствую, чуток твоей славы присвою?

— Балабол. — Улыбнулся Федогран. — Рад тебя видеть дружище.

— Когда же ты успокоишься, и перестанешь втягивать нас в неприятности? — Рядом встал Вул, доставая меч. Он пытался выглядеть угрюмым, но в глазах плясали чертенята.

— Не того видимо ты брата выбрал. — Хлопнул ему по плечу наш герой. — Но менять уже поздно.

— Это кого тут менять на кого собрались. — Бер разминая плечи, достал меч, посмотрел в него как в зеркало, и стряхнул с себя несуществующую пылинку. — Кого тут убивать-то надо? Этих. — Кивнул он в сторону вытирающегося для атаки войска.

— Может сам справишься? — Шишок не мог сдержаться от шутки.

— Не. — Почесал затылок медведь. — Дюже много их тут. Помощь потребна. Вы как, поможете?

— Глянь-ка старая как Чернобог нашего богатыря боится, целое войско прислал. — Чашун, укутанный как паровоз клубами дыма, стоял на голове рыси, и тыкал кривым пальцем в сторону вражеского строя, обращаясь к сидевшей на осле Ягире.

— Ты посмотри, дух жизни, что он с Кацикином сотворил. А говорили бессмертный. — Захохотала колдунья. — Это же надо такое учудить. Прямо в лоб ему стрелой водяного попал. Вот только, меня беспокоит это упыри. Тяжко нам придется. Это сила серьезная. — Нахмурилась она.

«А я тебе подарок приготовила». — Вспомнил слова внучки кикиморы про комариков Федогран.

— Справимся. — Улыбнулся парень. — Есть у меня для них подарок, и не один. — Тут же вспомнились еще и последние слова кота: «На землю перед боем бросишь, какая ни какая, а помощь. Это тебе подарок, за то удовольствие, что мне доставил. Довесок к совету». — Парень погладил кнут на поясе. — Есть чем порадовать противника.

— Ответной лавой встречать не будем. Пешими поприветствуем. — Прозвучал голос князя Сослава.

— Согласен. — Поклонился ему Ермох. — От упырей сподручнее щитами прикрыться. Дюже шустрые. — Он развернулся к строю и рявкнул. — Слезай! Стреножь! Стройся!

Слаженно, как единый организм войско спрыгнуло с коней, отвело в сторону, и тут же вернулось сомкнувшись в единый, монолитный щит, ощерившийся наконечниками острых копий.

— Засуетились. — Пробурчал Чашун косясь в сторону вражеского войска. — Сейчас начнется.

Сначала раздалось недовольное шипение, постепенно переросшее в жуткий, леденящий душу вой. Упыри дрогнули, слегка подавшись вперед и вдруг сорвались с места, бросившись в атаку. Быстрые. Неимоверно стремительные, на грани видимости, ступками исчезающего тумана они рывками неслись вперед.

— Сейчас в строй врежутся, порушат, а следом основное войско пойдет. Ох, и тяжело нам придется. — Ягира начала вытягиваться, трансформируясь для драки.

— Сдюжим. — Чашун быстро раздувался в боевой шарик. — Мне не впервой с упырями сталкиваться. Бивал уже. Правда их всегда поменьше было. Сегодня больно уж много набежало в этот раз.

Над княжеской дружиной звучала песня. Нежный тоненький девичий голосок

воодушевлял воинов. Алина послушалась наконец, и ушла назад, за спины, и пела старинные гимны.

Федогран улыбнулся, представив ее стройное тело, с копьем в руке, и прикрытое щитом. Тепло нежностью наполнило грудь. Он победит. Только ради нее он сделает это. Она достойна жить, и будет жить на зло всем врагам.

— Ты как? Готов повоевать? — Погладил он гриву Туплара.

— Знаешь. — Прозвучал в голове его задумчивый голос. — Я в первый раз вижу, как на зов помощи, отзывается столько народа. Поверь, я прожил достаточно долго, и у меня есть с чем сравнивать. Ты великий батыр, Федогран, способный повести за собой на подвиг. Встать с тобой в один строй, плечом к плечу, большая честь. Я с тобой. Приказывай.

— Тогда вперед, мой друг. — Взлетел на спину коня парень. — Прямо навстречу кровососам.

— Ты что задумал? Безумец. — Закричал Чащун увидев что делает богатырь.

— Верь мне старик. — Рассмеялся парень. — Я пока не собираюсь умирать. — И рванул навстречу приближающимся упырям.

— Вперед. — Рывкнул Ермох. — И строй княжеской дружины двинулся следом за богатырем вперед. — Поддержим! Примем смерть, если надо, но не опозоримся перед потомками трусостью!

Враг приближался быстро. Уже видны скривленные злобой пасти, уже сверкают отчетливо налитые кровью глаза.

— Ближе. — Шепчет Федогран. — Еще чуть-чуть. — Замирает на готове. — Пора! — Вырвав зубами затыкающую тряпицу из горлышка подаренного внучкой кикиморы пузырька, он швыряет его вперед, в воющую толпу упырей и врезается, на полном скаку туда сам.

Не зря старалась девочка. Огромное облако зеленого тумана, вырвавшись на свободу, мгновенно опустилась вниз, накрыв собой, как одеялом поле боя.

Замедлились, зачихали, принялись тереть глаза кровососы, забыв про все на свете, кроме лезущего в нос и горло поганого тумана. Вырвать его когтями, выблевать из горла рвотой. Очистится. Федогран и подоспевшее княжеское войско не дали на это времени. Порубили упырей единым разом. Легко далась первая победа. Воспылали души воинов радостью и гордостью. Но это еще не конец сражения. Впереди еще огромное войско, и оно готово к драке. Ему отступать некуда. Провал в пространстве, приведший их сюда, давно схлопнулся, оставив или умереть или победить.

— Равняй строй! — Заорал грозно Федогран подняв на дыбы расправившего крылья Туплара. Ермох склонил голову соглашаясь с его правом принять командование на себя. — Вул! Берешь на себя правый фланг. Бер — левый. — Указал парень каждому из братьев его место.

— А я по центру. — Взобрался на свое место и прошипел злобно шишок. — Плечом к плечу! — Рывкнул он.

— Плечом к плечу! — Взорвалось криком войско.

— И пусть враг сдохнет. — Улыбнулся такому единодушию Илька.

— Гойда! — Федогран взмахнул полыхнувшим огнем мечем, и войско сделало первый шаг.

Две несокрушимые силы сошлись в поле лязгом стали, криками и стонами умирающих, выкриками радости побед. Две силы, которым некуда отступать. Вечное противостояние добра и зла, света и тьмы, решалось в эту минуту на поле боя. Кто выстоит, вытерпит, тот и

победит, а соперник умрет. Другого исхода нет, поэтому пленных не брали, да и не сдавался никто, не поднимал руки и не бросал оружие. Победа или смерть.

Сеча была страшной. Кровь лилась потоками, и это ни иносказание, ни метафора, это та действительность в которой сражались воины, иногда проваливаясь по колена в раскисшую от жуткой влаги землю, перемешанную с кишками вязкую глину, спотыкаясь об отрубленные головы, руки и ноги, и продолжая биться выскальзывающим из уставших рук, залитым потом и кровью оружием.

Маятник победы раскачивался то в одну, то в другую сторону, никак не желая склониться к победе задыхающегося усталостью Федограна. Перед глазами розовая пелена. Туплар хрипит сбитым дыханьем, в его груди торчит две стрелы вздрагивая опереньями при каждом движении и причиняя жуткую боль, но конь еще держится, продолжая нести на спине друга.

Шишок давно исчез со своего места. Спрыгнул с плеча в самую гущу сражения. Только изредка, то там, то здесь раздавалось его глухое рычание. Жив еще маленький пересмешник. Сражается.

Ни Вула ни Бера не видно. Но они на своих местах, на флангах, на острие атаки. Они бьются. Он это знает. Они по-другому не могут. Они такие, его названные братья. Всегда в самой гуще событий. Всегда впереди. Всегда плюют на опасность и смеются смерти в лицо.

Чащун рядом с Ягирой и князем Сославом. Правильно. Владельца земель надо охранять. Дух жизни колотит своим чудо-кулаком, выбивая кровавые брызги из лопающихся от удара черепов. Ягира, как пастух загоняющий стадо, щелкает плетью, вот только под ее кнут попадают не коровы, трупы валяются от соприкосновения с игрушкой старой колдуньи.

И звучит не останавливаясь над полем песня. Сорванным в хрип девичьим голоском, воодушевляет на подвиг воинов:

— О битвы грозный вид! Смотри! Перун сверкает!
Се мчатся! грудь на грудь! дружин сомкнутых сонм!
Средь дымных вихрей бой и гром;
По шлемам звук мечей; коней пронзенных ржанье
И труб стозвучный треск. От топота копыт,
От прения бойцов, от кликов и стенанья
Смятенный воем бор и дол, гремя, дрожит.
О страшный вид погранных боем!

Силы на исходе. Федогран швырнул на землю кнут, подарок Баюна. Растаял тот в один миг, рассыпался искорками взметнувшимися в небо и упавшими на воинов наполнив из новой силой, сняв усталость.

Наконец-то. Уже видна победа. Краешком надежды показалась она на горизонте, начиная разгонять мрак. Еще немного. Еще одно усилие...

— Да уж. — Шишок сидел на коченеющем трупке вытянув устало ноги и щурился подставляя лицо солнечным лучам. — Давненько я так не уставал.

— Я тоже что-то умаялся. — Бер разглядывал свое отражение в лезвии меча, и стирал с лица скомканным платком кровь.

— Во. — Хмыкнул Вул. — Уже собираются. — Он подхватил с земли камень и швырнул в сторону взметнувшихся карканьем ворон. — Как они только чувствуют? — Он устало опустил плечо и сел рядом с обнимающим невесту Федограном. — Как вы?

— Что? — Обернулся тот не понимая что от него требуют.

— Как себя чувствуете, говорю. — Понимающе усмехнулся оборотень.

— Как жених и невеста. Которые давно не виделись. — Засмеялся подошедший незаметно Чащун, и подмигнул сопровождающей его Ягире. — Может и нам с тобой свадьбу отгулять? А что? — Не обиделся он на подзатыльник бабки. — Дух зла и дух жизни в союзе. Полная гармония.

— Пень ты старый, а не жених. Чернобога одолеем и распадется союз. — Засмеялась бабка. — Добро и зло хороши, когда противопоставляют себя друг другу.

— А мне понравилось. — Задумчиво произнес шишок.

— Что. — Все непонимающе обернулись к нему.

— Союз ваш понравился. Думаю не распадется он уже никогда, как и наш союз с названными братьями. — Сказал и откинулся на спину, закинув руки за голову. — Спой еще Алинка. Так тебя слушать приятно.

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net